

Леонид Федорчук
Свободная жизнь-2

Альфред Грибер
ЭСТРАДИНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

*Мраморная мемориальная доска у
входа в кафе:*

*«В 2008 – 2010 годах в этом кафе
ежедневно обедал известный житомир-
ский писатель NN»*

*– От чего и умер, – сказал, улыба-
ясь, проходящий мимо житомирянин.*

*Леонид Федорчук
Собачья жизнь-2*

ЖИТОМИР «РУТА» 2010

84(4Укр–4Ж)6
821.161.2(477.42)
Ф33

Федорчук Л. І.

Ф33 Собаче життя-2. Грібер А.М. Естрадіни мого життя. Проза. Рос. мовою — Житомир: «Рута», 2010. — 360 с.

ISBN 978-966-8162-85-5

Тем счастливым, которые прочитали книгу «Собачья жизнь или пауза для эстрады с оркестром» никакая аннотация книги второй этого же автора не нужна по определению. Они и так знают: вещь стоящая, автор виртуоз слова, инженерно и поэтически одаренная личность. Для других сообщу: перед вами, уважаемые друзья, как бы вторая часть всё той же «Собачьей жизни» и ещё феномен под названием «Эстрады моей жизни» от Альфреда Грибера — инженера и музыканта, верного спутника автора «Собачьей жизни».

В своё время так расположились звёзды, что в чудном городе Житомир был построен завод по выпуску электроизмерительных приборов, а на том заводе начальником конструкторского бюро долгие десятилетия работал Леонид Иванович Федорчук. Он и есть автор книги, которую вы сейчас держите в руках. Полистайте её и убедитесь, что всё здесь написанное — не для красного словца и не модная ныне рекламная завлекаловка. Вы будете очарованы стилем, слогом, содержанием и скажете мне спасибо. Я же, как честный человек, переадресую вашу благодарность тем патриотам исчезнувшего, словно Атлантида завода «Электроизмеритель», которые убедили Федорчука продолжить «Собачью жизнь». То есть — буквально. Свою первую книгу Леонид Иванович издал на собственные сбережения. Нынешнюю ему помогли выпустить в свет люди, разделяющие глубокую и мудрую мысль французского писателя Андре Терье: «Есть, наконец, ещё одна музыка, которую понимают, которой наслаждаются только те, кто, подобно мне, прошли три четверти своего жизненного пути. Это музыка, так сказать, внутренняя, умственная, и лишь одна душа схватывает её немые аккорды, — это музыка воспоминаний». Ибо воспоминания, друзья, — единственный рай, из которого никто нас с вами изгнать не в силах. Прочитавшие эту книгу, убедятся в моей правоте.

Писатель **Михаил Захарчук** (г. Москва)

84(4Укр–4Ж)6

© Л. І. Федорчук, 2010.
© ПП «Рута», 2010.

ISBN 978-966-8162-85-5

НЕКОЕ ПОДОБИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ

*Пусть лучше над тобою смеются,
чем плачут.*

М. Жванецкий

Знаете, почему такое название у моей первой книги?

Ну, «...пауза для Эстрады с оркестром» — смысл, кажется, понятен. Действительно, с перестройкой и общим развалом промышленности эстрады вовсе притихли.

А вот почему — «Собачья жизнь...»? Нет, не потому, что я люблю собак и вставил пару эпизодов о них в книгу. А потому, что наше поколение действительно прожило собачью жизнь: мы как бы всегда были на цепи, всё запрещалось. Будку для жизни не каждый имел... Спи на той тряпке, которую тебе бросят, жри помой, которые тебе нальют. Или получи косточки с барского стола... И улыбайся при этом своим «заботливым» хозяевам. Лижи им руки при случае. А ещё аналогия получилась потому, что собаки ничего материального не оставляют потомкам.

Вот и мы не сумели ничего оставить. Хотя сделали много.

Так не должно быть. Амати делал прекрасные скрипки, он обучил Страдивари... И эти скрипки до сих пор в руках мастеров. А мы не смогли передать. Кроме воспоминаний, которые доступны только нам, живым.

Нам просто не дали этого сделать...

Цель моя состоит в том, что пока я могу, — я просто должен передать нашим молодым людям, что о славе нашего родного города надо заботиться...

Попробуйте, загрузите в Интернете слово «Эстрадин». И вы увидите, как на вас выпрыгнет море информации, с которой надо тысячи дней разбираться. И везде: Житомир, Житомир, Житомир...и ещё – «Электроизмеритель»... Конечно, не все сайты душу потешат – там нас и ругают прилично, и хвалят от души. А как же: мы были первопроходцами в этой области – области электромузыкальных инструментов... Мы, житомиряне, были первыми в Союзе, кто это сделал! И ясно, что при общей технической отсталости СССР, сразу создать чудеса было просто невозможно. Путь был очень тернист, но мы занимались этим более четверти века – с 1964 почти по 1991 годы, и это был путь славы Житомира!

Конечно, прошло слишком много времени, за которое возникла новая генерация житомирян, ни сном, ни духом не ведающая о той славе, которая должна была, по нашим задумкам, стать главной славой и гордостью Житомира. Это были годы полного всеобщего разрушения и упадка... Нам не удалось сохранить живьём то, что пело и звучало в 60х–80х годах... осталась только память...

Когда мне стукнуло 70 лет, и когда сердце стало разрываться на части от того, что ты, время от времени, вынужден ходить на похороны своих друзей и соратников – как это трудно, ребята!– я понял, что пока я жив, я просто обязан оставить в сердцах ваших и в головах память об этих людях, которых похоронили и стали забывать. Поймите, это моя святая обязанность... Если хотите, это обязанность не только перед вами, молодыми, это обязанность перед моим родным и любимым городом...

К началу 80-х годов объём производства электробаянов, синтезаторов и электроорганов на ПО «Электроизмеритель» достиг 25 процентов всей продукции, т.е. четверть производства ог-

ромного завода! Музыканты всей огромной страны эксплуатировали наши инструменты... И поскольку на заводе существовали ещё и другие виды продукции – электроизмерительные приборы, вычислительные машины, военная техника, аварийно-спасательные передатчики и пр., то это неминуемо приводило к ненормальной конкуренции между разными направлениями. Как следствие, возникали различные коллизии противостояния, об этом читать было бы очень интересно. Но в моей первой книге вы этого ничего не найдёте. Поэтому она в четыре раза тоньше, чем могла бы быть. И, главное, в ней отсутствует тот стержень, который всегда будоражит читателя – войны, столкновения, подсиживания, конфликты... Понимаете, я хотел сделать ту книгу в добрую память своих сотрудников, друзей... Я начисто освободил книжку от негатива. Только доброе должно было в ней царить...

Это было первое ограничение, которое я принял как постулат. Это книга, в которой происходят реальные события и все герои – реальные, действующие под своими именами и фамилиями. Иначе говоря, жанр мемуаров. Вот, достаточно мне было бы ещё напичкать её реальными фотографиями – и книжку можно было брать в руки, только чтобы её пролистать... Никто бы не стал её читать. Но выручила моя дочь Оля: она вместо статичных фотографий изобразила всех героев иллюстрациями, но до чего же они все похожи на себя! И узнаваемость эта стала второй особенностью «Собачьей жизни». А третий способ уйти от «мемуарности» книги и сделать её всё же художественной, в нарушение всех устоявшихся канонов жанра, стал нарочитый стиль хронологического перемешивания эпизодов и превращение их самих в незатейливые и, по возможности, в юмористические истории-рассказы. А это при-

вело к неожиданному эффекту, который был замечен моим нынешним софорумчанином «Журнала Житомира» Алексом Бендером:

«Книга имеет скрытый смысл. Вот прочитал её, и кажется — смысла-то ж нет... Ну, история, ну, события, что ж тут? А потом думаешь: «Но ведь читал!», а значит, что-то ожидал узнать. И узнал. Есть, есть некая идея, но я так и не могу её трактовать явно. Все написано кратко, и читатель улавливает лишь отблеск заложенного в неё сюжета, не касается его явно и твердо. И лишь в конце появляется нечто такое твёрдое и грустное, но это не может быть основной линией всей истории в целом. Вот такие мои выводы».

Да, это так. Как сказали бы литературоведы, цель затенила идейное содержание... И это является одним из оснований для написания второй части «Собачьей жизни». Хотя, есть ещё не столь уж хитрые основания: я торопился и не всё рассказал, что хотел. А потом — почему лишь эстрадины должны быть главными героями «Электроизмерительской эпопеи»? Почему «Собачья жизнь» должна умалчивать о других исключительных и замечательных людях, с которыми мы шагали бок о бок? И, если позволить себе говорить полную правду и обо всех, что я и хочу сейчас сделать, то картина окажется, возможно, более суровой, но и намного более реалистичной. Я не то, что проявил в первой части книги заботу о том, чтобы не обидеть своих бывших сослуживцев и поныне здравствующих, а хотел сделать чистой память об ушедших. Тем более, моё личное мнение и видение происходивших событий останется и в этом случае субъективным, но я введу в повествование новых героев под вымышленными именами и фамилиями, чтобы реальные лица могли на полном основании отрицать перед людьми свою причастность к описанному. Хотя, разу-

меется, что бывшие сотрудники, конечно же, их узнают и, надеюсь, не только поймут мои аллегории, но и в какой-то степени оправдают их. Книга художественная, в ней допустим вымысел. А Алекс Бендер отыщет, наконец, скрытый смысл...

Более того. Совсем недавно я приклеил к своему заголовку скромный подзаголовок: «Последние новости из последнего в Житомире завода». Это хоть в какой-то мере объясняет и мою позицию, и тот факт, что вторая книга отличается от первой по характеру. Я, в целом, пытался бороться с собой, чтобы характер повествования соответствовал первой книге, но, каждый раз, пытаясь смягчить интонации и сделать текст более светлым и расположенным к юмору, заметил, что только усугубляю и делаю всё наоборот, потому что не смог найти тенденций в окружающем меня обществе, которые вели бы к позитиву. Поэтому грусть и, порою, отчаяние мои были безысходными...

А теперь давайте послушаем некоторых людей, откликнувшихся на первую книгу.

«Выходит, не я одна прониклась. Книга очень понравилась, читала по одной, две, три главы (рассказа) за вечер, но всё равно она быстро закончилась. Живая, настоящая, весёлая, грустная. Спасибо, fedo. Оформление книги безупречное. Такие хорошие иллюстрации, а обложка — превыше похвалы.» (Hydrogenaza)

«На этих выходных познакомился с Леонидом Ивановичем Федорчуком (fedo) и его замечательной книгой «Собачья жизнь»! Без преувеличения могу сказать, это — «коллекционное» знакомство. Редко в жизни я встречал настолько жизнерадостного и молодого душой человека! Возможно, его книга в чём-то несовершенна, но у меня просто не возникает желания подвергать её скрупулёзному анализу. Ощущение после прочтения было такое, будто

я искупался в чистом, тёплом море! И, конечно, как человека пишущего, наряду с прозой, меня поразили стихи. Это отдельная тема. Стройность и изящность мысли, чистота слога просто поразительны! Но... разве скажешь об этом в прозе?:

Служил Идее и Отчизне.
Неверный муж и верный друг.
И вот, живёт «Собачьей жизнью»
Конструктор Лёня Федорчук.

Конструктору ведь всё едино.
Рождён творить он до и от.
Звучал когда-то Эстрадином.
А нынче книгою живёт.

И оптимизм его не помер.
И будоражит дело рук.
Так пусть живёт в тебе, Житомир,
«Собачьей жизнью» Федорчук!»

(Artmaker)

«Я долго думал, где я мог ранее прочитать выдержку «Житомиряне и житомирцы» из книги Леонида Ивановича. Долго думал, даже гуглил. Гугл выдал ссылку не на наш сайт, а на блог Альфреда Грибера, которого Леонид Иванович называет своим давним другом. Впрочем, и Грибер тоже называет Леонида Ивановича своим другом с более чем сорокалетним стажем.

Оказывается, ларчик просто открывался: вышеупомянутую выдержку на нашем форуме уже публиковал Иваницкий, авторитет которого среди форумчан тоже не вызывает сомнений. После прочтения всей книги решил я отыскать первоисточник, нашедшийся недалеко от кассы: <http://zhzh.info/forum/24-3418-122870-16-1258812365>

Как истинный житомирин (или житомирец?) стал я среди обилия имён искать знакомые. В силу возраста (а Леонид Иванович прак-

тически — ровесник моего отца) я сравнивал и искал пересечения с упомянутыми в книге людьми. И безуспешно. Имя Пети Гаммера, дважды упомянутого в книге как «юное дарование» поставило меня на уши, ведь он сосед по подъезду, а его сын Андрей был одноклассником моей младшей сестры. Скажу больше, Петя Гаммер был первым, приславшим вызов для эмиграции из СССР, что в нашей семье тоже незабываемо.

А интернет-игры «О, счастливчик!» и «Ах, везунчик!», разработанные Леонидом Ивановичем, были первыми, в которых я тонул сутками в первые дни, обладая счастьем под псевдонимом «Интернет».

И кроме того, «жванецкий юмор» и особая ирония присущи только уроженцам Житомира и одесситам, вне зависимости от того, житомирин он или житомирец, что в полной мере и показал Леонид Иванович». (Palgor)

«Я не могу объективно рассуждать о книге моего старинного лучшего друга, можно сказать, брата по жизни Лёни Федорчука. Ведь все его воспоминания — это и мои воспоминания, все его друзья — это и мои друзья. Поэтому буду рассуждать субъективно.

Книга, на мой взгляд, не просто замечательная, а гениальная. Мне всё в ней нравится. И это, наверно, потому, что я был одним из единомышленников Лёни. Мне посчастливилось быть в его команде первопроходцев по созданию советских электромузыкальных инструментов «Эстрадин», в когорте первых «электромузыкантов». В книге много юмора, тонким знатоком которого является автор, много таких исторически ценных сведений, о которых мало кто сегодня может рассказать. Особенно мне понятна проходящая, как лейтмотив, светлая грусть о тех замечательных временах, когда мы были вместе и все самозабвенно делали общее дело.

Книга Лёни Федорчука захватывает читателя с первого абзаца и не отпускает от себя до тех пор, пока не прочтёшь последнее слово. Остаётся только сожалеть, что нет продолжения. А так хотелось бы ещё и ещё подробностей о той жизни.

Книга написана прекрасным Человеком и прекрасным Писателем. Это я вам заявляю как дипломированный филолог.

Можно до хрипоты спорить о канонах жанра, о литературных приёмах, о стиле, о слоге, но нельзя не признать того факта, что книга «Собачья жизнь» написана гениально.» (Альфред)

«На днях и я стала счастливым обладателем «Собачьей жизни» Леонида Федорчука.

Читала взахлёб, раскрыв рот.

Сколько юмора и оптимизма, невзирая на пережитые трудности!

Невероятно интеллигентные, смешные, добрые розыгрыши товарищей!

Любовь к братьям нашим меньшим и забота о них!

Верность любимому увлечению — рыбалке.

Читая, я мысленно переносилась в то время и принимала участие во всех описанных событиях, наблюдая со стороны.

Лес, речка, книги, футбол, рыбалка и многое другое, позабытое, разменянное на тот прямоугольный экран, в который мы смотрим, раскрыв рот, пропуская вилкой мимо уха, свято веря во все сказанное—рассказанное им же.

Эта книга должна быть в библиотеке каждого уважающего себя житомирянина и житомирца.

Большое спасибо и низкий поклон за книгу! БРАВО!» (Calikusu)

«Я попробую передать искренние свои впечатления: во-первых, запросив вечером в пятницу эту книгу у Федо, скажу честно, что оторвался от нее лишь в субботу 23 ч.58 м., да и то, просто глаза устали, да и жену с дочкой начало

беспокоить мое странное беззвучное (у меня обычно что-то играет) и неподвижное состояние... Ребята, (имхо) АВТОР — совершенно талантливейший Человек! Интересная судьба у этого Человека, да и сам Он, как мне кажется, вплотную приблизился к полному пониманию = Vanitas vanitatum et omnia vanitas, поэтому и борется с этим пониманием... То, как затрагивается внутреннее состояние человеческой души (по крайней мере, моей), какой высший пилотаж высочайшего уровня: юмора, переживаний и радостей — самой Жизни! вложены в слова, вряд ли оставят равнодушным человека, который хоть чуть-чуть позиционирует себя как часть Природы и Мира, а не только посетителя университета и владельца денежных знаков...

Знаете (кто еще раздумывает!): а начните с рассказов «В оркестровой яме», «Не хочу...», «Один час...», «Обмен», «Ревность», «Тост», «Сом»!.. да фактически и нет таких, что равнодушно и благополучно забываются по истечении ближайших 30 секунд! Ну, скажите мне, кто из Вас может такое придумать «Гладь вашу в лоб!»?! А?..

Покритиковать книгу, конечно, можно найти за что, если постараться... но нет никакого желания, ну, совершенно нет...

Я не знаток, да и, честно говоря, не особый любитель поэзии (Федо знает о чем я!..), но маленький, почти незаметный «Осенний этюд»... Ну, как объяснить, что ЭТО такое?! Есенин, наверное...

Люблю я такую литературу, люблю, когда меня кто-то своим словом может «торкнуть» и заставляет задуматься о вечном, будоражит меня на разборки с самим собой, да и к окружающему миру, в конце концов...

Так что, уважаемый Федо, Вы не «выстреленная в свет вишневая косточка», а, пожалуй, как раз этот самый, что ни на есть «Костёр»...

П.С., к моему сожалению, ранее я был о Вас совершенно иного и незаслуженного мнения... Так что — «эскюз ми» и... будьте здоровы!» (либерти)

«Мой друг, в заблуждении некоем
изволите вы пребывать.
Не лучше ли быть человеком
и кости собакам давать?

А мясо, что после осталось,
Поджарить и водкой запить.
Уйдёт и тоска и усталость.
И вмиг веселей станет жить!

А после на лошадь садитесь
и мчитесь до самого до ...
Попробуйте и убедитесь!
Об этом и книга fedo»

(Artmaker)

«Я, наверно, одна из немногих на форуме, кто читал эту книгу, сверяя с действительностью... Проработала на заводе более 20 лет и всех, упомянутых в книге, — я знаю. Прочла книгу, вернее, «проглотила» за пару дней. Безумно интересно, а слог какой... С нетерпением ожидаю вторую часть.

Большое спасибо, Леонид Иванович, от имени всех бывших сотрудников. И Олины рисунки очень узнаваемы» (medina).

Вот так получилось: хотел бы с форума вставить нечто более критичное, поспорить, но нету, только положительные отзывы... Хотя, нет — был в комментариях к новостям один отрицательный — от McSym — я его, к сожалению, не смог найти, но передам своими словами: автор комментария книгу не читал, читала мама, но дальше 100-й страницы не пошла, стало скучно. И вообще, моя собачка Фроська гораздо умнее меня... Считаю, что это тоже хорошо, так как очень люблю свою собачку Фроську, и сам

считаю её умницей. Горжусь ею.

Вот я, чем больше на форум прихожу, тем меньше мне хочется этого: я вижу, что бывающие там, в основном, молодые люди, совсем другие, чем я. Сам вижу, что я похож на старую довоенную зелёную полторку рядом с блестящими чёрными «Краузерами». По сути, я остался советским человеком, нет, не коммунистом, я им по-настоящему никогда и не был (радуйтесь — «совок» перед вами, не скрывающий этого!). Но было в советское время то оправданно хорошее, чего сейчас уж не обнаружишь. Нынешняя молодёжь научилась потреблять, но разучилась работать. Столько нетерпимости в советские времена я не встречал. Мы были приучены довольствоваться малым в потреблении, но быть неумолимо жадными к труду, к познанию, к одолению. Мы были более приязненны друг к другу; у меня осталось ощущение, что без искренней дружбы и взаимопомощи жить вообще бестактно. Мы жили в большой стране, в каждом из городов которой у нас были хорошие отзывчивые друзья, объединённые чем-то прочным, как казалось? на века.

Знаете, жестокая власть подавляла, никто из нас не желал бы её возврата. Но были тогда замечательные вещи, которые нынешняя молодёжь просто не может оценить. И их было немало. Например, совершенно бесплатная медицина. За услуги врачей было не принято платить, даже какой-нибудь пустяковый сувенир в знак благодарности от больного врач отказывался принять: его самого могли за это строго наказать. А сам больной за время болезни получал исправно по больничному листу почти полную свою зарплату. В больнице все лекарства были бесплатны, в аптеках они стоили копейки... Обучение было также полностью бесплатным: среднее само собою, а за высшее платили студенту стипендию при условии, что

он успешно учился. За «уды» и «неуды» стипендии лишали от сессии до сессии — на один семестр. И это было справедливо. Удивительно, но бесплатная система обучения и оздоровления, как ни странно, делала врачей и преподавателей честными и преданными своей профессии.

Профсоюзная система позволяла трудящемуся человеку поехать в дом отдыха, санаторий или профилакторий по льготной путёвке — за 30 процентов её стоимости, хотя сама цена путёвки была несравненно ниже, чем сейчас. А детишки прекрасно отдыхали в пионерских лагерях за те же 30 процентов стоимости путёвки, причём, мест в лагерях хватало всем. Малыша вы могли отправить детский садик абсолютно бесплатно, если работали... И ещё много подобных скидок и поощрений трудящемуся человеку... Власть не прощала лишь одного — нелюбного к ней отношения.

Помню, как в Иркутске в 1991 году, мы с женой абсолютно искренне плакали сообща, когда узнали о провозглашении Украиной «самостийности» — эта потеря для нас была непереносимой. Казалось, всё разрезано прямо по живому. Да и сейчас, я не чувствую такого, что моя родная Украина мне роднее, чем Россия или Беларусь... Для меня весь этот конгломерат остался единым и неделимым, и мне хочется верить, что всё это временно, что всё равно судьбы этих стран будут общими, потому что за сотни лет единства мы сроднились так, что, в принципе, нас разделить невозможно, потому что линии родства нашего настолько перемешались, что мы все стали давно уже родственниками. И только крайне враждебные нам люди способны искать и находить какие-то незначительные подробности, отличающие нас — речевые ли, исторические или территориальные, вытаскивать из исторического хлама Мазеп, Бандер и

Шухевичей... Только очень недалёкие, на мой взгляд, люди способны не понимать, что эти, извините, «различия» находятся с трудом и служат только тем, для кого очень важно проводить границы и содержать таможи. А нам всем, простым и обыкновенным «человекам», это ни капельки не нужно — тем, другим, это способно приносить доход, а нам — только огорчения и убытки. Но этого почти никто не хочет понимать. Видимо, надо каждому набить свои шишки, пройти через испытания и лишения, чтобы снова понять то, что мы, пожилые люди, понимаем и без подсказок...

Как я сейчас живу? Относительно безупречно. В том доме, где я обитаю, существует кафе «Бистро». Я почти каждый день там обедаю. Люди, работающие там, меня просто приютили, окружили вниманием и заботой. Они практически все прочли мою книгу. Директор Татьяна Павловна тепло относится ко мне, все её сподвижницы также настроены очень благоприветно. Я выхожу из дому пообедать и попадаю в «Бистро» как к себе домой — теплота взглядов и приветливость, внимание — несокрушимы. Мне там очень хорошо.

Я иногда бываю на заводе, общаюсь со своими старыми друзьями. Меня часто проводит моя Оля, мы дружим с некоторыми ребятами с форума «Журнал Житомира» — там есть очень адекватные люди, вызывающие моё уважение — Passionar, Tata, Lisa111, Artmaker, Calgarian, Liberty, Сашко и др. Там есть очаровательные поэты и поэтессы — grungecat, Artmaker, Ukka, Noname... Житомир остаётся необычным и талантливым городом... И я рад, что могу продолжать для Житомира работать.

Никогда не забуду 30 июня 2010 года... Ко мне в мою «одиночку» пришли сразу трое — Ежи Грижбовский (нынешний главный инженер завода), Вениамин Марчук (бывший зам.

главного инженера, приехавший из Латвии) и, о чудо!— Арнольд Григорьевич Назарчук, при- бывший из Киева! Я вам скажу: мне кажется, что у каждого технаря бывает в жизни только один Главный инженер, для меня им был и остаётся Арнольд! Он оставил о себе такой след, что когда мы с Волошиным спустя годы после ухода Арнольда (пусть простит нас этот чело- век — мы так его меж собою и называли — по- просту — Арнольд) решали какую-нибудь голо- воломную задачу, то кто-то из нас обязательно говорил: «А вот как бы поступил Арнольд?» и, как правило, находили самое точное решение проблемы!

В этот день мы просидели часа три, говори- ли обо всём и сразу; не было обычных в таких случаях сдержанности и почтения: я чувство- вал просто огромную любовь и уважение к этим навестившим меня людям — моим друзьям и соратникам, которым эта встреча всем была одинаково нужна. Самое интересное оказалось в том, что все, четверо, мы были выпускника- ми Киевского политеха!

А теперь я хотел бы рассказать чуток об ук- раинцах в Иркутске, чтобы сделать нашу встречу с читателем немного веселее...

В этом городе есть Ленинский район, разде- лённый Транссибирской магистралью на два больших «куска» — Ново-Ленино и Иркутск-2. Все районные учреждения — в Иркутске-2, а меня поселили в Ново-Ленино. Как-то по поводу прописки пришлось побывать в Иркутске-2, заодно решил купить там на рыночке свиные ножки для холодчика — очень захотелось...

Ну, и, выбрав, стал у тётки спрашивать что— почём. Думал, как же ей объяснить, что я лыт- ку хочу взять — я называл её и «голёнкой» и «голяшкой» — тётка не понимала... Думаю, как- то я говорю неправильно, вроде, по-русски — голёнка правильно... Не понимала меня тётка

до тех пор, пока я пальцем не ткнул. Тогда она сказала: «А, зрозуміла! Ви ж литку бажаєте, так?»

Я чуть не упал! Потом оказалось, что на этом базарчике половина бабок говорила почти чис- то по-украински... Феномен! Спросил на своём заводе ребят, и они меня просветили...

Оказывается, когда «Киев бомбили, нам объявили, что началась война...», то было при- нято решении об эвакуации всего Киевского авиазавода (сейчас им. Антонова) в Иркутск, и именно в Иркутске-2 его расположили...

Там сейчас делают известные всем Су-шки. А весь Иркутск-2, тысяч на 60 населения, по- чти полностью — Украина со всеми вытекаю- щими последствиями... Ну, молодёжь, конечно, приспособилась говорить по-русски, а вот старики привыкнуть не могут никак...

Ради справедливости должен отметить, что «наших» в Иркутске полно везде, по всему го- роду. Они все уже «русские» в паспортах, пото- му что прибывали сюда ещё на протяжении трёх веков осваивать Сибирь на подводах и лоша- дях, много бывших ссыльных. Были и «строй- ки коммунизма», куда ехали валом молодые украинцы. Потому говор Иркутска сильно от- личается от мАсковскАго говора — так говорят, скорее, в Житомире. Да, но по фамилиям мож- но понять, что украинцев (бывших украинцев) действительно очень много.

Ну, а когда попадёшь на застолье!!!— смот- ришь, по-украински не говорят, но насколько точно поют! Всё, что пожелаешь, от «Несе Галя воду» до «Чому я не сокіл»...

И никакой фальши в словах и интонациях... Кстати, именно там я впервые в жизни услы- шал такое:

«Чи я тобі не казала, чи не говорила:

Не лягай зі мною спати, бо зробим Гаврила,

А ти ж мене не послухав, та й на мене вбрався,

А тепер мене питаєш, де Гаврило взявся?»

ЗАСИЛЬЕ СПЕРМАТОЗАВРОВ В ЖИТОМИРЕ

(1978 г.)

Ученые Гарвардского университета установили, что белые мыши размножаются намного лучше, если им не мешают ученые Гарвардского университета.

М. Жванецкий

(Посвящается молодым людям, родившимся в Житомире в 1978–1979 гг.)

Эх, эта вечная проблема: «Куда пойти, куда податься, кого найти, кому отдаться...»

В Житомире конца 70-х годов прошлого века всё было проще...

Вот, помнится, приехали к нам из Москвы два специальных посланника НИИТХИБа — а это такой был институт Министерства Бытового Обслуживания населения, который определял ремонтпригодность новых изделий бытовой техники, к разряду которых относились и наши электроизмерительские «Эстрадины». Не помню, в тот раз, о каком именно изделии нашем шла речь, но представители НИИТХИБа Владислав Грачёв и Олег Плющ очень тщательно и внимательно всё посмотрели, высказали свои замечания и запротоколировали наблюдения, составив в конце акт приёмки установочной серии новых изделий. Конечно, нам предстояло кое-что усовершенствовать, но в общем и целом оценка была положительной и вселяла в нас хорошее настроение.

Ремонтпригодность — это действительно очень важно. Бывает так, что конструктор настолько исхитрится, что замена вышедшей из строя детальюшки потребует полной разборки изделия.

Это плохо, потому как обратная сборка чревата новыми неожиданностями. Кроме того, на такой ремонт потребуется много времени, а значит, он будет уже дороже стоить. А бывают такие случаи, что даже полная разборка изделия не позволит заменить бракованную деталь.

— Ну, блин, молодцом,— сказал Грачёв, подписывая отпечатанные акты,— вы отлично насобачились воевать с нами. Мы вообще, можно сказать, уже к мелочам цеплялись. А теперь — отдыха требует грудь,— и почесал оную под полурасстёгнутой сорочкой.— Олег, когда наш паровоз отправляется?

— В 18.38, Владик, у нас ещё море времени!

— О-кей,— говорит Грачёв,— ведите нас тогда в свой славный Житомир и показывайте достопримечательности.

— Ага,— сказал я, и побежал к Жене Лашуку, главному конструктору. Надо было заверить факт своего предстоящего отсутствия на заводе.

— Мужики пьющие?— спросил Женья.

— Естественно, и хорошо пьющие,— ответил я.

Женья в задумчивости посмотрел в окно. А там по просторам завода в полном штиле колесил жаркий июль...

— Если вы пойдёте в ресторан, то сдохнете от духоты и запахов кухни,— раздумывал вслух Лашук.— А вы заводу ещё очень нужны... Словом, думаю, что вам следует по теневой стороне улиц пройти по Ленина и Карла Маркса. Как бы, погулять. А пить надо только сухое и белое. Фетяска, алиготе, рислинг. Для начала можете взбодриться коньячком, а потом по принципу снижения градуса пить только сухое.

— Ну что ж,— сказал я,— звучит очень резонно.

— Веди их сначала в Освенцим, потом в Дахау, Треблинку, Бухенвальд, Майданек, Заксенхаузен...— Женья заулыбался.— Вот они, настоящие достопримечательности Житомира! А по пути придумай что-нибудь увеселительное.

— Ладно, Женя, мы тогда потопали!

— Ни пуха, ни пера!

Начинать было общепринято с Освенцима. Так Женя Лашук именовал винный магазин на Бердичевской между Михайловской и бульваром, расположенный напротив магазина грампластинок. Треблинкой именовалось кафе напротив кинотеатра «Украина» (добавлю — ныне это «Плюс-Кава»), Дахау — кафе «Театральное» за новым театром, а чуть пониже по Черняховского располагался Майданек, где люди привыкли пить кофе с коньяком. Женя был очень умный человек с недюжинным воображением изобретателя: параллель питейных заведений с концентрационными лагерями объяснялась теми страданиями, которые мы все испытывали после каждого посещения этих пивнушек...

Ну вот мы и выдвинулись. С нами Юра Птицын как гид и сказитель. Мы это, правда, произносили быстро как «гид—исказитель». Но Юра привык, мягко улыбался и не обращал внимания на нас, весь полный исторической задумчивости о судьбе зданий, сооружений и поколений Житомира. Рядом шагает Эдик Кулаженко, который поддерживал постоянные связи с НИИТХИБом. А я иду между Грачёвым и Плющом, придумывая или вспоминая на ходу весёлые анекдоты.

И вдруг Олег Плющ спрашивает:

— А чё это у вас в Житомире происходит? Вы не обращаете на это внимания, а я уже восьмую беременную женщину про себя отметил.

— Да они все беременные,— отвечаю я.— Но по некоторым сильно заметно, потому что жара, и они одеваются сейчас полегче.

— Нет, Лёня, дело не в этом. Погляди: беременных женщин очень много. Вон глянь, девятая идёт...

Все стали внимательнее присматриваться к встречным женщинам. А Плющ продолжает считать:

— Во, десятая... Двенадцать... Восемнадцать... Ничего себе, двадцать две...

Мы дошли, наконец, до Освенцима, взяли выпить для разминки. Стоим себе, болтаем, а Плющ рвётся на выход. Заинтриговали его житомирские женщины. А Юра продолжает рассказ об одном из зданий в начале Бердичевской. Но Плющ невнимателен и тянет нас на улицу. По дороге к Заксенхаузену (у общежития пединститута) Олег продолжает считать и доходит до сорока. При этом победно смотрит на меня, как бы требуя объяснения. Я, не выдержав его взгляда, говорю:

— Ты, Олег, наверное, меня подозреваешь? Лично я тут ни при чём, должен тебя разочаровать. Хотя... косвенно... возможно. Ну, тогда приготовьтесь, я должен раскрыть вам страшную правду. Дело в том, что у нас, возле Высокой Печи, расположены термоядерные ракеты... Это, сами понимаете, большой секрет. Но — радиация есть, никуда от неё не денешься. И вот, обычный сперматозоид мутировал... Я понимаю, что вы чувствуете, но скрывать это более нельзя.

Тут мы подошли к Заксенхаузену. Ну, выпили, ну, закусили. Беседа продолжалась.

— Сорок восемь,— доложил Плющ.

— Продолжаю,— сказал я.— Обычный сперматозоид — это — тьфу! А вот сперматозавр — это большая проблема. Сперматозавр произошёл из обычного сперматозоида, но под влиянием радиации он приобрёл в дополнение к корпускулярным свойствам ещё и волновые, как фотон. Что это означает? А означает это то, что сперматозавр не требует обязательного генитального контакта. Он легко проникает из мошонки в мозг и легко — играючи! — следуя направлению взгляда мужчины летит под юбку женщины, которая тебя взволновала. И всё!.. Понимаете, прямо из зрачков. При этом совер-

шенно нет необходимости в общепринятом столпотворении тысяч и тысяч спермиев. Один, понимаете, один сперматозавр выполняет всю работу по оплодотворению женщины!

— Всё это интересно,— сказал заскукавший Эдик,— но пойдёте назад в центр.

— Да, тем более я вам должен рассказать о знаменитом житомирском театральном деятеле Кочерге...— добавил Юра Птицын.

— На фиг нам твоя кочерга,— сказал Плющ.— Меня больше интересует, не заразимся ли мы этим самым сперматозавром!

— Заразимся, как пить дать,— сказал Владик Грачёв.— Я уже чувствую себя обречённым. Мой взгляд легко проникает сквозь тонкую ткань женского платья. И я каждый раз вздрагиваю, мысленно чувствуя, как она кончает...

— Я насчитал уже шестьдесят беременных женщин,— доложил Плющ.

— Это катастрофа,— говорит Грачёв.— Если мы сейчас не выпьем, я чувствую, что беременных станет ещё больше. Сперматозавр, ребята, это большая проблема.

— А вы уже разобрались в его ремонтпригодности?— наивно спрашивает Эдик.

— Он абсолютно неуязвим и его ремонтировать не надо. Это вам не сперматозоид! Он выскакивает из моих зрачков! Боже мой, Лёня, как это всё просто, и как это я сам до этого не додумался! Ведь именно так и должно быть: посмотрел — и она твоя! Именно волновая структура! Потому — нам надо немедленно выпить!

И мы пошли в Дахау. И выпили там, и перешли в Майданек, где Юра Птицын наконец-то утихомирился, выпив кофе. И прошли мы все оставшиеся «концентрационные лагеря» Житомира. При этом наши друзья никак не могли успокоиться, возбуждённые мыслями о свойствах житомирских сперматозавров.

А потом мы забрали из гостиницы «Жито-

мир» вещи наших московских гостей и отправились на вокзал. Поезд «Житомир — Москва» стоял на первой платформе, ожидая наших заражённых пассажиров. Они прошли в вагон и открыли до половины окошко своего купе. Плющ нацепил тёмные очки, а Владик Грачёв стал махать нам белым носовым платочком, время от времени промакивая им несуществующие слёзы.

Я воспринял эти действия наших друзей как ничемную попытку защитить житомирский перрон и проходящих по нему женщин от воздействия опасного излучения. Что очки, что носовой платок? Этого, конечно, никто не проверял, но думаю, даже толстый свинцовый экран вряд ли смог бы противодействовать проникающей способности энергичных сперматозавров!

А через пару дней мне позвонил из Москвы Грачёв и рассказал, что эпидемия из Житомира переметнулась в Москву. «Мы с Олегом прошли Арбат и Смоленскую площадь. Были и на улице Горького (ныне Тверская). Все женщины ходят беременными. И что с этим делать — никто не знает. Вот такая житомирская зараза...— докладывал Владик,— как жить дальше, мы не знаем...»

Я посочувствовал ему. А что мне оставалось?

ЁЖИК В ТУМАНЕ

(1964 г.– 2010 г.)

*Мало найти свое место в жизни,
надо найти его первым.*

М. Жванецкий

Каюсь: только сейчас, на склоне лет я вдруг полно и ёмко понял, что скрывается под понятием «завод» и какие уникальные свойства присущи этому конгломерату из людей, цехов, машин и механизмов. На нашем заводе трудились пять с половиной тысяч человек – разных возрастов, разных интересов, разных устремлений. Возьмите, к примеру, маленькие семьи из двух членов – и вы даже среди них не обнаружите одинаковых... А что говорить о заводской массе народа? У каждого – своя смена, своё задание, свой характер, свои способы работы и поведения, свой опыт. Отсюда я делаю заключение, что просто не может существовать двух одинаковых в мире заводов, каждая такая организация уникальна и неповторима.

Почему-то в голову приходит цех номер шесть В.М. Карпухина. Его попросту называли «цех намотки». Работали там в основном женщины и мотали... Чего только не мотали: в приборах наших было полным-полно прецизионных резисторов, от которых зависела точность приборов. Использовались тончайшие проволоки из манганина, константана, никрома, которые на станках наматывались на маленькие пластмассовые катушки, тщательно измерялись и сортировались. Девчонки мотали и катушки из медной проволоки, заключённые в ферритовые сердечники, шедшие на изделия спецтехники и на электромузыку, где они создава-

ли необычайные тембры. Девчата наматывали и различные трансформаторы, которых год от года становилось всё больше. Намотчиц было множество, но у каждой был свой профиль, своя специализация, и от каждой зависела конечная точность и качество... Снова подытожу: уникально и неповторимо.

И так было везде: в сборочном цехе измерительных приборов, в пластмассовом цехе, в механическом, в гальваническом... Наконец, в самом матёром – инструментальном, готовившем уникальную оснастку для каждой деталюшки, изготавливаемой серийно... Там царили асы, собранные правдами и неправдами со всего Союза – из Киева, Краснодара, Ленинграда и других городов, отличавшихся от Житомира мастерством инструментального дела. В основном, это были слесари, шлифовщики, фрезеровщики, расточники, прошедшие огромный курс обучения и инструментальной практики, получавшие максимальные зарплаты. Цены не было любому из них, но и их «асовские нравы» оставляли желать лучшего. Каждый из них, как Левша, мог подковать блоху, но и водку они пили немеряно... И командовал этими асами их начальник – Борисенко.

А тут, глядишь – приняли в технологический отдел под командованием А.А. Таракановского на разработку штампов некоего Грижбовского, статного и рослого конструктора. Не успел он там и месяца повертеться, как вызвал его Назарчук, наш главный инженер. Расспросив, как складываются дела у новичка завода, Арнольд Григорьевич сказал:

– Ну что ж, всё идёт хорошо, вы на правильном пути. Конструкторов-технологов очень нам не хватает... Но у нас молодой завод, везде недостаток специалистов. Сейчас у меня проблема – нужен хороший помощник Борисенко в инструментальный цех. Там есть

известные сложности. А вы, на мой взгляд, сумеете! Пойдёте?

— Дык, Арнольд Григорьевич, я и на этом месте ещё не успел ничего толком сделать. И инструментального цеха я вовсе не знаю...

Вот так сидели они друг против друга: один уговаривал, другой — сопротивлялся — два молодых человека, с разницей в возрасте с десяток лет. Но Арнольд был уже стреляный, понюхавший производственный пороха. И, после длительного сопротивления собеседника, Арнольд, приведя все основания для данного перемещения, сказал, назвав впервые оппонента по имени-отчеству:

— Хорошо, Ежи Станиславович! Раз вы упрямитесь, мне придётся использовать статью Трудового Кодекса об испытательном сроке. В результате вы будете уволены с завода по этой статье.

Уже теперь мне Ежи Станиславович рассказывал, какое впечатление на него произвели эти слова. Он увидел перед собою не мальчика, но мужа — зрелого, опытного главного инженера, обладающего необходимой властью, требовательного и непреклонного человека. Надо сказать, что Арнольд Григорьевич, очень талантливый во всех отношениях, именно в те годы показал нам всем, каким должен быть настоящий главный инженер. Спешу также добавить, что никто позже на заводе не смог так настойчиво и точно исполнять свои обязанности в этой должности... До назначения Арнольда Григорьевича завод буксовал, зарплата задерживалась, первое изделие — кнопка Н9 для настольных ламп уже была снята с производства, шли с потугами приборы киевской разработки Ц55, Ц56 и Ц57, а первый наш «измерительский» прибор Ц430 разработки Инны Ковальчук только осваивался... А Арнольд приложил все усилия, чтобы собрать «с миру по нитке»: киевский

Институт Кибернетики передал нам для освоения аналоговую вычислительную машину «Итератор 1», в Питере мы получили АСП-4 (аварийно-спасательный передатчик, устанавливавшийся на судах), было также освоено очень сложное изделие спецтехники. Потому-то и повезло вашему автору — его предложение по «Эстрадам» было энергично поддержано Назарчуком.

— Ладно, Арнольд Григорьевич, разрешите мне подумать, изучив всё на месте?

— Хорошо, даю вам три дня,— и разговор был исчерпан.

Чем дело кончилось, можно догадаться. Ежи Станиславович, сжав себя в кулак, пошёл работать в инструментальный цех. Года через два и Арнольд, и Ежи были удовлетворены тем, что произошло. Арнольд сумел поправить дела цеха, Ежи был доволен этим выбором и результатом своей работы. В номенклатуре руководства появился классный мужик, который по прошествии шести лет провёл аналогичную модернизацию пластмассового цеха и, по прошествию ещё шести лет, был назначен на должность заводского начальника производства — за опыт, за стабильность, за умение выкручивать их любых ситуаций. Мы потеряли конструктора штампов, но зато обрели опытного руководителя завода.

Мы меж собою в отделе называли Ежи Станиславовича попросту «Ёжиком». У нас, по правде, не было особых контактов, потому что разработка новых изделий и производство серийных — по сути два отдалённых дела. Но наши конструкторы сопровождали и серийное производство эстрадинов, поэтому часто контакты возникали у них, а изредка и мне приходилось вмешиваться в дела серийного производства. Контакты с Ёжиком всегда были уважительны и прогрессивны, что надолго сохранило в нас обоих приятельские отношения.

Уже во времена генерального директора Николая Ивановича Невмержицкого, склонного к экстремальным поступкам, как-то в квартире его собрались близкие сподвижники, в том числе, Ёжик. Где-то к 23 часам, хорошо разогревшись — а дело было летом — возникла идея от генерала: а не скататься ли нам в Побывовку и слегка поплавать? Под бурные восторги присутствующих был вызван водитель Филипп, и бригада весело отправилась за санитарную плотину. Ночь была безлунной, чёрной, как самый чёрный анекдот.

Но это несколько не смутило участников «регат», и решено было переплыть Тетерев в самом широком его месте. Поплыли...

И вот, сначала были слышны всплески плывущей команды, голоса. Потом как-то стало тише. Плывёт Ёжик и никого не слышит. Тьма вокруг — глаз выколи. И вдруг возникает воп-

рос: а туда ли я плыву? Ведь повернуть налево или слегка направо — и ты плывёшь уже или к санитарной плотине, или, ещё хуже — к той самой далёкой плотине у Головы Чатского...

Перевернулся на спину, отдохнул... Попытался сориентироваться. А как? Такая тьма вокруг! Ну и поплыл наудачу... Представьте себе этот кросс...

Через полчаса только, застряв в осоке, определился — плыл правильно, к противоположному берегу Тетерева... Так, на всякий случай, подумал — а что, если бы плыл к Голове Чатского? Мощный, выносливый мужик, Ёжи успокоил себя: «Ну, отдыхал бы на спине!». Но дрожь мышц — то ли от ночного холода, то ли от усталости — выдавала необычайность ситуации...

Вы, возможно, не представляете себе, что такое быть начальником производства. Главное в этой должности — управлять деятельностью коллектива начальников цехов. А это, поверьте мне, народ, в принципе, неуправляемый — они же начальники, и выбраны самим же руководством завода по принципу железного характера и способности подчинить себе любого строптивного человека. Но самое сложное в их характере — замкнутость мышления на успех своего цеха любой ценой при существовании зависимости от работы других цехов, снабжающих деталями, узлами и другими полуфабрикатами. И вот при проведении планёрки с командирами цехов самое сложное для начальника производства — разбор взаимных претензий этих командиров. Подобная говорильня — типичная грызня этих высокопоставленных лидеров — могла продолжаться бесконечно долго без всякого результата, потому что любое действие вызывало равносильное противодействие. Вот подумайте: чтобы вы предприняли на месте Ежи Станиславовича?

Подскажу: надо заставить этих «зубров» решать

взаимные претензии в рабочем порядке, один на один. Но это возможно только при наличии взаимной приязненности или дружбы между ними, большого взаимного уважения друг к другу.

И то, не всегда это может дать эффект. Например, не буду называть их фамилий, жили два начальника на одной лестничной клетке, сообщая отмечали все праздники, вместе дружно шли на работу, по пути, улыбаясь и перешучиваясь, но лишь стоило им пересечь проходную завода, как лица их менялись и начиналось жёсткое выяснение отношений — кто кому чего должен... Но это, конечно, случай уникальный...

По крайней мере, Ежи Станиславовичу другого ничего не оставалось, как подружить между собою это стадо «зубров». И он сходил к Николаю Ивановичу и попросил выделить ему на несколько дней заводской автобус для поездки в Кишинёв на родственный завод «Виброприбор». С руководством «Виброприбора» также состоялись переговоры, и «родичи» пообещали с радостью принять житомирских цеховых руководителей у себя, поселить, накормить и обогреть. Экскурсия была знатная — ознакомление с заводом, детальные разговоры по теме с коллегами, посещение исторических мест незнакомого города.

Но главное — мужики меня сразу поймут! — были вечерние посиделки в ресторане за доброй чаркой. Это момент истины, когда подбrevшие души тянутся друг к другу и открываются максимально, когда вдруг замечаешь в товарище что-то необычное и ценное для тебя, когда неожиданно хочется обнять его как хорошего друга...

Потом кишинёвцы приезжали с аналогичной миссией на наш завод, и наши «зубры» встречали их также радушно.

Словом, Ежи Станиславович добился своего. Со временем планёрки у него проходили в чёт-

кой деловой атмосфере, были полезными и недолгими. Завод, по сути, стал работать совсем по-другому. А «зубры» по достоинству оценили и зауважали своего начальника производства.

Прошли годы. По идее, нет «Электроизмерителя» в том виде, как в 80-х годах... Но Ежи Станиславович по-прежнему там. Он как пикой проткнул года и соединил в себе оба завода — старый и новый... Наверное, никто не работал на заводе дольше...

А ещё у нашего Ёжика очень печальные постоянные обязанности. Время от времени, как представитель администрации завода, он считает необходимым всех без времени усопших сопровождать в последний путь. Да и мы все стараемся... Но не каждый это выдерживает... Всегда только Ёжик провожает в любом случае до самого кладбища — пусть «зной палючий, пусть мороз трескучий»... И помнит всех, кто и где похоронен.

Я назвал эту главку — «Ёжик в тумане». Потому что так называется известный детский мультфильм. На самом деле, наш Ёжик — никогда, кроме описанного случая ночного преодоления Тетерева, не был в тумане, т.е., во тьме. Всегда — ясный ум и трезвое отношение к жизни. Доброго здоровья Вам, Ежи Станиславович, на долгие годы!

ШАПКА НА ТЕСЁМКАХ

(1973)

*Некоторые выглядят храбрыми,
потому что боятся убежать.*

М. Жванецкий

А эта история — о сборщице Первого цеха Ане Шацкой, которая получила эту фамилию в дополнение к её прежней девичьей только ради того, чтобы я о ней написал.

В те памятные зимние дни она работала на второй смене. Девчонки — все в белых халатиках — коротали время на конвейере сборки приборов, а у Ани как шило в попе — не терпелось поделиться с подругами новостью. Наконец объявили пятиминутку, и девчонки побежали в туалет.

— Ох ты, какая шапочка!— сразу обратила внимание на Аню Валентина.

А Аня и ожидала более всего именно такой реакции, потому натянула на голову своё новое приобретение ещё перед входом.

— Мама, родная,— завизжала Таня,— с ума сойти и не жить!

Аня, улыбаясь во все зубы, красовалась перед подругами.

— Это песец?— спросила Валентина.— Точно, девчонки, это полный писец!— заверещала она.

— Да, скорее всего, песец,— отвечала Аня, вертясь перед зеркалом и разглядывая, как ей идёт обновка.

— Аня, это ж какие деньги надо на такую шапочку?!— возмутилась Ирина, и Аня сразу сморщила носик:

— Ой, девочки, и не говорите... Две месячные зарплаты не хватило... Но какое чудо, правда?

— Смотри, подруга, в оба,— сказала мимоходом баба Катя.— Сейчас придурки-пацаны мигом стащут её с головы. Только и видали эту шапку...

— А я уже пришила к ней тесёмочку прочную!— ответила Аня и показала, как тесёмка эта охватывает её подбородок и горло.

— Значит,— ответила мудрая баба Катя,— оторвут вместе с головой!

— Ой, девчонки, сейчас и на самом деле столько этих случаев криминальных! Просто шпана охотится за шапками, и с мужиков срывают! Вот и у моего соседа позавчера стащили «пыжик»...

Оптимистичная Аня не стала слушать далее эти истории. Но, сидя за конвейером, нет-нет, да и задумывалась о предстоящем существовании вместе с новоприобретённой песцовой шапкой.

«Во всяком случае, надо быть очень осмотрительной,— думала она себе.— И внимательно глядеть на окружающих. Плохо, что именно сейчас у меня вторая смена: только шесть часов, а за окнами уже полная темень! А домой надо на Корбутовку ехать...»

В одиннадцать вечера пошабашили, и сотни молоденьких девушек потянулись к проходной. Аня без проблем села в троллейбус, народа было мало. Сидя на мягком сиденье, внимательно оглядывала присутствующих. Через некоторое время ей показалось, что симпатичный парень, сидящий невдалеке, внимательно глядит на неё. Парень молодой, в шарфике и обычной шапке...

«Вот сволочь, присматривается!» — подумала Аня и отвела взгляд. На душе стало тревожно, в памяти всё всплывали слова бабы Кати, что отрывать будут с головой. Как ни старалась, но взгляд непроизвольно переносился на подозрительного парня. А он смотрел на неё неотрывно, явно прицеливаясь к песцовой ша-

почке. «Боже, это ж надо было мне сесть именно в этот троллейбус,— переживала Аня.— Глядит и глядит, кретин! Глаз не отводит от моей шапки! Надо будет, как выйду из троллейбуса, бегом бежать домой!»

Вот, наконец, Анина остановка. Скользнув взглядом по роковому парню, она встала и подошла к передней двери. О, горе! Парень тоже поднялся и подошёл ближе к Ане, их разделяли только два человека. Сердечко Ани отбивало бешеную чечётку — он тоже будет выходить! Что делать?

Троллейбус остановился, и дверь отворилась. Беги, Анька! И она побежала — через сугробы вприпрыжку, уронив по пути одну из варежек и поставив на ней мысленно крест. Лихорадочно оглянувшись и увидела, что загадочный парень поднял потерянную ею варежку и побежал следом.

«Нет, нас так просто не возьмёшь!» — сказала себе героическая девушка и, задыхаясь от морозного воздуха, припустила что было силы по направлению к своему дому. Небольшая рощица на пути... Парень уже почти рядом... Снег не расчищен, бежать всё труднее... Дыхание преследующего бандита уже хорошо слышно... Сейчас он схватит желанную шапку... Кажется, слышится голос его: «Девушка!»... Нет, хрен тебе, а не девушка! Мы тоже драться умеем, ежели что! Он уже рядом, почти догнал... Хватает Аню за рукав! Ну, вот тебе, скотина, держи! И с полуоборота Аня вlepляет бандиту прямо в рожу кулаком! Они оба падают в снег. Аня лихорадочно шупает свою голову — шапки нет! Содрал таки! Ищет вокруг себя руками, ага, вот она, в снегу вся. Напяливает на себя победно шапку и последний рывок к двери... а вот и кнопка звонка, конечно, мама сейчас выскочит! Звонок! Дверь открывается. Последний взгляд на поле боя: бандит повержен и лежит там, где его достиг Анин кулак...

Всё. Наша девушка уже дома, переводит дыхание...

Но что это мама так странно на неё глядит? Взгляд Ани в зеркало — ну и вид! На голове — мужская кроличья шапка, а на шее болтается на тесёмочке драгоценный песец...

Потом познакомились. Оказалось — соседи. Парень по фамилии Шацкий просто хотел вернуть девушке утерянную варежку. А глядел так пристально, потому что Аня ему очень понравилась. Вот. И оказалось — не зря всё это было... Потому что через некоторое время Аня изменила свою девичью фамилию, и теперь она Шацкая, а муж её работал тогда на Промавтоматике...

«КОЛБАСНАЯ» ИСТОРИЯ

(1982)

*Идет по улице пессимист, а за
ним два оптимиста в штатском...*

М. Жванецкий

Большинство моих нынешних читателей вряд ли помнят брежневские и андроповские времена. Скажем так: всё было достаточно дешево, но ничего этого в Житомире не было... Обычная варёная колбаса типа «Отдельная» или «Ветчинно—рубленая» стоила всего 2 рубля 10 копеек за килограмм (а ранее бывало и по рубль шестьдесят!), а бутылка «усовершенствованной» водки, как её тогда называли «андроповки», стоила всего 4 рубля 60 копеек — и это была, можно сказать, максимальная цена за все советские времена (ранее бывало и по два во семьдесят семь и по три ноль семь!).

Ежедневно в центральном гастрономе, находившемся на углу Михайловской и Бердичевской, собирались с утра проголодавшиеся дедушки и бабушки (остальные работали) и ожидали, когда «выбросят» колбаску... Редко, но бывало, что «выбрасывали»... По полкило в одни руки (хватало на первый десяток «счастливиц»), а потом, по требованию тех же стоявших в очереди, норма отпуска постепенно сокращалась до 300 грамм в одни руки и до 200 грамм, хотя по-прежнему хватало только на первый десяток счастливиц... работникам магазина надо было тоже кормить свои семьи...

Самая популярная загадка тех времён: «Длинное, зелёное, противное и пахнет колбасой» разгадывалась как «поезд Москва-Владимир».

Да, это был шанс командированных — если повезло, то, съездив в Москву или Киев, можешь возвратиться домой с парой килограммов варёной колбасы, а то и с килограммом—другим апельсинов. И это было сродни великому счастью.

Ну, Москва, положим, очень далеко, а вот в выходные дни многие работяги, засучив рукава и запасшись рюкзаками, вырывались в родной наш Киев, чтобы решить свою «продовольственную программу». Плохо было то, что из варёной колбасы большой запас не сделаешь: даже в холодильниках длительно сохранять её было невозможно.

Вот и Ольга Терентьевна Горшенина из пластмассового цеха нет-нет, да и вырывалась в Киев на подобный промысел — жить-то как-то надо! Благо, билет до Киева стоил всего два девяносто пять (но это в мягком экспрессе, а на попутке можно было и за рупь доехать!) Хреново, правда, то, что в выходные дни уж очень много приезжего люду вываливалось в Киев, везде в магазинах были длинные очереди, да и добраться до Киева было трудно из-за конкуренции желающих. Представьте себе настроение взрослой женщины, озабоченной этими проблемами — конечно, материшь про себя всю эту несусветную чушь, организованную существующей властью — да что будешь делать? Итак, не завтракавши («а, в Киеве перекусим!»), отправилась Ольга Терентьевна в шесть утра на трассу за вокзалом, чтоб поймать своё счастье и добраться до Святошино — самое близкое к Житомиру киевское место!

Ну вот мы и в Киеве, ура! Быстро сориентировалась и рванула по магазинам. В одном из них очередь немеряная, а «Докторской» колбасы нет... Во втором очередь ещё больше, но есть все три сорта варёной плюс сосиски. Это вообще предел мечтаний. Занимаем очередь и тор-

чим, сколько силы хватит. Через два часа закончились сосиски и «Отдельная» колбаса. Чёрт, как не везёт! Побазарили с продавцами: привезут ли окончившееся? Отвечают: сегодня же выходной, вряд ли привезут. Идите в другие магазины. Подумали и метнулись дальше по Святошино. Нашли в отдалении от трассы неплохой магазин. Вроде бы всё нужное есть. Заняли очередь, стоим. В основном, все бабы, мужиков мало. Почти полдень. И ещё стоять и стоять. Конечно, нервы на пределе, а бабы ещё ко всему базарные: «вы здесь не стояли!» «я занимала очередь, но отходила, предупреди!» «так а где же та, кого вы предупреждали?» «не знаю, где-то отошла!» «не знаю, я вас здесь не видела!» — ну, и так далее... Словом, обычные очередные драчки... И тут начались обсуждения типа, «куда власть смотрит, ведь это же издевательство над людьми!»

Подходит вдруг к Ольге Терентьевне тихий спокойный мужчина в штатском и говорит:

— Можно Вас на минутку?

— Я в очереди уже который час стою!

— Ничего, очередь никуда не денется, вы предупредите соседей, что здесь стоите!

Хорошо, что делать, отходит от очереди за мужчиной.

А тот отводит её в более тихое место, а там стоит ещё один тихий, спокойный... Блин, не повезло тётке! Показывают они ей свои удостоверения и начинают разговор о том, что она не совсем хорошо отзывалась о советской власти в людном месте. А это очень некрасиво. И предстоит ей пройти с ними в одно учреждение. Дыханье у Ольги Терентьевны совсем сбилось... и начала она кашлять безостановочно. От нервов, разумеется. Тихие и спокойные мужчины вежливо ожидали, когда у Ольги Терентьевны закончится приступ кашля, затем один из них сказал:

— Вы так не волнуйтесь, ничего плохого мы вам не сделаем,— после чего она резко прекратила кашлять. Потом они пошли по незнакомым женщине улочкам и дворам, пока не пришли к необычному зданию, напоминавшему кинотеатр. И это действительно был кинотеатр, в полутёмном зале которого сидело уже человек шестьдесят, а на выходах из зала стояла охрана.

— Вот видите, мы просто покажем вам фильмы обо всех достижениях советской власти и о тех трудностях, которые испытывает наш народ в настоящее время. Мы надеемся, что вам это будет полезно. Будьте добры, займите свободное место и постарайтесь хорошо вникнуть в те киноматериалы, которые вам продемонстрируют,— сказал Ольге Терентьевне один из сопровождавших мужчин. Затем она уселась в зале, а мужчины тихо испарились.

Окружающая Ольгу Терентьевну публика сидела как-то вовсе невыразительно. Просто сидели и молчали, напуганные точно так же, как и она. Отпустили их из зала только через несколько часов, показав все кинотрудности, прожитые советским народом. Вышли они по команде охранников, когда на улицах было совсем темно.

Ольге Терентьевне почему-то совсем расхотелось покупать колбасу и сосиски, но вспомнилось лишь одно — что она сегодня вообще ничего не ела.

Решилась спросить у одной из проходивших женщин, где есть поближе какая-нибудь дешёвая столовая, и та показала ей совсем рядом студенческую столовую. Обычная столовая самообслуживания: берёшь поднос и на раздаче выбираешь: борщ, шницель с гречневой кашей и компот. Выбрав, Ольга Терентьевна прошла к свободному столику и выставила свои «приобретения». Хлеб, как всегда, стоял на каждом

столике. Затем Ольга Терентьевна отнесла свой пустой поднос в указанное объявлением место и, возвратившись к своему столику, вдруг поняла, что напасти не прекратились: за её столиком сидел упитанный негр и уже доедал её борщ! Шницель и компот стояли рядом с подаваемым борщом... Возмущению её не было предела: когда она села напротив негра и стала укоризненно смотреть на него, тот улыбнулся и сказал что-то невразумительное, типа «вот ты ходишь-бродишь, а я уже ем!». «Ах ты, чёрная сволочь!» — подумала Ольга Терентьевна. — Вот так ты решил вовсе оставить меня без еды? Не бывать этому!» И, ненавидя негра всеми фибрами своей души, резко придвинула к себе тарелку со шницелем и, глядя прямо в его глаза, стала быстро поглощать гречневую кашу, торопясь, потому что негр ещё не доел борщ, а компот стоял между ними, и было вовсе не ясно, кто первый до него доберётся. Негру повезло больше: он первый доел борщ и потянулся к компоту. Это было настолько подло, что Ольга Терентьевна закашлялась и поперхнулась гречневой кашей. Но негр отпил компот только до половины стакана и, улыбаясь, протянул ей оставшееся. Не думая особо, Ольга Терентьевна схватила этот компот и допила его назло презренному негру. А тот встал, доброжелательно улыбнулся и опять сказал что-то не по-нашенски, типа «видишь, ничего страшного, поделились как друзья!». «Катись-катись себе колбаской! Если бы не наши доблестные кагэбисты, я бы тебе сказала сейчас...» — зло ответила ему бедная женщина. И вот, когда негр был уже у выхода из столовки, Ольга Терентьевна окинула взглядом столовую и вдруг увидела рядом свой столик с одиноко стоявшими там её борщом, шницелем и компотом...

«ДНЕПР—11»

(1960)

Все идёт хорошо, только мимо...

М. Жванецкий

После сессии за третий курс в июне нас ожидала месячная производственная практика. Сбор назначили на 8.00 на улице Жилянской. Мы собрались у указанного номера здания и читаем крупную вывеску: «Фабрика медных музыкальных инструментов». С удивлением переглядываемся меж собой, в глазах вопрос: «Неужели практика будет на фабрике музыкальных инструментов?»

А тем временем кто-то обнаруживает более скромную металлическую табличку на здании: «КЗРА. Киевский завод радиоаппаратуры». Оказывается, это одно и то же. Шеф нашей практики профессор Карновский рассказывает, что фабрика не так давно преобразована в завод, выпускающий магнитофоны серии «Днепр». Мы в общаге крутили с Гришкой танцы на магнитофоне «Днепр-10». «А сейчас завод осваивает новую модель «Днепр—11» на пальчиковых лампах, вам предстоит заниматься сборкой именно этой модели,— говорит наш руководитель.— Медные музыкальные инструменты они продолжают выпускать в особом музыкальном цехе».

Мы с Гришкой попали в разные цеха, согласно разным группам. Я оказался в громадном помещении с конвейером с правой стороны цеха, конвейер длинный и упирался он в странное сооружение, уставленное аппаратурой. Девчонки за конвейером — глаз не отвести: в полурасстёгнутых и полупрозрачных белых халатиках-мини, из-под которых видны отчётли-

во их потрясающие формы и комбинации, а кое у кого и откровенные лифчики и трусики. Чувствую, что студент пропал... Как можно работать, когда глаз невозможно отвести от этой сотни девчат, одна другой краше и вызывающее... Мастерница меня позвала, спросила, как зовут, и усадила с правой стороны конвейера на мягкий вращающийся стул, намертво присобаченный к конвейеру. Показала мою операцию: я должен был кусачками обрезать и согнуть выводы двух бумажных конденсаторов по 0,1 микрофарады и двух разных резисторов МЛТ 2,2 килоома и 47 килоом, вставить их выводы в нужные лепестки, загнуть, смазать с помощью кисточки жидкой спиртовой канифолью и запаять. Затем своё шасси я передвигаю вправо девушке, выполняющей другую операцию. У меня есть радиолюбительский опыт, паяю я отменно, что соседки мои сразу отметили:

— Ой красотулечка, какие пайки классные! Ты уже где-то работал?

— Нет, я студент... Но паять умею, радиолюбитель...

— Любитель только радио или вообще любитель? Полюби меня! Я хорошая,— смазливая, слегка полноватая девчонка Ира-слева. А справа тоже Ира, худенькая и маленькая, я её так и называл — Ира-справа. Девчонки щебечут непрестанно, то рассказывая друг другу о своих вчерашних приключениях, то пытаясь меня «завести» шокирующими откровенностями, но я слегка стесняюсь, отшучиваясь и потея.

Мои радиодетали рядом, в картонных коробочках, как мне передала их мастерница, снующая вдоль конвейера и что-то объясняющая то одной, то другой девчонке. Мне нравится сидеть здесь и работать. Я знаю цоколёвку этих ламп 6Н2П, и я понимаю, что 2,2 ком я паяю в цепи катода, а 47 ком — в анодной цепи; конденсаторы — один на входе каскада усиления,

другой — на выходе анодной цепи. И эта ясность тоже приятна: просто я делаю полезное и делаю это хорошо. И девчонки вокруг приятны — улыбчивые чирикалки.

— А что там, в конце конвейера?— спрашиваю я Иру-справа, показывая носом на нагромождение аппаратуры.

— Там ребята-настройщики сидят, их не видно. Один — старый хрыч Степаныч, ты увидишь его ещё, он хромает сильно. А другой — Серёжка, он молодой и умный!

— Тоже скажешь, умный! Воображала несчастный!— резко противоречит ей Ира-слева.

— Умный, умный, хороший парень,— защищает Ира-справа.— Просто она его клеила,— это уже ко мне полушёпотом,— а он не склеился... У него девочка на стороне есть.

— Ой, видела я её, фе-е,— восклицает небрежно Ира-слева.— У неё фарфоровое лицо. Вот посмотри, какое личико должно быть,— демонстрирует она мне свою мордашку,— правда классно?

Я конечно, соглашаюсь. Мне нравится её загорелое личико с румяными щёчками: просто иллюстрация здорового образа жизни!

У меня закончились радиодетали. Девчонки говорят — позови Петровну — это мастерница. Зову.

— Счас принесу,— говорит Петровна и через минутку даёт мне четыре новых коробки. Я посмотрел — вместо 2,2 килоома в новой коробке лежат резисторы по 22 ком. Зову Петровну снова.

— А нету сейчас 2,2! Ставь те, что я дала. Конвейер не должен останавливаться.

— Их нельзя ставить: они стоят в катоде, будут искажения, не в режиме будет каскад работать!

— Ох эти мне академики!— завелась Петровна.— Всё-то мы знаем, анод-катод! Ставь, говорю тебе!

— Это халтура, не буду ставить. Разберитесь...
— Галка!— кричит на весь цех Петровна,— иди сюда, быстро! Садись на место этого академика, анод-катод! Счас покажу тебе, что куда паять! А ты, практикант, валяй к Соколовой! Соколова!— опять орёт она на весь цех.— Прими к себе помощничка! Ни хрена не умеет, может, тебе сгодится!

Толстая Соколова приковыляла и, улыбаясь, увела меня в левую половину цеха.

— Ты что, в самом деле, ничего не умеешь? Ничего, я тебя сейчас научу... Работа простая — шихтовка силовиков.

— Да я...— начал оправдываться, но Соколова меня перебила:

— Надо делать то, что тебе говорят. А то приходят вот такие практиканты, и у каждого свои фанаберии... А нам надо план давать.

«Ладно,— думаю я,— надо поучиться и силовики шихтовать».

И вот я уже второй день шихтую силовые трансформаторы. Работа очень простая: в одной коробке у меня лежат штампованные Ш-образные пластины, в другой — ярмо, прямоугольные пластинки, которые должны замыкать магнитопровод, дополняя Ш-образную пластинку. Одно «Ш» — слева, другое «Ш» — справа, слева — справа, слева — справа... Когда каркас намотанной катушки полностью набит, я вставляю пластинки ярма — с одной и другой стороны. Они упираются, но я их прихлопываю кияночкой, аккуратно ровняю. Затем беру штампованную оцинкованную обжимку, вставляю в неё трансформатор и обжимаю на прессике. Трансформатор готов для установки на шасси магнитофона. Когда тара полностью наполняется трансформаторами, Соколова их относит на конвейер.

Вдруг, гляжу, хромает ко мне пожилой человек. «Наверное, Степаныч с настройки»,— думаю я. Точно...

— Привет, студент! Ты что мне напаял в каждый усилочек 22 килоома вместо 2,2? Кто исправлять будет?

— Да вы что, я наоборот, отказался ставить 22 ком! За это меня и выгнала Петровна с конвейера и посадила на шихтовку! Я говорил ей, что нельзя в катодную цепь ставить 22 ком, а то будут сильные искажения...

Степаныч заулыбался:

— Да ладно, студент! Я шучу... Мне Ирка малая рассказала эту историю. Но, что делать, напортили с сотню шасси, они у меня горой лежат, пока мы разобрались, затык получился из-за этой козлоногой Петровны. Помоги, давай, надо всё перепаять, а у нас времени не хватает. Соколова, подмени парня на шихтовке, я его на день-два забираю!

Я обрадовался. Настройка — это же мечта радиолюбителя! Правда, работа предстоит механическая — выдрал один резистор, припаял другой. Но зато рядом с асами настройки!

Кончилась смена, цех мигом опустел. А мои шефы-настройщики вроде и куда не торопятся, сидят, расхомутовывают усилки... Я тоже сижу, уходить от них не хочется, краем глаза слежу за действиями Степаныча и Серёги: как подключают усилитель к стенду, как измеряют искажения сигнала, как проверяют частотную характеристику...

— Что, студент, нравится наша работа?— спрашивает Степаныч.

— Ещё как!— восторженно отвечаю я. И, раз позволили, начинаю задавать вопросы по аппаратуре, по порядку проверки и настройки. И молодой Серёга, и Степаныч охотно и дружелюбно отвечают.

— А скажите, вот смена закончилась, а вы сидите и сидите. Так положено? У вас другой график работы?

— Ну,— говорит Степаныч,— мы часто «прихватываем». Особенно, если завал ненастроенных усилков. Видишь, горы их рядом лежат.

— Ой, как я бы хотел попробовать себя в настройке! Могу как-то вам помогать?

— А вот у нас за спиной третий пульт настройки. Садись, попробуй, вдруг получится. Сейчас включу его... Вместе дружнее будет раскидывать завалы. Видишь, «Днепр-11» ещё только осваиваем, много «загадок» по хомутам, новое изделие, что поделаешь...

И стал Степаныч мне подробно рассказывать, как работать за пультом...

Я уселся, подключил усилки, начал разбираться. Сигнал не проходит. Стал проверять покаскадно: после второго каскада сигнал исчезает. Глянул схему, проверил один, второй узел — опаньки, конденсатор переходной ошибочно запаян — не на тот лепесток, который нужен. Показал Степанычу.

— Молодец, студент! Из тебя люди будут, точно!

И с этого момента началась «сладкая пора» в моей жизни. Я приходил на завод раньше всех, а уходил позже всех. Испытывал предельный кайф, «расхомутавши» сложную загадку. Через дней пять я выполнял норму настройщика полностью. Горы «захомутованных» шасси постепенно таяли, но работы хватало на всех троих.

— Сколько дней ещё вашей практики? — как-то спросил Степаныч.

— Практика до 1 июля, — ответил я.

— А дальше что?

— Пропуск окончится — на завод больше не пустят. Будем писать отчёт о практике. А потом — каникулы до 1 сентября.

— А хотел бы июль и август поработать с нами? За деньги, конечно...

— Степаныч, да я с удовольствием! Я бы вообще от вас не уходил бы...

Степаныч почесал за ухом... Потом взял свою палочку и куда-то пошкутьлягал. Пришёл через полчаса:

— Так, Лёня, вопрос решён. Тебе продлевают пропуск до 1 сентября. Будешь получать денежку по третьему разряду. Это чуть меньше, чем мы с Серёгой получаем...

— Спасибо, Степаныч! Да я бы и без денег с радостью...

— Я это вижу и знаю, ты нормальный мужик! Но без денег — это эксплуатация. Вот потому и договариваться ходил с начальником цеха. Я тебе, по-правде, дал бы оплату по первому разряду, у тебя хорошие знания, но есть сложности. Начальству обосновал, что до сентября мы, возможно, выйдем из аритмии, не может же освоение изделия продолжаться годами... И я доволен, что ты остаёшься с нами...

Эти два месяца пролетели как один день. Я даже не знал, что завод — это так заразительно. Я не знал, что так много разного и интересного в одном только цехе завода. Всё — и сборка, и шихтовка, и настройка... И мягкая улыбка умного Серёги, и фашистский осколок в ноге неумоимого Степаныча, и чириканье Иры-слева, и сосредоточенность инженера-технолога цеха Марины, обмен информацией и новостями — всё это смешалось и представляло собой многогранную интересную жизнь. И это проникло в меня навсегда, сделав из меня человека, который ни на что не променяет заводские отношения... Мне казалось тогда всё происходящее большим счастьем совместного труда, от которого получаешь огромное удовольствие, за что ещё и платят хорошие деньги!

«У ВАС С ЯЙЦАМИ ВСЁ В ПОРЯДКЕ?»

Воспитанный мужчина не сделает замечание женщине, плохо несущей шпалу.

М. Жванецкий

«В «Темпе» дают яйца!»

Эта новость в середине декабря 1982 года как метеор мгновенно облетела весь завод, вызвав у людей оживление, радость, огорчение и сожаление одновременно, потому что куриные яйца, которых давно не видели в продаже, всем очень необходимы, но мы люди подневольные, с конвейера не убежишь... А практика показывала, что такой «выброс» бывает очень редко и очень быстро заканчивается, потому что сотни и сотни людей, способных передвигаться, мгновенно оккупируют центр «выброса» и разбирают яйца лотками по 30 штук в одни руки — больше не положено!

Кладовщицы Оля и Настя, не занятые на конвейере, прибежали к Юре Ишимцеву чуть ли не со слезами на глазах:

— Отпустите, ради бога, в «Темпе» яйца дают! Мы по-быстрому!

— Как это «по-быстрому»? Кто вам даст без очереди?

— Мы согласны завтра и послезавтра по две смены подряд работать!

— Ох, девочки, подставляете вы меня! Ведь не только вы туда хотите рвануть!

— Ну, пожалуйста, отпустите!

Ишимцев, продолжая бурчать что-то себе под нос, выписал две увольнительные... Мягкий он был и девок любил больше себя, начальник цеха Юра Ишимцев...

«Темп» больше ничем не торговал в этот день. Всех продавщиц «переключили» на яйца. Десятки очередей толкались и мешали друг другу.

Сейчас это кажется странным, когда только на «Житнем» вы можете обнаружить не менее двадцати ларьков с куриными яйцами, рассортированными по размерам, цене и цвету, и почти в каждом купить без очереди. Но в те времена в стране царило слово «дефицит», и никто не знал, как можно жить на свете без этого слова.

«Ты приходишь ко мне, я через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее крыльцо достал дефицит! Слушай, ни у кого нет — у меня есть! Ты попробовал — речи лишился! Вкус специфический! Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди.

В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит. Всё городское начальство завсклада любит, завсклада ценит. За что? Завсклад на дефиците сидит! Дефицит — великий двигатель общественных специфических отношений», — это Михаил Жванецкий в исполнении Аркадия Райкина.

Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Так что только к темноте декабрьской Оля и Настя уже были с яйцами. И вот здесь они обнаружили, что просто идти по улице и идти с яйцами — это две большие разницы! Гололёд — вот что придумала природа для борьбы с дефицитом! А идти девчонкам предстояло по Черняховского на Малёванку через мост. Ну, не мне вам описывать, как ходят девушки с яйцами по крутым горкам в гололёд!

Они довольно легко обогнали деда, который осторожно шкандыбал с набором яиц в поли-

этиленовом пакете. Дед смертельно матерился вслух, проклиная свою Зинаиду, пославшую его за яйцами:

— Мать твою, а вдруг упаду... Конец яйцам, с таким трудом выстоял... Ей — яйца, а мне здесь и каюк будет... Ой, блин, не донесу я...

Девушки, идущие на полусогнутых, посмеялись над дедом и сами, соблюдая предельную осторожность, продолжали свой путь. Через несколько минут услышали вопль, обернулись и увидели, что дед шмякнулся и лежит на снегу, ворочаясь.

— Эх, не дотащил дед яйца Зинаиде, — весело сказала Настя.

— Пошли, поможем человеку подняться, — предложила Оля.

Так же, на полусогнутых, добрались до упавшего.

— Как ваши яйца? У вас с яйцами всё в порядке? — спросила Настя.

— Да не, с ними всё нормально... Только я, кажется, ногу вывихнул... — ответил пострадавший. И с помощью девушек попытался подняться. Разбитых яиц, кстати, нигде не было видно...

И тут зачернела во тьме ещё одна фигура, приближавшаяся к ним с полиэтиленовым пакетом целых и невредимых яиц:

— Мать твою, проклятая Зинаида... Нужны ей были эти яйца... Откуда эта напасть на мою голову...

Девушки потом долго хохотали, вспоминая свою ошибку.

«У вас с яйцами всё в порядке?» — иронизировала Ольга, имитируя голосок Насти.

«Человек ногу вывихнул, а ты смеёшься», — оправдывалась Настя...

21 ИЮНЯ 1962 ГОДА

*Хочешь всего и сразу, а получаешь
ничего и постепенно.*

М. Жванецкий

Мама мне сказала, что в Житомире недавно начал работать большой завод «Электроизмеритель». И в этот памятный день я решил пойти туда и устроиться на работу. Вход тогда был со стороны улицы Карла Либкнехта, прямо у угла улицы Котовского. Второй этаж — клуб завода, а первый этаж — заводоуправление. Самая правая дверь напротив входа имела надпись «Начальник отдела кадров», и я решил, что мне сюда.

Мимо вахтёрши, смотревшейся добродушным кривоногим колом, пробежали запыхавшиеся девушки, раскрывая на ходу книжечки пропусков. Видимо, заканчивался обеденный перерыв. Было жарко и душно, дело шло к июлю, а в Житомире это обычно вершина лета, пора редких в году солнечных дней, безветрия антициклонов, пора плавящегося асфальта, в который уже напрочь будет впрессован переставший досаждать тополиный пух, лежащий на асфальте белыми островками.

Начинающий сидеть, но ещё крепкий плотный мужчина в очках и с галстуком под крахмально-белым воротничком смотрел на меня с печальным сочувствием. Под этим взглядом я почему-то заторопился выложить все свои козыри:

— Могу заниматься настройкой или ремонтом любой электронной аппаратуры, я радиолюбитель, есть опыт работы на Киевском заводе радиоаппаратуры, подобная работа у меня была и в Институте Психологии УССР...

— Ну, милый мой, то психи, а то приборы... Большая, знаешь ли, разница. У нас приборы сложные...— очень горестно произнёс начальник.

— Нет, понимаете, психи здесь ни при чём,— я почувствовал, что начинаю горячиться и этим только усложняю дело.— Мы делали аппаратуру, совсем новую аппаратуру для психологического тестирования лётчиков и космонавтов. Это тоже очень сложно...

— Дорогой, ничем не могу помочь. Не нужны нам ни настройщики, ни ремонтники. К нам на завод попасть очень трудно. Инженера нужны,— меня покорило от слова «инженера»,— но с верхним образованием...

— Поймите, я ведь на пятом курсе заочно-го, при этом четыре курса закончил на стационаре... Вполне могу работать инженером.

— Но верхнего-то нету? Нету, правильно я говорю? Нету... Ничего не могу поделать, родной. К нам на завод очень трудно попасть. Очень трудно,— повторил начальник отдела кадров. Настойчиво, будто сверля, проникал своими серыми глазками внутрь моей черепной коробки. Наступила тягостная минута молчания. Я не хотел сдаваться, но доводов больше не было.

— Ну что ж, я пойду?— полувопросительно неожиданно сколотым голосом сказал я.

— Иди, родной, иди,— поощрил моё решение начальник,— подумай, заходи, может чего и наклонится. Мало ли чего, есть люди, которые увольняются,— он улыбнулся, и в его улыбке было огромное неуважение, вроде как дураком обозвал, так улыбнулся...

Мял в потных руках сигарету, совсем растерялся от отказа в приёме на работу. Думал, что это вовсе несложно, привык читать объявления «Требуется на работу», в Киеве принимали везде, порою не спрашивая трудовой книжки.

И ещё было сильное недовольство собой — тебе двадцать три года, а ты как мальчишка смущаешься, ничего не можешь доказать, и голос садится от волнения...

Сигарета наконец была растерзана, я в сердцах швырнул её в урну и вдруг встретился взглядом с вахтёршей-колобком, на лице которой царила снисходительно-сочувственная улыбка.

— Что, молодой человек, не одолели Козырева, а? Не просил на прощание подумать?— захихикала она и, не давая мне возможности восхититься своей пронизательностью, позвав наклониться к ней поближе, затараторила заговорщицки вполголоса:

— Ой, беда с ним, проходимец такой-сякой, когда только до него доберутся? Меньше сотни за приём на работу не берёт с простого человека. Завод, гляди-ка, в центре города, работа непыльная, в белых халатиках все, зарботки хороши, вот и грабит от души. Начальство всё городское да полковники разные деток своих сюда поустраивали, вот у него и защита — все свои и в горкоме, и в исполкоме, и в милиции, попробуй плюнь в его сторону! Соседская вон пришла к нему, совсем девочка, но весёлая, разбитная, да себе на горе аппетитная, фигуристая, ножки-бутылочки, так он ей что говорит: «Поближе познакомимся — устрою!» — и лапы в ход. Она: «Да как кто узнает, что вы себе позволяете», а он: «Никто, мол, нашего разговора не слышал, нет у тебя никаких доказательств, вот только не бывай тебе на заводе и всё слово, если по-доброму не хочешь!» Ох, скольких он, старый кобелина, на коленки пересажал — девчата сейчас, поди, тоже разные, тут такие есть — оторви да выбрось. Ну, а с мужиков деньги берёт. «Подумай!»— говорит, а те думают-думают, да и приносят. Уж мне

поверь, я знаю, не первый год у этих дверей стою, насмотрелась. А ты, гляжу, совсем зелёный, растерялся, глаза вон какие жалостливые. Ты кто будешь?

И я вдруг, доверившись незнакомой тётке, выложил всю свою историю, приведшую меня на этот порог — и о больной маме, о братишке и сестрёнке, о том, как тяжело работал в Киеве, не бросая стационара, и как, наконец, выдохшись и изголодавшись, поддался на уговоры мамы и перевёлся на заочный.

— Сынок, а ты пойдёшь к Таракану, он добрый хороший человек! Может и подсобит тебе,— и показала на одну из дверей рядом. На ней было написано «Главный инженер», а напротив «Приёмная».

Оказалось, что Таракан — это Анатолий Алексеевич Таракановский. Я долго ожидал, когда он окажется один в кабинете, но так и не дождался: люди выходили, но тут же заходили другие, и конца этому не было, пока вахтёрша-колобок, из своего угла наблюдавшая за моими нерешительными попытками, не показала сердито, чтоб я заходил и не медлил, всё одно всех не переждёшь, такая уж у Таракана должность. И я вошёл, на что главный инженер не обратил ровно никакого внимания, но и не выгнал — уже хорошо.

У него было ещё трое, и от волнения я их не запомнил, а вот главного запомнил, запомнил надолго и интуитивно поставил в своей душе на ту полочку, где уже находились Баллы — отец и сын и некоторые другие, которых я называл про себя «настоящими». Потом на ней оказались Назарчук, Волошин, Царенко, Лашук — но это будет позже, можно сказать, в следующей жизни...

Анатолий Алексеевич был пожилой и усталый, задёрганный худой мужик с покрасневшими глазами и сиплым голосом. Наперебой с

горячностью что-то ему толковали присутствующие, звонил телефон, да не один, главный хватал трубки, коротко бросал команды, отбивался в промежутках от наседавших, так что в моём воображении он трансформировался в добросовестного худого пса, лающего по долгу службы, а не по злобе. Взгляд главного на мгновение остановился на мне и, ничего не выразив, переключался в прежнее русло. Прошло, казалось, более получаса — наседавшие успели по одному уйти, за ними по одному же вошли ещё четверо, как вдруг возникла пауза, и Таракановский взглядом спросил у меня, что, мол, надо. Я точно так же молчаливо протянул свою трудовую книжку. Таракановский взял её и стал опять «лаять» в телефоны и на пришедших, но глаза его были заняты моей трудовой, а пальцы листали страницы. Потом сам набрал номер и сказал в трубку: «Николай Иванович, у меня тут парнишка, незаконченное высшее, четыре курса, электроакустика, но трудовая хорошая, да и с виду не пижон,— при этом поверх очков глянул на меня,— поговори с ним, думаю подойдёт».

— К главному конструктору,— это уже мне сказал, протянул трудовую и вновь занялся своей «собачьей» деятельностью.

Кабинет главного конструктора я нашёл сразу в том же длинном коридоре, прочёл «Невмержицкий Николай Иванович», постучался, вошёл. Из-за стола поднялась глыба! «Ничего себе, парубок!» — подумал я. Двухтумбовый стол казался игрушечным на фоне двухметровой фигуры его обладателя. Когда Невмержицкий встал, то в комнате стало заметно темнее, так как своими гигантскими плечами он едва ли не закрывал оконный проём. На круглом лице была приветливая улыбка, которая поднималась вверх и далее запутывалась в гриве зачёсанных назад чёрных волос.

— Николай Иванович,— представилась глыба, и моя ладонь утонула в лапище главного конструктора. За столом совещаний в неприуждённой позе сидел тщедушный, по сравнению с Невмержицким, моложавый парень и с нескрываемой иронией разглядывал меня. От ироничности его взгляда, а может, от подавляющего впечатления фигуры главного, я вдруг неожиданно для себя пробормотал:

— Лёня...

Несолидный парень хмыкнул, я вспыхнул досадой на себя и поспешил исправиться:

— Федорчук моя фамилия, Леонид Иванович.

— Так, Леонид Иванович, это вас, значит, прислал ко мне Анатолий Алексеевич? Хотите работать конструктором? Познакомьтесь,— указал рукой на несолидного,— это начальник лаборатории Ковальчук Дмитрий Васильевич.

Ковальчук, продолжая иронично улыбаться, протянул руку.

— А что вы... простите, умеете, Леонид...э-э-э...

— Иванович,— помог я.— Я пока студент, был на стационаре, электроакустик. Сейчас на пятом курсе заочного, радиотехнический факультет. Вот, так получилось, надо работать.

— Радиолобитель?— спросил Ковальчук.

— Да, с девятого класса.

— Возьмёшь?— спросил Невмержицкий, обращаясь к Ковальчуку. Тот не ответил, а снова обратился ко мне:

— А по какому учебнику вы изучали электрические измерения? Автора назовёте?

Вопроса такого я не ожидал. Лихорадочно пытался вызвать в своей памяти внешний вид учебника и уже листал его, видел схемы, вспоминал формулы, видел даже рисунок обложки, даже мелкие дефекты на ней, а фамилии автора различить не мог. Не обращал на неё внимания раньше. И припомнил, как эксплуатировал ранее свою великолепную зритель-

ную память, дар от природы. Вспомнил экзамен по электроизмерениям, это было ещё на втором курсе, вспомнил лекции, на которых умудрялся бывать; тут же пронеслись в памяти какие-то выкладки по логометрам, вспомнил, как, не имея конспекта, за день и одну ночь одолел этот злополучный учебник, фотографируя глазами страницу за страницей, и потом, преодолевая ватность в ногах и какое-то странное «парение» в голове от бессонной ночи, шёл, брал билет, готовился, листая в памяти заснятые страницы, затем отвечал по мостовым схемам, рисовал счётчик, по просьбе преподавателя тут же сделал расчёт омметра, получил пять баллов и уже через два дня помнил едва ли десятую часть всей информации, освободив клетки мозга для запоминания чужого конспекта по теоретическим основам электротехники — ТОЭ, экзамен по которым предстоял...

— По какому учебнику?— переспросил я, оттягивая развязку и, не имея ничего в запасе, решил отшутиться, — по какому там учебнику! Вы же знаете, студент учит по конспекту, да ещё и по чужому. По чужому конспекту учил я измерения, но главное — экзамен я сдал, и на отлично.

Ковальчук снова хмыкнул. Невмержицкий тяжело посмотрел на него. Пододвинул мне лист писчей бумаги:

— Ладно, пишите. Заявление. Директору завода «Электроизмеритель» Трегубову Николаю Петровичу. Н.П. От гражданина, гр., прож., проживающего, значит, адрес, фамилия, имя, отчество — полностью. Прошу, значит, принять в ОГК на должность инженера-конструктора. Дадим вам 95 рублей. Это минимум. Будут результаты работы — будет рост.

— А...когда может быть...рост?— смущённо спросил я, подавленный мизерностью зарплаты.

— Ну, от вас зависит... Будете хорошо работать — через полгода-год... добавим. Надо работать, Леонид Иванович. Работать надо,— и Невмержицкий вытянул подбородок вперёд, а это означало, как я потом узнал, что разговор окончен и все вопросы — излишни. Но тогда я этого ещё не знал и потому переспросил непривычным для себя канючливым тоном:

— Мне бы, Николай Иванович, где-нибудь к паяльнику поближе, к схемам...

Главный переглянулся с Ковальчуком, а тот снова хмыкнул. Тогда Николай Иванович сказал:

— Идите наверх, к Письменному. Скажете, я прислал. Знакомьтесь пока с документацией на серийные приборы. Всё,— встал, затенив кабинет, пожал мне руку,— работайте,— и подбородок снова пошёл вперёд.

Вышел из кабинета страшно недовольный собой. Господи, ну что может быть глупее! Первое знакомство, и так представился... И ещё этот чёртов учебник... О! Арутюнов! Вспомнил автора! Арутюнов. С тоской поглядел на дверь Невмержицкого. Поздно. Не станешь же снова врываться и кричать — я вспомнил автора учебника! Ох, дубина, сколько оплошностей! Мог же попасть в лабораторию. Хотя Ковальчук так неприятно хмыкал... Стыдно...

Вахтёрша-колобок ещё издали подняла брови:

— Ну, как?

— Ах, бабушка, что вам сказать... Лёня я, понимаете ли.

Это должно было означать по меньшей мере «Лапоть»

— А я Мария Павловна. Что, сынок, приняли?

— Приняли. Спасибо вам, бабуся,— и пошёл искать Письменного.

— Вот видишь, сынок! Никогда не сдавайся!

Что я и делал на заводе последующие 23 года — выполнял наказ вахтёрши-колобка.

ВЕНЯ МАРЧУК

*Настоящий меломан — тот, кто,
услышав голос женщины, напевающей
в ванной, нагибается к замочной
скважине и прикладывает к ней ухо!*

М. Жванецкий

Дорогой Вениамин Антонович, конечно, твои годы и твоя деятельность, твои должности и таланты просто настойчиво требуют, чтобы я тебя так называл, а именно, Вениамин Антонович Марчук. Но вот хрен тебе: ведь не я же к тебе в книжку попал, а ты ко мне! Так что тебе, Веня, остаётся только терпеть и улыбаться — а ты всегда был весёлым и юморным человеком! Да и судьбы у нас очень схожие: мы оба попали на «Электроизмеритель» в 1962 году, ты в августе, а я в июне. Ты писал стихи, и я их писал. Ты вёл целое направление техники, и я вёл своё направление. Ты ушёл с завода в 1977 году, я — в 1985... И сдаётся мне, что и причины ухода у нас были схожие... Но ты ещё пел — и как пел! Лирико-драматический тенор. Все наши сходились на том, что пел не хуже, чем Анатолий Соловьяненко, народный артист СССР!

Веня рассказывал мне, что в то время, когда он работал заместителем главного инженера завода по спецтехнике, где-то в газете опубликовали его стихи. И его немедленно вызвали в Первый отдел (а это был отдел от КГБ, следивший за сохранением государственной тайны на предприятии) и предупредили о том, что работникам, связанным с изделиями спецтехники, это категорически запрещено. Таким образом, стихи Вени оставались очень долгое время неопубликованными. Но когда он переехал в Ригу и стал заниматься обычными граждански-

ми делами, ему показалось, что появилась возможность издать свои поэзии. Один из его сотрудников сказал ему, что знаком с известным московским поэтом, назовём его условно Владимир Зорин, который с удовольствием пристроит Веничкины стихи в какое-либо издательство. Тут же созвонились с В. Зориным и согласовали время и условия Вениной встречи с известным поэтом. Тот потребовал, чтобы за эту услугу ему был накрыт стол в ресторане «Славянский базар», а Веничка должен был привезти ему тетрадь своих стихов для ознакомления и редактирования.

Вот и состоялась эта офигительная встреча со звездой советской поэзии. Веня собрал возможное количество денег для оккупации «Славянского базара» и с трепетом в своей поэтической душе прибыл на место встречи. Было согласовано меню, по которому оказалось, что В. Зорин, как и положено столичной звезде, коньяк не пьёт, а предпочитает шотландское виски, которое в те годы бывало разве что в таком фешенебельном ресторане и стоило раз в десять дороже коньяка КВВК (поясню: в советские времена коньяки подразделялись в порядке цены и качества на трёх-, четырёх-, пятизвёздочные, затем шли сорта КВ — коньяк выдержанный, КВВК — коньяк выдержанный высшего качества, и, наконец, С — старый коньяк и ОС — очень старый коньяк). Словом, передав тетрадку стихов Зорину и ублажив его аппетиты, Веничка смог реально оценить в рублях цену этого великолепного знакомства. Месяца два-три, вероятно, пришлось ему отрабатывать эту встречу. Но, вы же понимаете, что это тот случай, когда дело не в деньгах...

Потом встретились ещё раз и ещё раз в том же «Славянском базаре» с той же помпой и наворотами. Поскольку и в третий раз конкретика в издании Вениных стихов не достигалась,

а расходы на выпивку увеличивались, такое пиршество богов от поэзии стало Веню утомлять. И когда последовал четвёртый вызов в «Славянский базар», Веня с присущей ему прямолинейностью потребовал от великого поэта возвратить ему тетрадь со стихами. К его удивлению и окончательному прозрению оказалось, что эта тетрадь, над которой «работал» Владимир Зорин не содержала ни единой правки, и, скорее всего, даже не раскрывалась! И наш Веня, как истинный житомирский реалист, а не какой-то там сентименталист, послал свою поэзию подальше, оставшись неизданным, но гордым и независимым поэтом! И со смехом рассказывал мне эту печальную историю вращения у подножия отечественного Парнаса.

А на самом деле, писал он хорошо и красиво. Я не стал выбирать из его тетрадок лучшее, я просто взял то, что было мне созвучно, тем более, это стихотворение было навеяно нами, и называлось «Звук странного эстрадина»:

Растворюсь как туман,
Распылюсь как позёмка,
В потемневший орган
Нотой срыва влечу,
И в холодной трубе
Раздражающе громко
Фугой скомканных чувств
На заре зазвучу.
От напора тоски,
От потока сомнений
След оставит аккорд,
Как затупленный нож,
И, войдя в резонанс,
Зашатаются тени,
Вызывая на стенках
Латунную дрожь.
Интегралом надежд
Обвяжу полутоны
Те, что живы во мне

И в металле трубы.
 Пусть раскатом гремят
 Диссонансные стоны
 Над разломом души
 И раскроем судьбы.
 Кто себя приукрыл
 Безразличия зонтом,
 А мораль с бытиём
 Крепкой нитью связал,
 Тот, услышав раскат
 За чертой горизонта,
 Скажет: «Где-то опять
 Разразилась гроза!»
 Не гроза, не циклон
 Над сплетением веток.
 Звук мажорный как плетъ
 Бьёт открыто в лицо.
 Видно, сущность моя
 Всеми силами клеток
 Разрывает на части
 Сомнений кольцо...

Когда его принимали на завод, он, к счастью, не позабыл (как я) фамилию автора учебника электроизмерений для высшей школы Арутюнова и был принят в лабораторию с окладом 110 рублей в месяц, где под руководством Г. Лобачевского работали Евгений Лашук (совершенствование серийных приборов), Анатолий Певко (прибор Ц435, ставший впоследствии главным серийным), Слава Брусин (транзисторный частотомер Ф433), Сергей Янченко (транзисторный фазометр ф433/3). Сам Марчук разрабатывал прибор Ф431. Тогда с ними работали Володя Загуменный, а позже — Вера Волошина, жена моего будущего шефа Виталия. Когда Арнольд Григорьевич Назарчук начал свою деятельность в ранге главного инженера и как вихрь стал насыщать завод новой продукцией, в том числе военной аппаратурой передачи данных (изделия 05 и 05Н), образовалось КБ5 (октябрь

1964г.), куда были переведены В. Марчук, В. Брусин, С. Янченко, В. Загуменный и В. Волошина, которые обеспечивали сопровождение производства в новом сборочном цехе 2 с приёмкой представителя заказчика.

В мае 1969 года главный инженер завода Дмитрий Васильевич Ковальчук уговорил Веню стать его заместителем, и последующие 11 лет Веня должен был решать все технические вопросы, связанные с бесперебойной работой цехов основного и заготовительного производства, одновременно оставаясь ответственным за выпуск спецтехники. Вениамин Антонович с большой теплотой вспоминает сейчас свои посто-

янные контакты с начальником производства Н.И. Креденцером, главным механиком М. Климентовским, главным энергетиком В. Халепо, начальниками цехов Е. Грижбовским, В. Карпухиным, Я. Христичем, А. Кирилюком и другими.

Разносторонний и талантливый человек Веня Марчук! Он и сейчас с азартом и жаром говорит о прошедших днях завода, без конца вспоминает своих товарищей и приключения, которые выпадали на их долю. Он очень привязан был к Володе Царенко и Толе Певко, и я просто с удовольствием перескажу повествование об их совместной поездке на Лейпцигскую ярмарку весной 1971 года. Итак, наливаем мы с Веней по полрюмки коньячка... мне так интересен его рассказ о моих хороших товарищах... слушаем...

«Сборы были недолги. О главном: каждый взял по две поллитры водки (так разрешалось в те времена везти через границу одному лицу. Кстати, точно так же и сейчас — имеешь право, выезжая с Украины, взять с собою не более одного литра спиртного). Ну, взяли ещё кружку, ложку, носки, трусы, майку и выехали в Москву, где Министерство комплектовало общую команду для поездки в ГДР. Пройдя собеседование у подтянутого, спортивного телосложения человека в строгом чёрном костюме, даю ему подписку о том, что мне запрещено общение с незнакомыми людьми, ведение любых бесед на тему о моей профессиональной деятельности, категорически запрещено вступать в контакт с иностранцами.

Знакомая до глубины души вокзальная толчея усиливала предощущение неотвратимого «присеста» всех троих за столик в купе. Осознание этого момента делало наши фигуры стройными, как молодые побеги камыша, а лица сияли тёплым внутренним светом, словно угли

под шампурами шашлычницы при дуновении лёгкого ветерка. Вся троица ввалилась в одно купе, разобрал полки и напялив одежду, соответствующую пассажирам дальнего следования, уселась за столик, на котором уже стояла первая «резервная» бутылка «Столичной» производства Житомирского ликёро-водочного завода. Закуска, приготовленная верными жёнами, издавала смешанный запах яств из трёх кухонь, хозяйками которых были две Нины (Певко и Марчук) и Света(Царенко). Помню, первое, что я сказал друзьям перед тем, как наши стаканы чокнулись: «Ребята, язык мой — враг мой, и он становится всё враждебнее с каждым последующим глотком! Там, за бугром, ты, Володя, затыкай мне рот почаще: ведь я дал подписку о неразглашении!» Володя хлопнул по моему плечу и сказал: «Антоныч, бу сде!» Анатолий Пев-

ко загадочно улыбнулся, и эта улыбка растворялась в пространстве купе, будто марево в лесу, переходя с рыжеватых пшеничных усов на такую же рыжую бородку...

Экспресс «Москва-Берлин» мчал по просторам родной земли на Брест. Вагон был похож на растревоженный улей — клацали и гремели открываемые и закрываемые двери купе, проводники разносили чай и печенье. К полуночи энергичные разговоры за нашим столом стали скукоживаться, как подтаявший снег...

Анатолий Певко, не в пример мне и Владимиру, не слыл любителем выпить, но и никогда не отказывался примкнуть к компании. Я встречался с ним часто и помимо работы, в семейном кругу. Он всегда был отличным шутником, комментатором, но предпочитал больше слушать, нежели говорить. На тот момент он был многократным медалистом всех степеней ВДНХ, заслуженным рационализатором страны...

Я прервал рассказ Вени и предложил выпить в память о Толе. Он ещё для меня остался в памяти и великим поэтом-песенником... Мы с Веней выпили, не чокаясь, и он продолжал:

«Володя Царенко — живой, с горячим характером, любитель спорных ситуаций, на компромиссы шёл с трудом, как шины при торможении... Допущенную с его стороны неправоту, как правило, гласно не признавал, но и не сваливал никогда вину на других, умело вуалируя просчёт или ошибку такой вязью предположений и допущений, что дальнейшее разбирательство теряло смысл. Поставленный голос и логика его умозаключений привлекали внимание слушателей. Мне представляется, что Володя мог бы быть великолепным адвокатом. Хотя он и в ранге заместителя директора по снабжению делал своё дело настойчиво и квалифицированно. А то, что было свойственно

молодым мужикам, какими были мы в то время, нёс в себе и Володя, порою щедро раздавая направо и налево».

Я снова остановил Веню, и мы выпили в память о Володе.

— Извини, Веничка, но Володя был лучшим моим другом!— сказал я.— Мне очень его не хватает!

— Я понимаю,— тихо произнёс Веня.— Мне тоже плохо, что его уже нет...

«Город-герой Брест встретил нас прохладой и туманом. Все вагоны состава переставили на другие вагонные тележки — западноевропейские, более узкие. Проводницы в вагоне оказались польскими красотками. На ломаном русском языке они стали приглашать пассажиров в ресторан на завтрак. Поезд шёл по польским воеводствам с большим шатанием вагонов. В ресторане за столом перед каждым стояла белая тарелка диаметром не менее 40 сантиметров, на которой лежал тонюсенький пласт бекона, два кусочка белого хлеба такой же толщины, а на бумажке у тарелки — внушительных размеров вилка и нож. Певко, насадив бекон на вилку, приподнял его на уровень глаз и сказал: «Антонович, глянь-ка на меня!» Сквозь «толщу» бекона я хорошо рассмотрел бороду и усы попутчика! Был ещё и чай с двумя кусочками печенья... Раздразнив аппетит в ресторане, мы ушли завтракать в купе, где ещё было вдоволь домашнего, где краюха хлеба была толстой, и того же разряда была колбаса и сало с чесночком, присыпанное перцем. А, самое главное, оставалась наша, советская водка!

В Берлин поезд прибыл поздно вечером. Здесь было значительно теплее, чем в Бресте. Бросилось в глаза отсутствие людей на улицах города, все дворы и ворота во дворы и между домами наглухо закрыты. Делегация уселась в автобус. После переключки кто-то дал команду, и авто-

бус двинул по Берлину к выезду на автобан, ведущий к Лейпцигу. В городке Мерзебург под Лейпцигом в студенческом общежитии делегация нашла своё пристанище. Неделя знакомства с Лейпцигом и выставкой, с городком Мерзебург и его достопримечательностями (кафе и пивными барами) наложили первый след на понятие «как там у них за бугром».

Справедливости ради надо сказать, что чувствовали мы себя в ГДР как свои: немцы относились в то время к советским уважительно и

хорошо. В частности, они демонстрировали это отношение практически каждый вечер в кафе недалеко от нашего общежития, в котором мы втроём засиживались за пивом допоздна, и где уже велись разговоры на немецко-русском языке с помощью жестов и мимики. Прощались, как настоящие друзья, в обнимку.

Сама ярмарка прошла великолепно: мы, представляя огромный ассортимент житомирских комбинированных приборов, сумели заключить множество соглашений на их будущие поставки почти во все европейские страны, и больше всего – во Францию...»

– Венечка, а скажи, пожалуйста, что бы ты предложил сегодня показать на Лейпцигской ярмарке от нашего славного города?– спросил я, пряча улыбку в рюмку...

Вениамин Антонович с удивлением поглядел на меня:

– Лёня, ты что? Серьёзно спрашиваешь?

– А почему бы нет? Почти сорок лет прошло со времён той Лейпцигской ярмарки. Сорок лет... И двадцать из них – самостоятельной развитой демократической европейской страны Украины. Страны, которая желает быть принятой в Евросоюз. Страны, которая хотела бы вступить в НАТО. Чем бы мы могли сегодня удивить Лейпциг?

Больше минуты мы вместе молчали, глядя друг другу в глаза.

– Знаешь, Федорчук, ты настоящая сволочь!– вдруг рассмеялся Вень. – Это же надо так поставить вопрос, чтобы окончательно понять, что мы с тобой жили и трудились зря! Что все наши жизни псу под хвост!

Здесь я снова прервал Вениамина Антоновича, предложив выпить за его здоровье, чтобы всё у него было хорошо, чтоб мы имели возможность хоть разок ещё встретиться... И нашу «собачью жизнь»...

MADE IN LEVKOV

1962–1963

*Лучше с трудом заниматься
любовью, чем с любовью заниматься
трудом.*

М. Жванецкий

Когда я поднялся после приёма на работу на второй этаж конструкторского бюро, Письменного на месте не оказалось. Но ко мне подошёл симпатичный молодой человек с протезом вместо правой руки и представился как Анатолий Михайлович Мамыкин. А затем, как старожил, узнав, что я направлен сюда трудиться, провёл меня по всему громадному залу, уставленному кульманами, и познакомил с народом. Так возникли в моей жизни на длительное время конструкторы Алиса Котлярова, Леонтий Колесников, Володя Царенко, Жора Зайцев, Володя Захаров, его однофамилец Боря Захаров, с которым судьба сведёт меня очень близко, жаль, что не надолго. А у наружных окон, выходящих на улицу Карла Либкнехта, стояли наклонные столы для копировальных работ, за которыми сидели очаровательные девочки-копировщицы Галя, Тома и Люда. Галка Синьковская чуть ли не сразу вызвала у меня огромную симпатию, потому что всегда улыбалась, была певуньей и вечно рассказывала юморные истории. После выхода моей первой книги она пришла ко мне домой вместе с Лёней Колесниковым — как это было приятно и здорово! А сестра Лёни Колесникова Любка, как потом я узнал, училась в параллельном классе в 14-ой школе, и до сих пор зовёт меня Пташкой.

Как-то спонтанно и крайне быстро у нас со всеми сложились очень хорошие и доверительные отношения. Боря Захаров, который работал вместе с Жорой Зайцевым над серийными приборами, куда и меня подключил Письменный, очень активно обучал меня искусству изменения конструкторских документов. А Колесников работал в паре с Царенко, которому суждено было стать и моим другом до гробовой доски и руководителем этого отдела (позже назывался КБ-3).

Словом, я почувствовал себя в своей тарелке, так как внёс в этот «цветник» что-то свежее и неординарное. С радостью я подключался ко всем общественным мероприятиям, время от времени возникавшим в нашем КБ: то ли день рождения у кого-то, то ли футбольные соревнования, то ли выпуск стенной газеты, то ли коллективные поздравления с праздником. И вот однажды, ранней весной, был приглашён на новоселье к Боре Захарову, где неожиданно встретил беленькую девчонку, которая работала в лаборатории техником и не раз привлекала моё внимание — мне очень нравилось, как она двигалась, когда вместе со Светой Левченко, машинисткой из той же лаборатории, шла на обед — они обе казались вылепленными опытным скульптором — две красавицы, проглотившие по аршину, настолько стройны и милы они были. Я уже тогда знал, что зовут её Аэлита, чего было достаточно для того, чтобы взбудоражить страстного любителя фантастики, что фамилия её Осадчая и что она младшая сестра нашей Алисы Котляровой, жены одного из ведущих прибористов завода Виктора Котлярова. И знал, что учится она в вечернем институте, филиале КПИ в одной группе с Зеленогорским, а живёт она вместе с Котляровыми и с их мамой и дочкой Леночкой в угловом доме на

Щорса и Ленина, в котором и сейчас работает большой книжный магазин.

Наверняка, вы догадались, что на этом новоселье у Бори Захарова я, конечно, сразу же пригласил её на танец. И всё. С этого момента жизнь моя круто изменилась. Оказалось, что она почти на год старше меня, но это ничего не могло поменить. Мы как приклеились друг к другу и танцевали весь вечер, я называл её Элла, как звали другие, но уже в этот же вечер перешёл на имя Люля, как её называли только в семье. Борис Васильевич, хозяин новой квартиры, посмеивался и подмигивал мне: «Что, Лёня, влип?» Я с растерянной улыбкой, смущаясь, только кивал ему в ответ... Влип, приклеился... У неё было всё мне под стать, я понял, что встретил свою женщину, самую-самую... Покинув обмытую новую квартиру Бориса Захарова, мы чуть ли не до утра проторчали между четвёртым и пятым этажами в угловом подъезде дома Котляровых и целовались до умопомрачения. С нею тоже произошло нечто существенное, мне так казалось... Начали встречаться. Мы как бы офонарели друг от друга; я приходил домой в четыре утра для того, чтобы только умыться, чего-то перекусить и быстро бежать на свой завод, где я только издали видел свою любимую, тоже невыспавшуюся, но счастливую. События летели с феерической быстротой, уже в апреле мы оказались в общей постели, и я с радостью и отчаянием узнал, что она была девочкой, после чего я, воспитанный правильными людьми и хорошей литературой, немедленно предложил ей пожениться. Она, не задумываясь, согласилась, потому я сразу решил уведомить о нашем решении близких родственников.

Первой в их числе стала Елена Михайловна, моя будущая тёща, которую и Аэлита, и Алиса

называли кратко «мать» и таким же образом к ней и обращались. Отец Аэлиты, как оказалось, давно был с Еленой Михайловной в разводе, живёт в Киеве и женат на другой. У сестёр существует брат Сашка, как они его называли, и служит он в армии в Житомирской области.

Встреча и знакомство с Еленой Михайловной меня шокировали. В момент нашей встречи она чинила свежевystиранное бельё, и когда я сел на стул напротив неё, она принялась как раз за свои необъятные байковые подштанники. Я мысленно умолял её отложить эти подштанники на потом, потому что их вид очень не соответствовал теме нашего разговора. Но я ещё не знал свою будущую тёщу! Не той заправки была эта женщина! Таким образом, её благословение на наш брак с Люлей я вынужден был получить не от иконы, а от голубых подштанников — она от них не отрывалась во время всего нашего разговора...

Затем состоялся ещё более шокирующий разговор с моей мамой. В виду того, что она всегда была со мною ласкова, я надеялся, что она разрешит нам с Люлей жить вместе с нею и с моими братиком и сестричкой — ведь ради этих троих родных людей мне и пришлось бросить учёбу в Киевском политехе. Я надеялся, что мои родные примут Люлю в свою семью, и мы сможем совместно поддерживать её благосостояние. Но — увы... Ответ мамы был категоричен — она против нашего брака и никогда на него не согласится, я должен бросить Люлю, жить с ними и отдавать всю зарплату маме. Таким образом, я должен был сделать нелёгкий выбор между своей семьёй и семьёй моего отца. Любовь к Люле оказалась непреодолимой, и я по сути лишился приюта. А если заглянуть в будущее, которое ныне стало глубоким прошлым, то я лишился приюта на долгих шесть лет...

Отец, который жил в том же доме, разделённом после развода, в ответ на моё сообщение о намеченной женитьбе, сказал мне, что это хорошо, потому что есть повод выпить по этому случаю. И, конечно же, выпил. Затем сказал, что приютить нас с Люлей не сможет и резонно, чтоб это сделала мама, обладающая реальной свободной жилплощадью, а, мол, ему с его гражданской женою, здесь и так тесно.

Но я, как человек, не лишённый порядочности и благородства, сделав предложение о женитьбе даме, имея в кармане всего три рубля, 17 апреля потащил её в ЗАГС, где мы подали заявление, уплатив госпошину в размере тех самых трёх рублей. И нас уведомили, что торжественный обряд бракосочетания состоится 16 мая 1963 года.

Потом мне говорили неоднократно, что жениться в мае — это верх безрассудства: всю жизнь будешь маяться, такова народная примета. Но мы тогда в народные приметы не верили. Сейчас скажу — и напрасно не верили. Потому что даже шесть лет маеты по сути погубили нашу любовь, сильнее которой, как нам тогда казалось, ничего не было... Было!

16 мая после ЗАГСа мы почему-то пошли на завод, хотя было ясно, что работы с нас не будет. А 18 мая в двухкомнатной квартире Котляровых мы затеяли свадьбу. На почётных местах родителей сидела тёща Елена Михайловна, которая в апреле сама сочеталась законным браком с преподавателем сельхозинститута Коротуном Семёном Терентьевичем — благообразным седеньким маленьким специалистом по мелиорации, которого теперь до смерти она будет называть Сенечкой, был мой отец, были Котляровы, присутствовал Назарчук, который ещё не стал главным инженером, было много других ребят из КБ-3 и лаборатории. Моя любимая в белом платье, я в обычном тёмном костюме — никаких обнов по бедности, просто старались выглядеть торжественно. Были обычные крики «Горько!», и мы не тушевались, а просто целовались. Ничего наигранного, всё, как обычно, для многих — просто вечеринка.

А потом была первая брачная ночь, подробности которой я опушу, дабы не было обвинений в эротической направленности авторского повествования. Медовый месяц мы решили провести так, как никому не снилось: в селе Левков! — знай наших!

Дело в том, что моей маме в течение многих лет по выходным приносила молочные продукты и овощи тётка Дарья из Левкова с «парашютом» — так тогда называли плетёные вместительные коробки с ремнем, в которых почти все сельские разносчицы таскали в город про-

дукты. Она была одинока — мужа не было, сын служил в армии, сама работала в колхозе, дом целыми днями пустой. Вот и пригласила она нас принять сеновал на чердаке под крышей дома.

И вот мы в Левкове, рядом река Тетерев, за рекою — лес. Я рыбак, удочки настроил, но ловилась здесь только верховодка, мы жарили эту мелочь и были счастливы. А пили от пуза дарьино молоко и закусывали дарьиными зелёными огурцами, а это и есть та самая взрывчатая смесь, которую позже назовут гексагеном. Мы в сеновале хоть и бывали обнажёнными и творили в этом виде ужасные вещи, но страшно стеснялись действия гексагена: когда меня, например, припекало, я оставлял возлюбленную жену на одном берегу, а сам переплывал реку и пытался потеряться в лесу. Но она говорила, что в вечерней тишине всё равно слышала молочного-огуречное «тра-та-та-та», доносящееся из леса. И очень смеялась.

А я, чтобы преодолеть смущение, пел Люле свою любимую джазовую песенку:

«А ну-ка, Дженни, почеси мне
  позвоночник!» —
Лукавый Джонни Дженни говорит.
И лишь луна — упрямый полуночник
Над тихим городом стоит.

Отвечает Дженни Джонни хмуро:
«Я не стану портить маникюра,
Я не стану портить маникюра —
Пойди о стенку почешись!»

«Не пойду о стенку я чесаться,
Позвоночник может поломаться,
Позвоночник может поломаться —
Он очень нежный у меня!»

Собственно, пришла пора разъяснить смысл названия этой главы. Дочь наша, Оля, родилась 2 марта 1964 года; математические выкладки знакомы ныне и ребёнку: выходит, зача-

та она была на левковском сеновале. Мать её, конечно, неплохо потрудилась, но и я тоже дурака не валял. И вышло наше дитя настоящим чудом настоящей любви: красивая, умная, талантливая. Всё самое лучшее она взяла от мамы, всё худшее — от меня. Вот и отлично: зато есть кому оформить и проиллюстрировать эту книгу, есть мне с кем поспорить и посмеяться, есть с кем выпить и закурить. Это — не моя тень, это живое воплощение моего второго «я», нам долго не надо говорить, мы понимаем друг друга с полуслова. Сорок семь лет отделяют нас от того сеновала...

Пару недель мы провели на сеновале, и, рассчитавшись с Дарьей и поблагодарив её от души, решили, пока ещё оставались ошмётки от отпуска, съездить в Киев, дабы повидаться и познакомиться с отцом Люли, а потом поискать себе возможное жильё, потому что Котляровы тоже не могли дожидаться, когда мы их оставим в покое. Тёща уже сделала это — она перебралась к своему Сенечке в дом на Бердичевской возле магазина грампластинок. Крутая лестница вела со двора на второй этаж, где находилась единая, но зато просторная сенечкина комната — метров 30 по площади. И ещё кухонька там была, а «удобства» — во дворе. Заслуженному преподавателю Сельхоза обещали в скором времени дать новую квартиру.

Ладно, приехали мы в Киев. Первое посещение – тётя Таля (Наталья Осадчая), родная сестра отца Люли Александра Петровича, проживавшая на улице Красноармейской вдали от Крещатика, но ближе к Автовокзалу, в одной коммунальной квартире с благообразной старушкой Валентиной Карловной – они были уже как родные – вся жизнь прожита сообща.

Затем двинули к отцу. Он обитал на окраине Печерска в самостоятельно построенном доме с прекрасными видами на нижележащий

Киев. На приусадебном участке росли многочисленные розы — он их разводил для удовольствия. Герой Советского Союза, генерал-майор авиации, командовал некогда авиасоединением, сам летал и сбивал фашистские самолёты. Седой, небольшого роста, но — крепыш.

Познакомились, принял меня радушно, интересовался, расспрашивал о Житомире, о заводе. Собирался сам приехать в Житомир на собственном «Запорожце», чтобы провести сына Сашку. Оказался заправским рыбаком, на чём мы быстро сошлись, потому что рыбак рыбака видит издалека. Пригласил по возможности приезжать, запланировали мы совместный рейс по Днепру с охотой на лещей. Жены его пока дома не было, она (моложавая медсестра) была на работе, на смене. Спросил, как ко мне отнеслась тёща, его бывшая жена. Я вроде анекдота рассказал ему историю моего сватовства с наличием байковых подштанников, думал — насмешу деда. Он же воспринял эту историю серьёзно и стал меня убеждать, что она сумасшедшая, что он из-за того и развёлся, что она неадекватная и посоветовал вообще держаться от неё подальше. Я воспринял это как проявление взаимных обид развёвшихся людей, постарался забыть это. Но спустя ровно девять месяцев мне пришлось вспомнить эту его тираду... Приключение это описано в первой части «Собачьей жизни».

Расскажу немного более позднюю историю, как мы вместе рыбачили. У Александра Петровича на штатной стоянке в Киеве на Днепре была своя моторная лодка, и мы отправились рыбачить на Каневское водохранилище, где-то в районе Украинки. Там я понял, что значит быть рыбаком на Днепре и рыбачить с моторной лодки — везде необходимо знание тончайшей рыбацкой технологии. Я с удивлением смотрел на его действия и слушал его наставле-

ния: всё было мне в новинку. Насадка на крючок — варёный горох, который мы варили на примусе тут же на лодке по вечерам. Удочек нет, есть маленькие бамбуковые кончики длиной не более полуметра, втыкающиеся в приваренные к бортам лодки металлические трубочки. Лески тоже нет, в этих условиях неприменима. Вместо неё работает так называемая «сталька» — тонкая стальная закалённая проволока, обладающая большим сопротивлением растяжению, но элементарно лопающаяся при образовании петли-накладки, чем мне казалась утомительно неудобной. Почему используется «сталька»? В условиях сильного течения (а мы постоянно выбирали для якорения именно хорошее течение) практически нерастяжимая «сталька» — и только! — может показать чётко наличие клёва, который наблюдается по чувствительному бамбуковому кончику. Подсечка производится по первому указанию кончика, затем «сталька» особыми приёмами выбирается вручную так, что излишки её уходят по течению, пока не покажется добыча, которая также вываживается с большими тонкостями и осторожностью, пока не подсачивается. На конце «стальки» специальными узлами крепится поводок из обычной лески с крючком или даже несколькими крючками — это дело хозяйское, каждый использует более практичную для него технологию. А кроме крючков и скользящего грузила Александр Петрович ещё использовал коническую кормушку с отверстиями, набитую горохом — для приваживания рыбы. При хорошем клёве бывает так, что за три-четыре часа такой рыбалки каждым вылавливается буквально мешок крупных лещей. Получается так, что с одной лодки могут рыбачить не более двоих — по каждому борту один. И у каждого в воде мокнет огромный мешок как садок для пойманных лещей...

Остаётся только добавить — а какая природа, какие необычные пейзажи, какие закаты и рассветы на Днепре! — на Тетереве подобного не увидишь...

Ладно, примите этот рассказ как чисто рыбацкое лирическое отступление. И возвратимся назад — к любви и жизни.

А жизнь для нас действительно настала самая что ни есть собачья... Нам удалось снять комнатку на Смоковке. Чертовски далеко от центра, где находится завод, но это ещё полбеды. Беда пришла попозже, ближе к зиме, когда хозяева разглядели, что Люля беременна. А тут ещё Сашка приехал из Чудновского района, закончив срочную службу в армии. И стал жить с нами, потому что ни Котляровы, ни Елена Михайловна не захотели его принять. А Сашка оказался великолепным белокрысым парнем, похожим на своего отца. Мне он очень понравился, действительно мужик неплохой. Я советовал ему съездить к отцу, авось он его принял бы в Киеве. Но Сашка раздумывал некоторое время — молчун! Ничего нам не говорил. А потом сказал, что решил возвратиться в Чудновский район по месту службы. Его там оценили и предложили сверхсрочную. Но главная причина была в том, что осталась у него в селе зазноба Тамара. Вот так сложилось... Удивительно, но городской парень решил жить обычной сельской жизнью: Тамара нарожала ему детишек, затем умерла от рака, но он их вырастил и воспитал, там и сейчас живёт. Бывали мы с Люлей у него, неплохо: квартира в пятиэтажном доме городского типа, электричество, вода, туалет, отопление, нормальная зарплата...

А нас тем временем выгнали хозяева со Смоковки. Я уже в это время работал у Волошина и подбирался к осуществлению своей электромузыкальной мечты. Ну, просто некуда деваться... Люлю приняла мать, уговорив своего Короту-

на. А я — будете сейчас смеяться — перешёл к кабинетной жизни: у Волошина в кабинете было два стола — его и мой, на котором я макетировал первый наш электромузыкальный инструмент. Там было всё завалено платами, собранными схемами, паяльником и усилителем с динамиком. Так что спать мне приходилось на столе начальника: на половине своего пальто я лежал, а второй половиной — укрывался. Но зато рабочий день у меня был безразмерным: в 7 утра я поднимался, шёл в умывальник, продирали глаза и в 8 часов уже работал, а заканчивал работу в 23-24 часа, так что рабочий день у меня продолжался 14-15 часов (по полчаса я выкраивал на завтрак в буфете и обед в столовке). И это было очень секретно: никто не должен был знать, что я веду такой образ жизни. Вытурили бы, а уйти некуда, зима всё же...

В принципе, всё ничего: молодой, здоровый, голова полна идей, оптимизм, вера в будущее. Прорвёмся!

Конечно, это было не постоянно, потому что я разыскивал, где можно снять квартиру. Где только я не проживал в эти шесть лет! Это был дом в переулке, ведущем к речке Каменке в начале улицы Короленко, это была отдалённая хата в жилом массиве напротив Русского кладбища, это была комнатка умершей старушки на улице Дмитриевской. Часто ночевал у друзей, когда припекало, на станции Юных техников, где преподавал, подрабатывая денежку, словом, жизнь, подобная бомжеванию, как это определили бы сейчас. И в то же время я успевал успешно работать, потому что начальству были видны результаты, и мне пытались помочь. Так, в 1965 году я был представлен завкомму на получение квартиры по настоянию Арнольда Григорьевича Назарчука. Но во временном жилье, которое я снимал, меня не прописывали, а в паспорте у меня стояла печать с

пропиской у моей мамы. И вот инспектор горисполкома, проверявший легитимность предоставления жилья специалистам, явился к моей маме, осмотрел её жилище и нашёл его вполне подходящим для проживания ещё двух-трёх человек.

— Почему же вы не хотите, чтобы сын жил у вас?— спросил он, имея в виду не только меня, но и супругу с дочерью.

— А я вовсе не против, наоборот, я хочу, чтобы мой сын жил у меня!— ответила мама, имея в виду только меня, без жены и дочери.

Вот такой разговор как бы вскользь, без пояснения деталей, привёл к тому, что горисполком удалил меня из списка завода, при этом я ничего не знал до того момента, пока вместо меня квартиру не получил другой кандидат, и ничего исправить уже было нельзя. Всем была неприятна эта ситуация, все сожалели, но, как говорят, «поезд ушёл», и я был обречён бомжевать ещё четыре года.

Немного легче стало с деньгами: в конце 1964 года я получил 130 рублей и должность инженера-конструктора I категории, а в феврале 1965-го — 160 рублей и должность начальника лаборатории. Зарплата — это, конечно, неплохо, но главное было в том, что я мог теперь работать не в одиночку, у меня появился штат помощников. Работа моя — это было самое главное для меня, это была программа-максимум. Остальное меня волновало меньше, но и наложило определённый отпечаток на стиль моей жизни. Любимая разбудила во мне мужчину, но стала мне, большей частью, недоступна. Кочевой неустроенный образ жизни сводил меня со случайными друзьями и подругами. Я пил водку и обнимал то, что шло в руки — без особого разбора, лишь бы шевелилось и было тёплое. Это был очень плохой этап в моей жизни — односторонний в ярком творчестве и отврати-

тельный моим поведением в быту. В первом я очень многого достиг, а во втором — практически проиграл всё. Получив квартиру в 1969 году, я попытался во всех отношениях покончить с бомжевой жизнью: не пить, внимательно относиться к жене, уделять побольше внимания дочери, но умный человек поймёт, что есть вещи, которые, будучи однажды потерянными, уже никогда не возвращаются...

ЕГО ЭЛЕКТРОИЗМЕРИТЕЛЬСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

(1968–1979)

*Добро всегда побеждает зло,
значит, кто победил, тот и добрый.
М. Жванецкий*

Невмержицкий Николай Иванович, 1934 г.р., инженер-электрик (приборист), заслуженный машиностроитель РСФСР. После окончания Львовского Политехнического Института в 1957 г. был направлен на работу на завод «Электроизмеритель». На заводе фактически работал: с 15.08.1957 г. по 31.09.1958 г. — начальник сборочного участка, с 01.10.1958 г. по 19.04.1960 г. — начальник производства (числился зам. главного технолога с 01.10.1958 г. по 14.12.1959 г., а с 15.12.1959 г. по 19.04.1960 г. зам. главного конструктора), с 20.04.1960 г. по 31.03.1965 г. — главный конструктор, с 01.04.1965 г. по 31.12.1966 г. — главный инженер СКБ с и.о. главного конструктора, с 01.01.1967 г. по 02.06.1968 г. — главный конструктор, с 03.06.1968 г. по 17.06.1968 г. — и.о. главного инженера, с 18.06.1968 г. по 28.11.1968 г. — главный инженер, с 29.11.1968 г. по 11.04.1969 г. — и.о. директора, с 12.04.1969 г. по 14.08.1978 г. — директор, с 15.08.1978 г. по 09.08.1979 г. — генеральный директор ПО «Электроизмеритель». С 15.08.1979 г. переведен в г. Москву начальником ВПО «Союзточмашприбор» Минприбора СССР.

Прошу прощения у читателей за такую оканцеляренную справку о служебном пути «Его Электроизмерительского Величества». Если второй главный инженер завода Арнольд Григорьевич Назарчук круто развернул завод к много-

образию выпускаемой продукции, то второй директор завода Николай Иванович Невмержицкий привёл начатое Арнольдом Григорьевичем к расцвету. За десятилетие молодой завод окреп и заматерел, превратившись в Производственное объединение, постоянно по всем показателям уверенно занимающее в Министерстве первые места. И мне чрезвычайно было приятно, что созданное мною направление, которое в Министерстве называлось «товары народного потребления» (ТНП), давало нашему объединению значительное превосходство перед всеми заводами отрасли: ни одно предприятие по ТНП не могло выйти на заданные Минприбором уровни, а мы, как бы играючи, выходили на требуемый уровень 25 процентов. А это чрезвычайно важно, потому что именно эти 25 процентов создавали заработную плату, кормившую наше объединение.

В чём же был секрет успехов Николая Ивановича? Вечно безмятежный, улыбчивый, спокойный, взвешенный. «Экстремал», так я его называл. Казалось, его главный принцип: «Воровать — так миллион, любить — так королеву!». Он на старом, ещё не превращённом в автостраду, шоссе Киев–Житомир летал на своей директорской «Волге» с минимальной скоростью 140 километров в час. Водителя он держал всегда «в запасе» — он сам был уверенный рулевой — и на водительском сиденье, и за столом генерального директора.

Нет, ребята, всё не так. У него был другой принцип. Когда ему в руки пришли миллионы, он рачительно тратил их на благо страны, отрасли и завода. Когда королева готова была ему поклониться — он лишь вежливо целовал ей руку. Этот молодой красивый гигант обладал честной и нежной душой... А королева в те времена была только одна и её звали Алла Борисовна Пугачёва.

Мне не повезло: в силу занятости не довелось встретиться с королевой, но я зато регулярно обеспечивал Николая Ивановича компакт-кассетами с новейшими записями песен королевы. А он их слушал в своей чёрной «Волге», летая по заводским делам. Но реальные встречи с королевой происходили; в этой главе Николай Иванович сам подробно расскажет о них. Разумеется, что наш музыкант Альфред Грибер также неоднократно с нею встречался — об этом и он расскажет в этой же книге.

Когда в 1968 году завод покинул Арнольд Григорьевич, для меня это была очень чувствительная потеря. Но жить ещё было можно. Потому что был Николай Иванович, который принял меня на работу и всегда мягко и ласково поддерживал. Но когда в 1979 году и его забрали в Москву, я потерял сразу всё. И продержался на заводе ещё только пять лет. Просто, в силу инертности... Потому что я видел и чувствовал спад, хотя и не имел доступа к экономическим итогам деятельности объединения.

Но вот сегодня читаю:

«Как-то на совещании у Генерального Секретаря ЦК КПСС Горбачёва М.С., на котором и я присутствовал, 1-й секретарь Житомирского обкома КПСС Кавун В.М. просил меня вернуться в Житомир с обещанием предоставления хорошей трёхкомнатной квартиры, так как ПО «Электроизмеритель» стало работать плохо. Аналогичные высказывания имели место и при встречах с другими работниками города Житомира и ПО «Электроизмеритель».

Этот абзац я скопировал из подаренной мне Николаем Ивановичем его книжки.

Значит, и меня чувства тогда не обманывали!

...13 августа 2010 года, 10.30 утра. О, он всегда был педантично точен! Звонок в дверь. От-

крываю — передо мною такое родное лицо! Обнимаемся, поцеловались. Фроська лает на незнакомца, я ей объясняю: «Фросенька, это мой большой друг!» Лай почти сразу утихает. Фроська — умная собака!

Последний раз перед этим днём я его видел, когда работал в Иркутске, случайно встретив на Тверской в Москве. Это было в 1992 году — 18 лет назад...

Смотрю внимательно на дорогого мне человека. Ему 76 лет. Такое впечатление, что стал чуть ниже ростом, седина, нет уже той прекрасной чёрной шевелюры, глаза выглядят утомлённо. Приглашаю присесть за скромно уставленный угощениями столик. Приношу подарок для его дочери Ирины Николаевны — свою книгу с автографом. А Николай Иванович дарит мне свою книжку дневниковых записей «Штрихи к текущему восприятию социально-экономической обстановки СССР, РСФСР и РФ в 1980-2000 годах» с автографом «Многоуважаемому

Леониду Ивановичу — одному из квалифицированных представителей инженерного корпуса ПО «Электроизмеритель» в поддержку памяти о совместном творчестве в области приборостроения и электромузыки от автора. город Житомир, подпись, 13.08.2010 г.»

Поблагодарив, я отложил эту книгу на потом, чтобы продолжить встречу, но, должен сразу сказать, что позднее я был захвачен ею серьёзно — об этом ещё расскажу...

Первый мой вопрос: «Как там Арнольд Григорьевич поживает?». Дело в том, что 12 августа Николай Иванович побывал в Киеве, чтобы поздравить Назарчука с Днём рождения.

— Арнольд Григорьевич вообще не пьёт, здоровье не разрешает... Ну, посидели, вспоминали тебя, наши будни. Наши жёны тихонько поболтали. Как бы не до танцев по возрасту, — улыбаётся Николай Иванович.

— А вы, Николай Иванович, ещё немножко пьёте? Какой у вас предел возможного?

— Немного, Лёня... Ну, 200 грамм — максимум...

Я расхохотался:

— Так это же здорово для вашего возраста! Я уже ограничиваю себя только сотней граммов, ну, 120 бывает, — и показываю ему стопочки, стоящие на столе, — эти рюмашки на 30 граммов, и я максимум четыре могу себе позволить...

И наливаю по стопочке «Шабо».

— А что это за коньяк? — забеспокоился мой гость.

— Проверенный, Николай Иванович, это крымский качественный. С него нам ничего не будет, — уверил я.

И напомнил дорогому гостю, как в 1968 году по случаю назначения его директором завода мы вместе выезжали на коллегию Минприбора. Я загрузил всё купе своими эстрадинами, а Николай Иванович в это время прощался

с друзьями в ресторане вокзала — Георгием Николаевичем и Леонидом Феодосеевичем. И тогда-то он меня познакомил с Воробьём Леонидом Феодосеевичем, на мой взгляд, это был лучший хирург Житомира; спустя некоторое время он меня дважды оперировал, спасая от проблем в кишечной полости — и всё благодаря этому памятному знакомству. Жизнью своею я обязан Леониду Феодосеевичу...

Но тогда мы были молодыми и крепкими. Слегка подвыпив по прощанию, потом, сидя уже в поезде, мы на пару осушили ещё три бутылки «Горілки з перцем», которые я вёз своим друзьям в Москву. Они мне постоянно заказывали это житомирское чудо, всегда критикуя меня за то, что на этикетке написано «З», а в пляшке — всего 2 перца, и я им каждый раз со смехом объяснял, что украинское «З» — это не тройка, а эквивалент буквы «С».

И, несмотря на этот «перебор», приехав в Москву и перевезя эстрадины в Минприбор, установили их, где следовало, и к началу Коллегии в 14 часов Николай Иванович выглядел «как огурчик»! Всё состоялось в лучшем виде. И завод получил своего достойного директора!

Мы хотели и могли. Потому что были молоды. И потому, что понимали хорошо свои главные цели.

— А помните, Николай Иванович, совершенно фантастическую историю, как в Москве я опозорился перед вами? Не помню точно, с какими задачами была связана та наша поездка, но мы выехали из Житомира с Мишей Гейфманом, приехали в Москву и сразу взяли в гостинице номер на троих, потому что вы должны были прилететь из Ленинграда и найти нас в этой гостинице. Ну, а пока мы вас ожидали, Миша предложил мне выпить по чуть-чуть спирта, который он с собою прихватил. На столе нашем в номере уже стояла зелёная бутылка, и

я её помыл под краном и наполнил водой «для запивания». А Миша в это время достал из портфеля свою спиртягу в точно такого же цвета зелёной бутылке. Набулькал он в стаканы по 50 грамм спирта — а мы пили его, не разводя, просто запивали его потом водою. Ну вот, выпил он, запил водой, выпил я и подставил Мише свой стакан. Он взял со стола бутылку и налил мне полный стакан воды. После спирта в глотке пожар, я схватил стакан с водою и начал запивать. Но обычное облегчение не наступало, и я продолжал глотать воду. Выпив более двух третей объёма стакана, я так и не получил облегчения, вся глотка и рот пылали от спирта. Оказалось, что Гейфман перепутал бутылки и налил мне «воды» из бутылки со спиртом. Мы ситуацию быстро исправили — я побежал к крану и прямо оттуда нахлебался воды. Казалось, всё нормально, но получилось, что я выпил чуть ли не стакан чистого спирта! Ну, и меня к вашему приезду совсем развезло, и, когда вы вошли в номер, я бросился к вам обниматься и целоваться. Миша вам разъяснил, что произошло, мы все посмеялись, и вы мне сказали: «Ладно, Лёня, всяко бывает! Давай, ложись спи, а мы с Мишей сами всё сделаем! Вечером встретимся!».

Посмеялись мы и в этот раз. Спрашиваю, а где Гейфман сейчас, вы знаете? Потому что мои израильские друзья не ведают о его пребывании в Израиле. Николай Иванович сказал, что у него были какие-то обрывочные сведения, будто Михаил Григорьевич уехал в США.

О ком мы только не беседовали в этот день... О Волошине, о Лашуке, о Царенко, о Зеленогорском, о Ковальчуке. Особо остановились на Альфреде Грибере: я сказал, что мы с ним ещё раз пересеклись на совместной работе — вместе пишем сейчас книгу. А уж Николай Иванович десятки раз с ним сотрудничал — сколько было

случаев, когда Алик поддерживал его выступления и на заводе, и в театре, и в Минприборе — да где только не доводилось нам показывать наши музыкальные творения...

— Мало того, что Алик — классный, я бы даже сказал, гениальный музыкант. Я всегда удивлялся, как он играл без нот совершенно новейшие вещи — и точно, безошибочно... И Алла Борисовна всегда восхищалась, мол, где вы отыскиали такое чудо — это же вундеркинд!

— Вы не знаете, Николай Иванович, что была большая предварительная работа: он записывал новую музыку прямо с телевизора, потом самостоятельно делал аранжировки...

— Знаешь, что меня всегда поражало — это его дисциплина: несмотря на паузы, даже длительные в процессе моего общения с людьми, он всегда был на месте и наготове проиграть то, что его вновь попросят. И большое тебе спасибо за его воспитание!

— Это не совсем так, Николай Иванович, мне не приходилось его воспитывать, его воспитала мама; просто он вёл себя как положено на службе — умри, а сделай всё от тебя зависящее. Он человек большой чести и ответственности. Вы ещё многого не знаете, он очень талантливый, и уже после вашего перевода в Минприбор, он обучился совершенно самостоятельно схемному проектированию. И помогал нашим ведущим инженерам в создании «Эстрадина - 084» уже не советами и подсказками музыканта, как раньше, а готовыми схемными решениями.

— Ну что ж, буду рад почитать его воспоминания, раз вы совместно пишете книгу!

А я рад был показать Николаю Ивановичу сайт «Журнал Житомира», где мы с Аликом выкладываем свои воспоминания. И дать ему нужные ссылки.

Теперь мне хочется сделать несколько замечаний о подаренной мне книге Николая Ивановича

ча. Она небольшая по объёму — всего 92 страницы, насыщена цифровыми выкладками, графиками, таблицами, анализом работы предприятий, цитатами из книг знаменитых в те времена экономистов и социологов. Эта книга не располагает к лёгкому чтению: у неё своё лицо, хотя она и содержит некоторые сведения из жизни автора.

Так, первые пять лет в жизни Николая Ивановича (с 1979 по 1984 годы) прошли по тому же сценарию, что и предыдущие — он был успешен, и ему всё удавалось, хотя и получил в своё распоряжение одну из самых отсталых в Минприборе подотраслей ВПО «Союзточмаш-прибор», в которой из 22 предприятий план поставок выполнялся только пятью. Но уже итоги за 1980 год стали другими — план производства и поставок товарной продукции был выполнен всеми предприятиями, причём, с достаточно высокими показателями. Руководство Минприбора было довольно, и по его представлению Николаю Ивановичу в 1984 году за заслуги в области машиностроения и многолетний добросовестный труд Президиумом Верховного Совета РСФСР было присвоено звание «Заслуженный машиностроитель РСФСР».

Но с 1985 года, с появлением перестроечных тенденций, работать становилось всё труднее, появились сложности в управлении, дело шло к реструктурированию Министерств, а далее — к их ликвидации. Вскоре был ликвидирован СССР и его институты, началось разграбление общенародной собственности партноменклатурой, её сподвижниками и теневиками — без стыда, морали, совести и страха. Настала пора обогащения сотен и сотен зеленогорских, и автор, посчитав эти процессы преступными, не стал в них участвовать точно так же, как и его сподвижник по «Электроизмерителю» Д.В. Ковальчук, бывший тогда зам. начальника Главного экономического управления, как зам.

Министра Минприбора СССР Пушняк В.А. и начальник «Союззагранприбора» Минприбора СССР Пасенко Е.В.

И вот, несмотря на то, что наши с Николаем Ивановичем книги написаны в разном стиле, вдруг я ощутил, что в них идёт речь всё о той же «собачьей жизни», в которую погрузилось всё наше поколение творческих и честных людей, с той разницей, пожалуй, что Николай Иванович попал в самый эпицентр взрыва горбачёвско-ельцинской атомной бомбы, уничтожившей Советский Союз, его экономику и его моральные ценности.

В книге проходят перед глазами чередой ГКЧП, Программа «500 дней», сговор в Беловежской Пуше, отставка Горбачёва, расстрел Ельциным Верховного Совета, отпуск цен правительством Гайдара и дальнейшее разграбление страны и её народа березовскими, мавроди, лисовскими, хodorковскими, абрамовичами и другими зеленогорскими...

В 1994 году с наступлением пенсионного возраста автор задумывается, как дальше существовать на мизерную пенсию, составляющую 18,9 в пересчёте на доллары США... Его далее беспокоит наступившее падение правил морали и нравственности, когда даже глава Православной Церкви Алексей II не осуждает убийства, совершенные Ельциным при расстреле Парламента, более того, его помощники занимаются импортом сигарет и алкоголя в Россию, получив от Правительства налоговые льготы; автор стыдится руководителя страны, погрязшего в пьянстве, всё больше размышляет о Боге и религии, оставаясь атеистом...

Словом, книга Николая Ивановича, изданная в 2003 г., умная и человечная, оставила в моей душе неизгладимый след.

А вот и воспоминания Николая Ивановича о памятных встречах с Аллой Борисовной Пу-

гачёвой. Я привожу текст воспоминаний автора без правки и в кавычках.

«Нельзя не вспомнить встречи с Аллой Борисовной Пугачёвой. В 1977 г. почувствовал громадную усталость, и врач настойчиво рекомендовал мне отдохнуть в одном из санаториев Крыма. Напомню, работать-то приходилось ежедневно по 13 часов — устанешь!

Так я оказался в августе 1977 г. в одном из санаториев Ялты. После медицинской диагностики главный врач санатория (женщина) пригласила к себе и сказала: «Вам необходимо хорошенько отоспаться, а далее греться на солнышке и купаться в море в своё удовольствие». Провалившись несколько дней в хоромы санатория, я вскоре вышел на берег Чёрного моря. Красота! Только вошёл в воду, как слышу: «Николай Иванович! Привет! Плывите ко мне, здесь хорошее дно и теплая водичка». Сблизился со звавшим, который представился: «Анатолий Васильевич Город, директор Житомирской областной филармонии, разместился в гостинице и здесь отдыхаю».

Ну, слово за слово, и Анатолий Васильевич выдаёт информацию, которая мне небезразлична:

— В Ялту зашёл теплоход «Леонид Собинов», на котором отдыхает Пугачёва. Мы договорились с ней завтра в 9 часов встретиться там на теплоходе. Поехали вместе, будет мне спокойнее в присутствии хозяина города Житомира. Для прохода на корабль возьмите с собой какой-нибудь документ.

Я согласился, хотя сообразил, что от меня требуется материальное обеспечение встречи, но сообразил и то, что через знаменитую певицу чрезвычайно эффективно рекламировать производимые заводом электромузыкальные инструменты!

Утром, купив цветы, мы в 8 часов 45 минут были уже у капитана теплохода, который и про-

водил нас в каюту певицы. Разумеется, Анатолий Васильевич представил меня в самом лучшем свете и с упором на моё директорство. Алла Борисовна в лёгком платице, с копной волос на голове, вся в улыбке и такая красивая, встретила нас с распростёртыми объятиями. Тут же предложила продолжить разговор у корабельного бассейна — «там уютно и сегодня безлюдно, так как на теплоходе санитарный день». Мы с радостью согласились. Через минуту мы уже сидели в креслах-качалках у края бассейна. Город А.В. открыл портфель, накрыл содержимым стол и предложил тост за встречу. Вскоре мы уже были в воде и весело бултыхались в бассейне. Где-то через часика два, Анатолий Васильевич, сославшись на недомогание, отпросился и ушёл — мы с Аллой Борисовной остались одни в этой райской обстановке. Алле Борисовне 28, мне 43 — «ещё не вечер!»

Красоту дополнял стоявший рядом буфет с кофе, шампанским и яствами, чем мы с удовольствием и воспользовались. Ещё через некоторое время выпили на «брудершафт» и перешли на «ты». Алла Борисовна оказалась милой и талантливейшей собеседницей, и мы легко обменивались информацией по различным темам человеческого бытия. Особенно большой интерес проявила певица к электромузыкальным инструментам Житомирского завода «Электроизмеритель». Подустав немного от застолья, Алла Борисовна предложила посетить корабельную сауну: «Капитан теплохода настолько любезен, что вручил мне ключик от сауны. Вот он. Грех не воспользоваться!». Не помню, по какой причине я сдрейфил и в ответ пригласил ещё раз искупаться в бассейне. В бассейне я предложил ей приехать с концертом в Житомир и там отдохнуть, сочетая приятное с полезным. К моему удивлению Алла Борисовна тут же приняла предложение. На берегу, спох-

вавши, заметила: «Боже! Весь концертный реквизит уже в пути на Новосибирск!? Нужно срочно всё изменить! Я это сделаю сегодня же вечером! В сентябре из Москвы дам тебе телеграмму – встретишь в Киеве?». «С радостью», – ответил я. На том и расстались.

На следующий день я обо всём рассказал Анатолию Васильевичу, на что он сказал: «С этой целью я и приехал в Ялту, зная, что Алла здесь. Прекрасно, что она согласилась. Вы здорово мне помогли! Я уверен, что Вы сумеете утрясти вопрос с партийными органами, а завод возьмёт материальные расходы по приёму певицы на себя. Будем вместе решать все вопросы в Житомире. Организационные вопросы – за мной». В тот же день Анатолий Васильевич ещё раз встретился с Пугачёвой, подтвердил приглашение и принёс мне её фото с дарственной надписью и подписью Пугачёвой. Ещё сходили на квартиру Софии Ротару, но она была в отъезде. Любезно приняла нас только миловидная домработница.

По приезду в Житомир я зашёл ко второму секретарю обкома КПСС товарищу Онищенко А.П. и рассказал о случившемся. К моему удовлетворению Александр Павлович сказал: «Я уже всё знаю. Концерт Пугачёвой в Житомире – это честь для Житомира. Киев будет завидовать! Молодец, Николай Иванович!». При мне позвонил директору филармонии и директору театра, чтобы те были готовы к приёму ансамбля Пугачёвой, в том числе и чтоб они были готовы предоставить здание театра для подготовки и устройства концертов.

Спустя дней десять Анатолий Васильевич пришёл ко мне на завод с телеграммой Пугачёвой. Лично я не смог выехать в Киев и встретить Аллу Борисовну, так как в день её приезда был назначен Пленум обкома КПСС и я, как член обкома КПСС, не имел права отсутство-

вать. Сожалея об этом, я выделил в распоряжение Анатолия Васильевича автомобиль «Волга» с шофёром и автобус.

Так состоялись непредвиденные концерты вокально-инструментального ансамбля «Ритм» под управлением А. Авилова с певицей Пугачёвой А.Б. и её двумя девочками-подпевками в Житомире в сентябре 1977 года. К тому времени Алла Борисовна была известна всему миру своим исполнением песни «Арлекино». Конечно, я ежедневно встречался с Аллой – то в гостинице, то в театре. На второй день концертов приходят ко мне секретарь парткома Старцев Г.Г. и председатель профкома Невмержицкий Г.Н. и говорят: «Николай Иванович, рабочие не могут купить билеты на концерт Пугачёвой, так как уже все

билеты проданы на весь период гастролей. Просят отдельного концерта для работников завода. Помогите!». Я к Алле: «Народ просит!». «Ладно, на послезавтра годится?». Тут же связалась по телефону с директором филармонии Городом А.В. и поставила задачу решить вопрос положительно в пользу завода «Электроизмеритель». Вернувшись на завод, я проинформировал просителей и сказал: «Всем руководителям быть с жёнами. Учтите, что будут на концерте и руководители города. После каждого выступления Пугачёвой пара работников завода (мужчина и женщина) вручает букет хороших цветов! К концу концерта ты, Геннадий Георгиевич, вручаешь цветы и говоришь хорошие слова».

Зал был набит битком. Мы сидели в первом ряду вместе с женами и партийным руководством города. Алла начала концерт новыми произведениями: «Не отрекаются, любя» (М. Минков – В. Тушнова), «А ты придёшь совсем внезапно...», «Я люблю глядеть в глаза твои ясные...» и другие. Концерт вдохновенным выступлением задел всех! Ход концерта прекрасен: идёт вручение цветов, зрители активно аплодируют, выкрикивают «Браво!», «Бис!». «Арлекино! Арлекино!» – скандирует зал, и Алла поёт «Арлекино».

К концу концерта Геннадий Георгиевич говорит:

- Я не знаю, что сказать. Что делать?
- Где букет? – спросил я, – Я сам пойду!

После новой песни «Уж, если ты разлюбишь, так теперь, когда весь мир со мной в раздоре...» я выскочил на сцену, чтобы вручить цветы, а Алла ещё на расстоянии узнала меня и кричит:

- Коля, дорогой ты мой! Спасибо!

Зал взорвался аплодисментами! После объятий я с цветами на руках сказал речь о союзе физиков и лириков, об электромузыкальных

инструментах и песнях Аллы и вручил букет под повторный взрыв аплодисментов зала. Ещё долго пела Алла под бурные аплодисменты и скандирование зрителей: «Браво! Бис!». После концерта я, спустя некоторое время, зашёл в гримёрную комнату к Алле. Она сидела одна, и устало перебирала цветы. (Никому не разрешалось в эти минуты заходить).

– Хорошо, что зашёл. Устала. Поможешь навести порядок с цветами?

Здесь я напомнил о предстоящем лесном пикнике, и что машина уже стоит у служебного выхода.

– Взять с собой моих девочек?

– Конечно. Возьми кого хочешь. Всем места хватит, – ответил я.

– Нет, только девочек, в знак благодарности за их хорошую и трудную работу, если ты не возражаешь.

Таким образом, я, как и обещал, устроил прекрасный приём в столовой заводского пионерлагеря, находящегося в лесу в 5-ти километрах от Житомира.

Правда, к тому времени Анатолий Васильевич предупредил меня и просил взять под контроль приём спиртных напитков Аллой, так как якобы Алла Борисовна была слабовата к алкоголю. Поэтому при встречах я не предлагал Алле спиртные напитки, а всё оберегал её, отвлекая интересными беседами и трезвым времяпрепровождением. Поэтому в пионерлагере была устроена прекрасная выставка образцов электромузыкальных инструментов с участием талантливого музыканта ПО «Электроизмеритель» Алика Грибера. На приёмный пикник мной были приглашены только доверенные люди: председатель профкома ПО «Электроизмеритель» Георгий Николаевич Невмержицкий, директор Житомирской областной филармонии Анатолий Васильевич Город.

Я сидел во главе застолья и всем руководил. По правую руку от меня сидела Алла и только с моей руки могла причаститься к спиртным напиткам.

Со стороны Аллы присутствовали две девушки-подпевки. Я знал, что на сцене певица выкладывается и после концерта всегда уставшая, поэтому не просил Аллу спеть. Как руководитель застолья держал интерес к беседе, в которой Алла принимала живое участие. Очень уместно и здорово помогал мне в разговорах Георгий Николаевич. Музыкально-вокальная сторона обеспечивалась Георгием и Аликом. По просьбе Аллы Алик часто играл то на электронном баяне, то на электронном пианино. Девушки-подпевки сидели по сторонам Георгия, не вмешиваясь в наши разговоры. Вскоре я представил Георгия как лауреата Всеукраинского конкурса вокалистов эстрады и попросил его спеть украинские песни. Георгий вышел из-за стола и под аккомпанемент электронного баяна-оркестра запел (слова на украинском языке): «Знов зозулі голос чути в лісі, ластівка гніздечко звила в стрісі...». Я никогда не слышал такого великолепного звучания! Дело в том, что электронный баян — это не просто баян, а полноценный эстрадный оркестр со звуками контрабаса, барабана, скрипок, гитар и необходимых духовых инструментов. Сочный баритон Георгия, манера исполнения и красота внешнего вида произвели громадное впечатление на Аллу, да и на всех нас! Под аплодисменты Георгий спел ещё не одну песню. К нему вскоре присоединились и девушки-подпевки. Потом, по моей просьбе, Георгий исполнил свой коронный номер — сольный украинский танец «Гопак». Его энергия передалась и нам, и мы все пошли танцевать доступные нам парные танцы. Помню, в то время был в моде вальс Тухманова «Музыка вновь слышна...». Как толь-

ко Алик начинал играть этот вальс, Алла приглашала меня, и мы легко и весело танцевали. Девушки-подпевки по очереди приглашали Георгия на «белый танец». Так, практически всю ночь, мы провели эту встречу в праздничном застолье. Я пообещал Алле подарить, с доставкой в Москву, электронный автомат-ударник, который автоматически проигрывал заданные ритмы и был очень кстати в помощь, например, гитаристу или композитору прослушать ритм при создании какой-то мелодии.

Уже днем получил телеграмму от начальника Главка из Москвы о том, что в автокатастрофе погиб директор Львовского завода «Микроприбор» Царюк Николай Максимович и, что похороны состоятся завтра, и надо проводить в последний путь. Что делать? Мы с Николаем Максимовичем симпатизировали друг другу и на Советах директоров часто брали застолье в свои руки. Кроме того, было бы стыдно перед коллегами-директорами не приехать на похороны коллеги. Зашёл в гостиницу к Алле Борисовне с телеграммой, всё объяснил, извинился, позвонил Городу А.В., первому секретарю горкома КПСС и уехал во Львов. Так что, проводить знаменитую певицу не удалось...».

ПОЭЗИЯ МОИХ НОЧНЫХ ТРЕВОГ

*Много хороших людей на свете...
Но на том свете их больше...
М. Жванецкий*

«Приди ко мне, прозрений чистый слог — и то бы не сумел я и не смог пересказать вам, как она рождалась — ПОЭЗИЯ МОИХ НОЧНЫХ ТРЕВОГ — с кем враждовала, с кем она браталась, кого пускала к сердцу на порог, и где лежал зари её исток. Хочу, чтоб тайной боль её осталась.

Одну её хочу в себе иметь, как сентябрю берёзовую медь иметь в любые годы разрешалось, и чтоб с него она не осыпалась до той поры, пока уйдёт медведь искать берлогу, где бы крепко спалось.

Поэзия жила по вечерам, и по ночам она жила со мною, катясь в окне округлою луною, катясь по тучам, словно по полям — туман и дым табачный пополам — я, брат, курил в ту пору несусветно. И бедная луна сияла бледно. А по безлунию, чёрному безлунию, так не похожему ничуть на шкуру кунью, — когда я только этого хотел, транзистор доставлял ко мне Модуньо. Я слушал, а Модуньо пел.

А по утрам я не умел писать, как, например, товарищ А. Твардовский, который как-то строчкой огоньковской сказал, что утром любит сочинять. Мне на заре — милее всех кровать, хотя орёт будильник-тать, и надо сон идти смывать, усы и бороду сбривать, грузинский чай — Спасибо, мать! — глотать, стелить диван-кровать, и выбегать, и резво мчать от понедельника до кратенькой субботы, как на свидание, где ждёт меня Работа, с которой вместе буду я заводу, а коль заводу, значит, и народу полезно и по-

сильно помогать. Прибор могу спаять и рассчитывать. О, не пою себе я этим оду и чёрт-те как себя не возношу, хотя горжусь, что к трудовому роду — к основе смысла на земле принадлежу. Меж прочим, к дательному падежу... К падежу дательному, доброму и раздавательному...

Я мог писать бы утром в воскресенье. И днём бы мог писать я в воскресенье. Но в воскресенье утром — «С добрым утром!»; зимой с Олешкой — лыжная пробежка; весной, где снег — делают воскресник; а летом, в солнышко одетом, взяв помидоры и котлеты, идём туда, где ждёт река — в плавочках и лифчиках её берега. А осенью, а осенью, по просини, по просини, по просеке, по просеке, попросим, не попросим ли — полезно по наезженной дорожке промчаться на полесские картошки...

Я думал-рассуждал и порешил, что это даже в сущности неплохо, что я все песни вечером сложил, а не тогда, когда, звеня, эпоха ломала представлений рубежи, на звёзды глядя, как на этажи грядущих внеземных цивилизаций, или решалась революцией врываться в нейтронный тот дворец, где сел на трон известный скоро-течностью барон, сел и ножом выстрегивает имя, которое приставками своими на физиков наводит сладкий стон. Он: Анти-Минус-Сигма-Гиперон!

Я думал-рассуждал — и порешил, что славно я живу и славно жил, хотя порой неправильно делил всю жизнь свою на дело — и на замысел, на действия — и жажду перемен, на глину и на глиняные замеси, которые возьмёт рукой Роден...

Не надо разделять! Они — едины — два синих взгляда — их не отводил от этой женщины и той девчонки Нины, которую я в Самборе любил... и до сих пор люблю — за что? не ведаю, не ведаю, как не могу сказать, что назы-

вать поэзии победою, а что её бедою называть; и славно ль будет то, что я с приятелем сгорию на пулемётном ветре дней, как те, кто знамя на пробитом сердце прятали, чтоб кровь у них была ещё красней! Отдали кровь знамёнам те ребята. О каждом — память краснофлажьем нежь! Не испечёт им с маслицем оладышка мать... мама... матушка... не сядет рядом: ешь!

Слеза, как месяц, обронённый тучами. Слеза — вокруг ресничинки леса. Слеза, нависли вдалеке, восстав над кручами моих бровей, мои же волоса. И ту слезу пресветлую встречая, а ста дождям — ещё настанет срок! — реальная, как женщина земная — ПОЭЗИЯ МОИХ НОЧНЫХ ТРЕВОГ — не тшится сразу выложить, ответить на то, на что ответить я не смог...

И брезжит, соучаствуя в рассвете, ПОЭЗИЯ МОИХ НОЧНЫХ ТРЕВОГ.»

Это стихи Анатолия Андреевича Певко, моего товарища и сотрудника. В этих строчках — он весь, как был, пока был...

...Я его впервые увидел сквозь окно конструкторского отдела, где работал под началом Жоры Зайцева — на заре своего пребывания на

«Электроизмерителе». Был обеденный перерыв. А мы тогда все бредили футболом — молодые, задорные, пытались участвовать в заводском первенстве от команды ОГК. И вот он, ещё мало кому известный, только поступивший на работу, финтил с мячом на спортплощадке — плотный, хорошо и гармонично сложенный, красивый парень.

— А кто это? — спросил я у Володи Царенко.

— Толя Певко из лаборатории. Его к нам переманили из Ульяновска, хотя закончил он Львовский политех, радиотехник. Крепкий парень, но на мой взгляд — немного зануда... жена

— Нина, есть малый сыночек...

И то, что зануда — немедленно подтвердилось. Их поселили в доме напротив заводской проходной. А в то время — это было модно — в шесть утра заводские часы отбивали время и орала музыка — живём, ура! И тут же проснувшийся Певко поднимал телефонную трубку и звонил своему шефу — начальнику лаборатории Дмитрию Ковальчуку. Как правило, трубку поднимала Инна, жена Ковальчука, но Певко требовал именно Дмитрия Васильевича... Так продолжалось в течение месяца, пока Ковальчук не уговорил заводскую администрацию прекратить трансляцию сигналов точного времени с музыкальным сопровождением... Певко остался жив...

Прошли годы, прежде чем я сумел понять, что никакой он не зануда... Просто это был такой человеческий тип, глубоко внутри переживающий всё и не пускающий в эту глубину никого, даже очень родных и близких своих людей. Мы все могли грубо сказать человеку такое:

— Ты супер-козёл! Нет сил тебя терпеть! У тебя мозги расположены шиворот-навыворот!

Толя же наложил на себя епитимью, и внешняя, самая его грубая реакция на того же типа выглядела бы так:

— Вам надо подумать немного и несколько переоценить свои отношения с людьми. Хочу пожелать вам в этом успеха.

Он никогда не посвящал в производственные дрязги своих родных. Всё переживал в одиночку. Он не разрешал себе обсудить проблемы каких-то отношений с близким другом, потому и друзей у него не было. Он был со всеми приветлив и дружелюбен, но сердце его было закрыто от всех. Это вовсе не поэтический тип темперамента, требующий близких эмоциональных контактов, поэтому мне до сих пор странно, как мог быть талантливым поэтом такой закрытый человек?

Любая травма для него могла быть смертельной, потому что открытого человека спасает общение и внешняя поддержка. А человек, переживающий остро и всё внутри — неизбежно сокращает срок своей жизни, перемалывая все свои горести в одиночку...

Он писал постоянно и много. Когда познакомился с житомирским композитором Валентином Кушнирчуком, его потянуло в песенное творчество. Я слышал их песни и считал их выдающимися. Эти песни исполнялись знаменитыми в те времена трио Маренич и певицами Ириной Понаровской, Маргаритой Суворовой, Тамарой Миансаровой, вокально-инструментальными ансамблями «Мрияны», «Лира», «Акварели», «Меридиан», джаз-ансамблем «Утро земли» под управлением Игоря Бриля. Незабвенная Анна Герман, познакомившись с соавторами, собиралась включить в свой репертуар несколько их песен, но судьба не сложилась, она вскоре ушла из жизни. Правда, имеются сведения от исследователя творчества Анны Герман Ивана Ильичёва, что в марте 1980 года на гастролях Анна исполняла всё же песню соавторов «Старый артист».

Помнится, Толя был у неё в гостинице и узнал, что у Анны проблема со связками. Нина рассказывала, как он примчался домой и сказал, что Анне Герман нужен мёд, чтобы поправить горло. Нина быстро собрала необходимое, и Толя полетел к Анне. В благодарность от неё Толя принёс грампластинку, на которой Анна написала:

«Дорогой Нине с благодарностью от Анны Герман — за песенный талант её мужа и за мёд из ваших добрых рук!»

«Анне Герман действительно понравились наши песни,— пишет мне Валик Кушнирчук.— Как всегда, ноты и стихи мы отдавали перед отъездом исполнителя. И я помню тот день! Анатолий и я, скромно одетые, оба в кожаных кепках, стоим у гостиницы, ждем Анну Герман. Постепенно подходит начальство из управления культуры, райкома, обкома — в ондатровых шапках (осень, довольно холодно), и появляется А.Г. Мы в сторонке, ждём своей очереди, чтобы отдать наш материал. И тут Анна Герман говорит представителям нашей власти примерно следующее: «Вы знаете, какие прекрасные и талантливые люди живут у вас? Какие песни замечательные пишут?» «К О Н Е Ч Н О!»,— дружно ответили все и начали оглядываться, искать... кого же она имеет в виду? Как хорошо мы посмеялись потом!»

Более 200 песен было создано Толей и Валентином, Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия» тогда всю тиражировала их песни... Я считаю Толю Певко великим человеком, достойным житомирянином. За серию своих поэзий он был награждён Премией имени Микола Шпака. И я очень доволен, что он и с моим другом Альфредом Грибером написал песню «Всё тот же вальс».

«Разворотил ты мне душу!— пишет мне соавтор Толи, композитор Валентин Кушнирчук.—

На мой взгляд, ты абсолютно точно охарактеризовал Толю. Мы были загадкой для многих, кто нас знал. Не могу без улыбки вспоминать, что мы, работая столько лет вместе, обращались к друг другу на «вы»! И по имени-отчеству! А мы, как говорят сейчас, просто «прикалывались», а потом это стало привычкой. Мы знали, что пишем хорошие песни и были довольно наглыми. Как-то Толя от завода, а я от филармонии поехали в Москву — каждый по своим делам и, конечно, по нашим общим. А ранее, за полгода примерно, я отправил на фирму «Мелодия» записи наших песен. По приезду

мы договорились о встрече на студии. Пришли. Нас просят подождать. Идет худсовет. Что-то прослушивают там, за небрежно закрытой дверью, и мы тоже участвуем нечаянно в прослушивании. Потом выходит и торжественно уходит вся московская музыкально-поэтическая мафия (Я.Френкель, А.Пахмутова, И.Кобзон и другие.) К нам вышла музыкальный редактор и печально сообщила, что наша работа пока еще не на уровне фирмы и мы должны ещё трудиться и трудиться... Когда мы ушли, я говорю Анатолию: «Там звучала одна из наших песен, — и рассмеялся, — а слушали мы «минусовки», у меня хорошие уши!»

«Через какое-то время в той же Москве случайно в киоске я увидел гибкую пластинку М. Суворовой с нашей песней «Цвіте терен». Её минусовку я и узнал. Мы могли добиться гораздо большего в нашей работе, если бы баловались выпивкой и прочим с «нужными» людьми. Я думаю, что ты прекрасно знаешь, какую цензуру проходили стихи Анатолия. И не только его. И помню его горький смех и его комментарии о «знатоках» поэзии. А взятки мы так и не научились давать... Без этого в то время невозможно было пробиться. Нам прямо говорили об этом люди, от которых мы зависели. Жаль, что о многих записанных на граммпластинки песнях мы так и не узнали... Нас никто не ставил в известность. Песню «Весточка» в исполнении ВИА «Лира» мне случайно принесли знакомые, которых угораздило посмотреть на авторов, и повезло, что они меня знали. Только здесь в Израиле я узнал от музыкантов, которые знали нас и наши песни, что там, в Житомире, многие думали, что мы с Анатолием работаем на КГБ! Почему они так думали? Потому что мы много не пили! Это вызывало подозрение. Ещё бы!.. Тяжело даются воспоминания. Повторюсь: ты абсолютно точно охарак-

теризовал Анатолия! Читая твою «Собачью жизнь», я открыл для себя, что ты не только талантливый инженер-конструктор! Пока всё. Пиши! Удачи! Будем на связи. Привет Ольге!»

Я хотел бы уточнить, чтобы все поняли, речь о цензуре — не досужая придумка. Толя, как и я, и Веня Марчук работали на оборонном заводе; и появление в открытой прессе стихов и песен с указанием авторства влекло за собою вызов в Первый отдел предприятия и предупреждение, а то и наказание. Могли запросто уволить... А Толя был к тому же принципиально бескомпромиссен...

«Чудненко!» — говорил Толя своё любимое словечко, когда к нему приходил Валентин. А потом они уединялись на балконе, чтобы не мешать Олежке делать уроки и вдвоём сидели или стояли на балконе, говорили, пели, спорили о текстах и музыке, а потом снова пели, и порою это продолжалось так долго, что соседи имели веские основания считать их парой весёлых пьяниц — ну, согласитесь, дорогие читатели, разве принято в Житомире, чтобы трезвые люди орали песни с балкона?

В то же время Анатолий Певко оставался верным и преданным своему техническому делу специалистом. Возглавляя лабораторию комбинированных электроизмерительных приборов, он создал вместе со своими сослуживцами прекрасные приборы, и после отставки начальника СКТБ Лашука Е.Е. стал заместителем начальника СКТБ (главным конструктором завода).

Его песенное творчество вызывало зависть и раздражало кое-кого, хотя никак не отражалось на заводских делах. Глубокомысленный прохиндей Семён Павлович Зеленогорский, начальник СКТБ, однажды в присутствии своих прихлебателей, типа Вадима Диккера, изрёк формулу: «Да, Анатолий Андреевич — лучший

инженер среди поэтов и лучший поэт среди инженеров!», и, спустя малое время, язык Диккера донёс эту формулировку до всего завода. Эх, «злые языки страшнее пистолета!..» После этого я, как главный конструктор товаров народного потребления, тоже грешивший стихами, свои вещи никому и никогда не показывал...

Должен заметить, что мы с Толей, работая по соседству, длительное время оставались весьма приятными друг к другу товарищами, часто беседовали на отвлечённые темы, иногда выпивали по чуть-чуть, шутили, выпускали собобща вместе с Борисом Портным, Володей Царенко и Женей Лашуком стенную юмористическую газету «Стоп!», но свойства характера Толи, его закрытость не позволили нам стать друзьями. До конца его жизни мы изредка контактировали, и у меня остались самые добрые о нём воспоминания. Вечная ему память...

В постперестроечный период Толя уволился с завода, показав тем самым своё несогласие с политикой нового руководства. Мизерной пенсии не хватало даже на оплату жилья, и Толя стал искать какой-то приработок. Знакомство с одной часовой мастерской выручило его: маленькая мастерская не могла принимать в ремонт крупные по размерам часы, и Толя взялся за их ремонт. Он работал по расценкам этой мастерской дома, но — это же был Толя Певко! Деликатный и культурный человек — он делал посетителям скидки в размере 20 процентов из-за того, что он, по сути, непрофессиональный часовой мастер! Зарабатывал он очень немного...

О последнем дне жизни Толи рассказала мне Нина Певко. Они прогуливались вместе 27 июля 2007 года, шли домой. Толя возмущённо говорил о том, что ему неправильно начислили пенсию, исключив из общего стажа пять институтских лет. Нина, пытаясь успокоить, взяла его

нежно за руку... Её поразила одна вещь, что в такую жару, царящую на улице, рука Толи казалась ей совершенно холодной и влажной. Когда они пришли домой, Толя сказал, что устал, хочет отдохнуть и присел на диване. По телику в это время шёл фильм «Дни Турбиных». «Жаль этого вечно влюблённого Лариосика», — сказал Толя, Нина раздражённо обернулась к нему: «Стоит ли комментировать?» И вдруг Толя произнёс: «О, кадры полетели...», и Нина не смогла понять — что это? Ещё один комментарий к фильму? Вдруг почувствовав спиной неладное, повернулась резко и увидела, как сидевший Толя постепенно сползает набок... Это случилось между 15 и 16 часами дня...

Эту главу мне помогли создать добрейшая Толина вдова Нина Певко, его собрат по песенному творчеству Валик Кушнирчук, определивший, что мы с ним оба «чукчи», а потому должны дружить и помогать друг другу, и зам. главного инженера Вениамин Антонович Марчук, близко контактировавший с Толей в ранние времена его деятельности на заводе...

РЕЛАКСАЦИИ

Положительные эмоции — это эмоции, которые возникают, если на всё положить...

М. Жванецкий

Да-да. Сейчас я готов нести за это ответственность. А вот тогда, когда был начальником лаборатории, отдела — не был готов. Но придумал и упрямо делал это всё равно, чем бы мне это ни грозило. Придумал и осуществлял чисто интуитивно, и вот только сейчас начинаю анализировать. И после анализа прихожу в восхищение — как это здорово было придумано! Никто ведь на заводе этого не делал, кроме нас, электромузыкантов! А Волошин ещё нас покрывал. Когда у него спрашивали: «А где это ваши электромузыканты подевались?», он отвечал: «На «Укрглавснабе» уголь из вагонов выгружают» или «Копают канаву вокруг «Золотого петушка». И этот ответ был настолько естественным в то время, что все сразу верили. Нас тогда часто гоняли на разные грязные работы в городе...

Вообще-то конструкторский рабочий день не был нормирован, но позже 8.00 придёшь — запишут опоздание. Раньше 17.00 просто не выпустят через проходную. А позже — сиди на работе, сколько хочешь... И мы, все фанаты своего дела, сидели столько, сколько считали нужным. Знаете, вот если что-то не получается, и кажется, что решение где-то совсем недалеко, ну как можно бросить дело на полпути? Это с каждым случалось в своё время, и мы часто засиживались. И это — добровольно, никто не принуждал. Но иногда возникали такие ситуации не по нашему желанию, не по

нашим потребностям до чего-то доковыряться. Возникали авралы, причём авралы длительные, на износ, включающие в себя и дни, и ночи непрерывно в течение 3-4 суток, а иногда и неделями. Чаще всего, это были периоды выпуска установочных партий наших новых изделий. Или изготовление и испытание новых образцов и приёмка их межведомственной государственной комиссией. Как правило, такие работы фигурировали не только в нашем лабораторном плане, но и в заводском плане, срыв которого больно ударял по всем службам завода, не только по СКТБ. Провалить план завода — означало лишить тысячи людей квартальной премии, ожидаемой всеми как манну небесную. Провалить какие-то мелочи: недопоставить детали, некачественно сделать узлы, задержать покрытия, насвинячить с комплектацией, недоделать документацию имели право все. Ну и получали за это от начальства, но, в конце концов, бывали прощены. И лишь только мы, создатели данного изделия, не имели никаких прав не настроить новые инструменты, не провести их испытания и не сдать их в ОТК точно в срок, отсчитываемый по часам московского времени. Таким образом, наших пять-шесть или восемь человек несли на себе кошмарный груз ответственности перед всем огромным заводом. И эта ответственность, лежащая на нас, поверьте мне, старому конструктору, была самой тяжёлой ношей в мире. Бывали случаи, что и мы страдали от хреновой работы конструкторов приборостроительного направления, но сами за 23 года работы никого ни разу не подвели.

Конечно, за переработку можно было давать увольнительные на пару дней. Но, скажите, какой с этого толк, если человек вымотался на работе, а жена его на время увольнения поставит к стиральной машине или заставит выгля-

дить бельё, отстиранное самой? Он по окончании увольнения придёт на работу ещё более усталый, чем от наших бесконечных ночёвок в цеху. Я понимаю, домашняя работа — это тоже нужно, и жалеть наших жён — дело благородное. Но, думал я, наша жизнь короткая такая, и, если бельё останется нестиранным или невыглаженным ещё день-два, от этого ничего страшного не случится. А вот у человека накапливается усталость, которая потом косвенно разрядится в каком-то производственном дефекте... Потому я был всегда сторонником релаксаций — временной резкой смены образа существования и зарядкой нервной системы новыми неожиданными эмоциями, которые всегда встряхивают человека и выводят его на новый энергетический уровень. Понимаете, эти мои выводы не были научно обоснованными, но зато, будучи проверенными неоднократно на практике, всех нас объединяли как единомышленников. Мы понимали, что так надо, а иначе — ну, никак!

После «переусердствования» я выписывал на выбранный день увольнительные всем своим «утомлённым» подчинённым, а сам шёл к Волошину и подписывал у него увольнительную себе.

— Релаксируем?— улыбался Волошин.

— Надеюсь, это нам поможет!— отвечал я.

— Глядите там, не перепивайте!— по-отцовски предупреждал Виталий Иванович.

— Постараемся,— обещал я как всегда.

— Куда в этот раз путь держите?— любопытствовал шеф.

— Лыжи и игра в хоккей на Лесной речке. Недалеко, но сейчас там красиво. И полно горок. Доедем троллейбусом до «Ялынки», а потом в сторону заводского пионерлагеря в гущу леса. Погода хорошая, тихо, мороз всего шесть градусов. А обратно пойдём пешком через лес к Каменке и вдоль неё выйдем в город.

— Ну, ни пуха!— говорил Виталий, а потом с лёгкой завистью.— Эх, блин, когда же я с вами сумею вырваться? Ни у кого нет такой сколоченной, дружной и работоспособной команды, как у тебя!

«Команда» каждый раз бывала в ином составе. «Пахать» в цехе приходилось авторам конкретных изделий, и почти всегда это были электронщики, которым приходилось нести основную нагрузку при настройке новых изделий; конструкторы-механики к этим авралам подключались пореже. Так что, иногда были преимущественно люди из лаборатории Фукса, иногда — ребята из лаборатории Кулаженко — состав, как правило, не превышал семи-восьми человек. Все, конечно, на вылазку запасались домашними пирожками или салом с луком, а то и котлетами, приготовленными женой. Ну, а выпивка... Ну, это ж дело святое, как говаривал Борис Сасага. Брали, конечно, дружный обед на природе всем в радость, но это не было самоцелью. Иногда ещё дома готовили шашлыки, и уже в лесу жарили их на костре. Костёр — это классно в любом случае, не было шашлыков, тогда жарили сало с аппетитной шкуркой, причём, все одновременно были и едоками, и поварами — весёлое это занятие!

Зимний лес — какое это чудо, когда не очень холодно и безветрие! Все деревья в пышном снежном убранстве — и вот здесь начиналась «колотиловка» или «околачивание груш», называли по-разному, но смысл был один: садануть ногой по стволу дерева и всех осыпать снежной пылью. Какой эта кайф, ребята!— у меня всегда после этого обострялся бронхит с кашлем, но я не мог избежать удовольствия, и сам вдыхал снежную пыль, и других «ошарашивал». Помню, Славчик Вихарев при этом кричал на весь лес: «Что лучше? Женщина

сверху или женщина снизу? Нет, только снег сверху! Самое сексуальное — именно это!»

Бывало, кто-то на лыжах, кто-то и без — у нас же не гонки, а расслабуха!

У каждого свой репертуар: один песни орёт, другой анекдоты рассказывает, но всем очень хорошо — мы свободны! Мы делаем, что хотим! Мы отличные ребята, и у нас отличная компания! И у нас есть закуска и водка про запас, мы сейчас доберёмся до Лесной, найдём самое широкое заledenевшее место, выломаем себе из орешника «клюшки» и будем гонять по льду консервную банку из-под бычков в томате! Чувствуете? А что может быть лучше этого? Мы просто молодые, здоровые и красивые, мы любим друг друга и наслаждаемся этим единством! Мы заняты очень интересными делами, мы успешны, наша работа всем нравится, значит, мы счастливы! И начальник у нас классный, он такой же сумасшедший, как и мы все, не лучше и не хуже, и мы ему кричим: «Иванович, хорошее место, отличный плёс, давай здесь остановимся!»

— Давайте!— отвечаю я, и сразу трое — за сушнячком начинают шариться, а Миша Мандрыгин разводит костёр, и Эдик уже режет сало и нанизывает на прутики. А что? Шампуры забыли? Да на фиг нам шампуры! Это не дело. В лесу можно вырезать отличные ивовые прутики, на них сало гораздо вкуснее, чем на металле шампура! Змей уже вскрывает «Бычки в томате»! «Шайбу, шайбу!» — орёт нестройный хор. «Кто кричал «бабу, бабу»? Отставить, без баб обойдёмся!» — это Юра Бжестовский не может дожидаться, когда бутылки откроют. В паузах каждый бежит по кустам орешника, чтобы выбрать и выломать себе покрупнее «клюшку» — о, Змей всех перешеголял, его клюшка похожа скорее на дышло от телеги. «Он нам все ноги

переломает своей клюшкой!— негодует Лев Фукс.— Требуем запрета нестандартных клюшек!» Но Змей защищает своё право играть дышлом. Счёт ещё только 3:3, а у меня уже три хороших синяка: на спине и на каждой ноге. «Наливаю!» — даёт сигнал Эдик, и хоккеисты дружно садятся на «скамью запасных».

— За нашу дружбу,— говорит Фукс и поднимает пластмассовый стаканчик с водкой.

— За «Эстрадин-314»,— объявляет тост Миша.

— За наше НИО-17!— кричит Змей.

— За дело, которому мы все преданы!— говорю я, и мы дружно выпиваем.

Затем, закусивши салом и поправив шапки, обозначившие ворота, мы продолжаем хоккей до тех пор, пока травмы не начинают нас преследовать: кто локтем ударился, у кого колено посинело, кого Змей «потрогал» своим «дышлом»...

— Всё,— говорю я,— ничья, 7:7. Так и оставим, без выяснений. Предлагаю съезд с горочек на лыжах.

Выпиваем водку. Прикладываем компресс к коленке пострадавшего.

— Хоккей-то — хорошо,— говорит Миша.— А вот как со счётом будет в катанье с горочек?

— Элементарно, Ватсон!— отвечаю я.— До полной поломки лыж. Кто сломал — покидает трамплин.

Лыж в этот раз было немного. Три пары. Я поломался первый на крутой двугорбой горке. Потом сломался Эдик. Потом никак не мог сломаться Змей. Тогда он взял одну из своих лыж и сломал о колено. Вот и ничья — 3:3 — три участника, три сломанных лыжи. Остальные в это время допивали водку...

Трудно позабыть эти мгновения релаксаций... Это бывало в любое время года, мы всегда находили новые места для расслаблений. Мы по-

сещали в зимнее время те места, где осенью собирали хмель и жили на квартире у дедушки Станислава Захаровича. Мы играли не только в хоккей — был футбол, был волейбол или баскетбол. Мы катались не только на лыжах, но и на велосипедах. Мы сдавали «нормы по плаванию». Мы просто жили. И жили наполненной жизнью. И это было здорово!

Никогда не забуду, как ребята поздравили меня с днём сорокапятилетия. Они сообщая (а у нас было много поэтов!) выдали мне огромный лист ватмана, на котором были стихи, пусть не совершенные, но очень для меня дорогие:

ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК СЁМА

*Сколько у государства не воруй —
все равно своего не вернёшь!*

М. Жванецкий

Сёма был исключительно хорошим мальчиком. Он учился играть на пианино, не бегал и не дрался на переменках, участвовал в школьном хоре, собирал металлолом. Получал чаще всего пятёрки, и классный руководитель Розалия Моисеевна ставила его всем в пример. За это его недолюбливали некоторые несознательные ученики, звали «зубрилой» и пытались при случае «смазать по морде», которая у Сёмы была круглой с большими бесстрастными глазами. Но как только доходило до выборов председателя совета отряда, то те же драчуны сами предлагали Сёму: ну кто, скажите, другой, мог без запинки, чётко и внятно произносить слова, отдавать рапорт?

Товарищем он был, конечно, никудышним: не играл в «пристенки», не бил «маялку» в пылу школьного двора, не покурился тайком в туалете, обжигаясь коротенькими, обошедшими десяток худющих рук, «бычками». Но списывать он давал, и за это ему многое прощалось.

Он был послушным и делал всё так, как ему говорила мама, а также дядя Боря и тётя Еся. Способностей особых не имел; оказалось, что и слуха у него нет музыкального, так что занятия на пианино пришлось прекратить, а из школьного хора его постепенно устранил руководитель Абрам Рувимович, которому надоело слушать его фальшь. В остальном он был усидчив и настойчив, не по возрасту рассудителен, а что касается способностей, то дядя Боря имел

на это свои глаза. Страсти мальчишеские Сёму, казалось, не волновали: мяч не притягивал магнитом, двора он побаивался, по той же причине не тянуло его, как других мальчишек, в лес или на речку. В кино он ходил только с тётей Цилей или тётей Есей, по-взрослому взяв тётю под руку, а вид мороженого, которое уплетали в кино сверстники, оставлял его равнодушным. Маму его бесстрастность немного беспокоила, но дядя Боря — а это, поверьте, был очень умный человек! — говорил:

— Пхе, Роза, не делай волны! Ты что, не видишь, что имеешь перед собой сосредоточенного ребёнка? Сёма ещё возьмёт своё, и чтоб я так был здоров, если я неправ — чем позже он начнёт брать, тем больше у него этого будет. В нашей семье всегда любили долго спать, но об проспавшем обед не имели понятия!

Папа Боря не был из «их семьи», это был гнилой интеллигент-коммунист, у которого не хватало денег даже себе на очки, и потому он не смог рассмотреть, что его Роза косит на оба глаза и находится, как сказала тётя Еся, «в самом цвету», то есть, где-то между двадцатью восемью и тридцатью тремя годами. Папа, как многие коммунисты-евреи того времени, переименовал себя по-русски в Павла Георгиевича Зеленогорского, дав Сёме звучное отчество — Павлович. Но через год после тяжёлого Сёминаго рождения, стоившего маме Розе массу здоровья, папу репрессировали как вредителя и врага народа. Дядя Боря был в панике и потребовал сменить место жительства, проклиная «этого идеалиста, который даже не сумел распорядиться своей должностью», и на средства дедушки, которому в Кишинёве должна была деньги каждая собака, они все вместе уехали в Ташкент. Тут началась война, и дядя Боря, потирая руки, сказал:

— Кому надо ещё рассказывать, что у меня есть нюх? Если даже Гитлер, чтоб он сдох, дойдёт до Урала, так-таки Ташкента в его планах нет, можете мне поверить!

И ему все охотно верили. Дядя Боря работал на базе, а там дураков не бывает: они не умеют аккуратно работать с дефицитом, и их за это сажают. Умный дядя Боря часто ругал папу Беню последними словами, говорил, что сразу раскусил этого несостоявшегося министра-идеалиста, сделавшего сестру Розу несчастной вдовой, а ребёнка Сёму — сиротой.

Война отгромычала где-то там, вдали от ташкентского круглого солнца, аромата громадных дынь и вони арыков, и дядя Боря стал собираться на Украину. Осторожно, до самого сорока седьмого года, изучал он обстановку, списываясь с многочисленной роднёй в Киеве, Жмеринке, Кишинёве, Одессе, Бердичеве и Белой Церкви. Наконец было решено ехать в Житомир, куда, во-первых, призывали дедушкины деньги, и, во-вторых, представьте — туда съехались постепенно дядя Фима Зайцев, Абрам Белкин, а у них были свои отоларингологи, окулисты и невропатологи, завыв магазинами и базами, учителя и даже артисты.

Сёма пошёл в школу, а его мама хорошо устроилась в офицерской столовой буфетчицей, и дядя Боря стал работать по своей специальности на универсальной базе. Дружный родственный клан принял эту семью — это была уважаемая семья — помог устроиться, обзавестись необходимым.

— Не дай Бог, я умру,— говорил дядя Боря Сёме,— ты тогда станешь жить под дяди Фиминим руководством. Дядя Фима — образованный человек, ты вряд ли найдёшь культурнее. Помни, в чём наша сила — мы все держимся друг за друга, как клоп за обою. Ты пионер, и я тебя не зову в синагогу, но на родственников

ты должен молиться. Аид, который забыл за родственников — просто дурак.

«Дурак» у дяди Бори было самое сильное ругательство.

Жили они в большом флигеле, давно не ремонтированном, кишевшем клопами и прусаками. Как улей он был разбит на соты — отдельные и проходные комнатки, где пахло керосином и яичницей. Рядом жила тётя Еся с мужем и тётя Поля с Мишей Зайцевым, двоюродным братом дяди Фимы. Двор был просторный, заросший спорышом до самых сараюшек. Трава разве что не занимала только длинную тропку к белёному извёсткой туалету да небольшой пятачок под почерневшим от дождей столом и развесистым грецким орехом. Осенью орехи созревали, и вот в одно из воскресений шёл их делёж. Это было похоже на шумный праздник. Гоша, сын дяди Миши, Шурка Распутнис и другие ребята постарше забирались в крону орехового дерева и там изредка чернели. Вдруг начинала шуметь то одна, то другая ветка, и пространство вокруг стола и сам стол взрывались от грохота «лусканчиков». Недозревшие орехи сбивались палками; пацаны помоложе чистили их руками, оббивали от тёмно-зелёной в светлых крапинках кожуры осколками кирпича. Руки у всех становились бурыми и неделями не отмывались, не помогала даже тёти Есина пемза.

Потом все, затаив дыхание, смотрели, как дядя Боря и дядя Миша — два мудрых старых ворона в лучах заходящего солнца — делили орехи поровну, так что на каждого выпадало не меньше пятидесяти штук. Недозрелые делились отдельно как более низкие сорта.

Настоящим наказанием двора был туалет. Надо вам сказать, что он очень скрипел и грозил развалиться, особенно, когда туда заходила мощная тётя Поля, чем-то похожая на громадный грец-

кий орех посреди двора. В жаркую пору из-за него было нечем дышать, а зимой становилось ещё хуже: из отверстия известного назначения поднимался Везувий оледеневших испражнений, и пик его рос с каждым днём, грозя покалечить забывчивую тётю Есю, и тогда дядя Миша надевал чистую рубаху для того, чтобы идти в домоуправление. Появлялся гой в фуфайке и, договорившись предварительно за четвертушку, вздыхая и почёсывая затылок, от чего его ушанка сползала на глаза в доказательство сложности и ответственности работы, топором, крикая, сносил Везувий под корень. Но через неделю горный пик вновь вырастал до проблемы, и весь флигель жил надеждами на скорую оттепель.

Когда Сёме исполнилось четырнадцать лет, тётя Еся подарила ему калейдоскоп. Эта штука была предметом вожделений послевоенной детворы, неразбалованной магазинной игрушкой. Сёма, познакомившись со свойствами калейдоскопа, на следующий вечер против обыкновения долго пропадал во дворе. Мама Роза не могла нарадоваться, что ребёнок наконец дышит воздухом. С этого времени он находился во дворе часами, собрав вокруг себя кружок малышни, которых дядя Боря называл «беспризорниками».

Но вот до тёти Поли дошла тревожная весть, и она пошла к Сёминой маме. Доски веранды стонали от её походки.

Оказывается, Сёма берёт с «беспризорников» по 10 копеек за разрешение «позырить» в волшебную трубу. Мама Роза схватила за сердце:

— Ой, Боря, мне плохо! Ты слышишь, что вытворяет наш мальчик?

Дядя Боря долго смеялся, вытирая от слёз уголки глаз. Потом позвал Сёму и сказал ему:

— Сёма, послушай сюда очень внимательно. Я тебе не враг, я никогда не говорю лишнее. Ты взял со своих товарищей по десять копеек за посмотреть эту ерунду. Хорошо это или пло-

хо? Спроси меня, и я тебе отвечу, что это и хорошо, и плохо. Деньги — это большая сила, это всё — от красивой жизни и женщин до самой большой власти. Еврей без денег — это гой, у нас должны быть деньги, и тогда нам не нужно ни власти, ни красивой жизни, потому что мы скромный народ. Надо уметь доставать деньги, это большая наука, и я тебя собираюсь постепенно ей учить. Вот почему я говорю, что это «хорошо». Ты хочешь иметь денег, и это хорошо. А что я имел под «плохо»? Скажу тебе. Я имел, что плохо брать паршивые копейки и так заметно. На тебя будут тыкать пальцем и говорить: «Вот тот еврей, который берёт со своих братьев по десять копеек за раз посмотреть в вонючую дырявую трубу!» Ты меня понял?

Потом мама Роза принесла помидоры, чтобы есть, и дядя Боря взял один из них с тарелки.

— Как ты думаешь, что это такое?— спросил он Сёму.

— Помидор.

Дядя Боря с силой швырнул помидор на пол, и из него брызнули золотистые зёрнышки. Тут же был взят второй помидор:

— Сколько у меня помидоров в руке, ну-ка?

— Один,— добросовестно посчитал Сёма.

— Бери ешь!

Сёма съел. Опять:

— Сколько у меня помидоров, а, Сёма?

— Опять один.

— Теперь съем я,— дядя Боря запихал помидор в рот, и тонкая струйка мутного сока оформилась в каплю на его подбородке.

Дядя Боря наступил ботинком на лежавший на земле лопнувший овощ, тщательно размял его и растёр в громадное пятно, напоминавшее очертаниями Австралию.

— Посмотри, Сёма, на это мокрое место и не спеши с ответом. Сколько здесь помидоров?

— Один,— сказал Сёма.

— А я говорю — три.

Сёма задумался.

— Я растираю ногой помидор и говорю: «Здесь три». А мы с тобой два съели — никто не видел. Это, конечно, мелочь, но ты меня понял?

Сёма кивнул и потерял к калейдоскопу всякий интерес. Но ровно через месяц он опять расстроил маму. Что бы вы думали? Он принёс домой полузадушенную курицу, которую выкрал вместе с этим беспризорником Петькой Скориковым у домохозяйки напротив, мадам Колесниковой. Мадам Колесникова видела, что курицу нёс Сёма, а Петька только бежал рядом, и это было очень неприятно.

— Откуда вы решили, что это ваша курица?— спросил дядя Боря.

— У меня они помазаны зелёнкой, видите, вот здесь,— ответила мадам Колесникова, волнуясь.

Дяде Боре пришлось вместе с мамой Розой долго извиняться перед соседкой и даже немного проводить её домой с полудохлой курицей.

Мама Пети Скорикова не сдерживала чувств:

— Ах ты Петька, Петька, дык как же можно воровать! Это ж грех какой, ведь Христос этого никогда не простит! Да так и в тюрьму недолго загреметь, Боже, сколько же я ему говорила, что это противно природе человеческой...— и еще долго-долго переживала несчастная мама...

А дядя Боря пришёл домой и спокойно сказал:

— Сёма, ты совершенно пропадёшь, если будешь воровать своими руками. Почему ты тащил эту курицу, а не Петька? Я хочу, чтоб ты запомнил мои слова, как Гимн Советского Союза: если умный еврей будет пачкать свои руки такими делами, то тогда зачем ему голова? Конечно, кто не рискует, тот не пьёт шампанского, но что сказал товарищ Дзержинский про

твою курицу? А он сказал, что у еврея должна быть холодная голова, горячее сердце и очень чистые руки. Тогда у него будет всё, и ничего ему за это не будет,— а далее, почесав волосатую грудь в отвороте сорочки, он продолжал, обращаясь уже к маме Розе:

— Всё улажено, Роза, не надо делать кипиш. Посмотришь, из Сёмы выйдут большие люди, чтоб я так был здоров. Мальчик, конечно, делает ошибки, но ум у него есть, посмотри, как он учится...

Учился Сёма действительно хорошо. Этому очень способствовала мама, которая, благодаря офицерской столовой, могла слегка подкармливать Розалию Моисеевну, Аарона Исааковича, Якова Львовича и других полуголодных учителей, зарплаты которых едва хватало на то, чтобы, пуская слюнки, посмотреть на заваленные сырами и колбасами витрины центрального гастронома.

Шло время, Сёма рос, и вот ему дали паспорт. Внезапно, уже после того, как Сталина вынесли из мавзолея, пришла бумага из прокуратуры, и оказалось, что папа Бенья был реабилитирован. Было сказано, что он честный человек, крупный хозяйственник и видный партиец, и что дело по его обвинению прекращено за отсутствием состава. Дядя Боря схватился за голову:

— Ах, сволочи, какого человека угробили! Я всегда говорил, что это был кристальный человек, гордость страны. Что ж нам теперь, как в том анекдоте, написать на его памятнике: «Спи спокойно, дорогой Бенья, факты не подтвердились»?

Потом обратился к Сёме:

— Ты сын зверски замученного Берией большевика. Он думал так, что твой отец — враг народа, а теперь сам оказался таким же. Но это тебе должно пригодиться на всю жизнь.

Тут же через тётю Цию, работавшую в бесе, на маму Розу была выхлопотана небольшая пенсия. Получая первые деньги, мама говорила:

— Ах, Бенья, Бенья, как бы он радовался этим деньгам, если бы был жив!

И в Сёме тоже произошла вдруг перемена. Он стал говорить очень вдумчиво и связно хорошо поставленным голосом, в котором чувствовался даже тембр папы Бени, что сразу заметила мама Роза.

А дальше происходило вот что: Сёма окончил десять классов, но до медали ему не хватило нескольких пятёрок. Чуть не провалил его на экзамене по физике Александр Мефодьевич, не лучше поступила и эта толстая свинья Ольга Феодосеевна, которая не смогла научить способного мальчика английскому языку. Директор школы Аарон Исаакович беседовал с этими учителями, даже срывался на крик, а потом сосал валидол, но они были упрямы, как козлы. В знак протеста учителя-евреи завалили трёх нееврейских мальчиков-медалистов, но для Сёмы это уже был холостой выстрел.

«Всё или ничего», — решил Сёма и поехал с тётей Есей сдавать экзамены в МГУ. Разворотливая тётя Еся нашла человека, который деньги взял, но оказался аферистом: он брал со всех и не шевелил даже пальцем, потом возвращая деньги сполна тем, кто не находил себя в списках поступивших. На экзаменах от Сёмы потребовали не просто зубренных знаний, которые у него были, а творческого их осмысления и применения, чего у него не было... Когда они возвратились из Москвы, дядя Боря саркастически заметил, что кто хочет сделать очень большой шаг, рискует порвать штаны, а кроме того, корочки диплома МГУ и Житомирского пединститута внешне выглядят совершенно одинаково.

Но... подоспела повестка, и уже надо было спасать ребёнка от службы в армии. Дяде Боре пришлось много побегать по общине. Сёму госпитализировали, исследовали и нашли у него неудержимо развивающийся панкреатит, язву желудка и несколько психических инверсий. Сёме дали «белый билет», и он стал готовиться к поступлению в Киевский политехнический институт.

Хотите — верьте, хотите — нет, но и на этот раз ему поступить не удалось. Причиной явилась Катя Колесникова, дочь мадам Колесниковой напротив. Катя округлилась и похорошела, зубки её отливали перламутром, а в глазах не ощущалось дно. Однажды она засмеялась Сёме в лицо, и Сёму, бесстрастного Сёму, стало вдруг трясти. Он сажился теперь к пианино, на котором так и не научился играть, откидывался назад, как великий Рихтер, а потом падал на клавиатуру всеми частями рук и лица, выли и стонал, кусал губы и плакал. Мама Роза, вытерев руки передником, подходила к нему, гладила по затылку и говорила:

— Что с тобой случилось, бедный мальчик?

А Сёма вскакивал, бледнел, клал руки маме на плечи и, глядя вдаль, восклицал:

— Люблю её, чего же боле, что я могу ещё сказать?!

Мама Роза начинала утирать передником глаза и всхлипывать.

Дяде Боре эти картины вскоре надоели:

— Мишигене, ты режешь меня без ножа. Посмотри на свою мать: на ней нельзя найти сухого места! Ты умный мальчик, а устроил такой гармидер. Хочу, чтоб ты знал, что на свете много радостей, и самая сильная из них — власть, а любовь лежит только на шестом месте, но что тебе мои слова, если уши твои закрыты, а глаза слепы? Роза, что поделаешь, мальчик налил соком, он просится на травку. Сперма заливает ему мозги.

Позвали дядю Мишу, тётю Полю, тётю Есю, пришёл и полный достоинства в печальных глазах дядя Фима, который на заводе был начальником БРИЗа, а это хорошо говорило об его уме.

Совет решил, что хорошее питание и книжный образ мыслей ускорили созревание мальчика и для общего блага и спокойствия его следует женить, но не на этой же, извините, толстозадой хохлушке Колесниковой, а на девушке из порядочной семьи. Посыпались предложения: «Вот эта — такая умница, а эта — такая красавица!», на что дядя Фима, погладив себя по прекрасной седой шевелюре, грустно сказал:

— Когда мне говорят, что еврейская девушка — красавица, значит, она глупа, как пробка. Когда же я слышу, что девушка — умница, то сильно подозреваю, что у неё, как минимум, вставной глаз. Давайте сделаем предложение в простую семью Лернеров: их девочка и не красавица, и не умница, но она зато будет прекрасной домохозяйкой.

Дядя Фима оказался прав — Белла Лернер отличалась покорным нравом, не затмевала Сёминой красоты, умела сварить макароны — словом, Сёма вновь обретал холодную голову, а мама Роза получала облегчение в домашнем труде. Женили дружно, срочно, да так ловко, что Сёма сам поверил: он будет счастлив именно с Беллой. Голова прояснилась примерно через месяц, но пора вступительных экзаменов была упущена.

Поэтому никто не удивился, когда дядя Фима предложил:

— Что-то надо делать, Сёма, у тебя теперь семья. У нас на заводе ты мог бы неплохо зарабатывать, не сильно уставая. И потихоньку готовился бы к поступлению в институт. Хочешь, я переговорю?

Сёма кивнул головою, предварительно глянув на Беллу.

Его взяли в чистый цех, где все были в белых халатах, для начала — учеником слесаря-сборщика.

Не прошло и полгода, как весь цех единогласно проголосовал за то, чтобы Сёма стал секретарём комсомольской организации цеха. Потому что никто так не умел говорить: мягко, вдумчиво, деловито... В его глазах отражались все, а тень тёплой улыбки и правильный говор притягивали к нему симпатии. Руководство цеха поговаривало о том, что в цеху растёт новый лидер, которому широко открыты сердца рабочих.

На всех заводских собраниях Сёма выступал от имени молодёжи цеха. Старый боец, полковник в отставке, секретарь парткома завода Прилуцкий, как-то, не удержавшись, сказал директору Николаю Петровичу Трегубову:

— Ну и демагог, мля — супер-экстра класса! Замечаете, как он затмил всех штатных и нештатных наших говорунов? Эх, жаль, что еврей! У него могло бы быть блестящее партийное будущее.

— Ну и что, что еврей,— сказал Трегубов.— Принимай его в партию, он же из рабочих, так? У тебя он будет по ниточке ходить. Симпатичный парень. Посылай его на городскую комсомольскую конференцию. Пусть там засветится...

Сказано — сделано. Сёма был принят в партию, засветился на городской комсомольской конференции, где рассказывал о горячих сердцах молодых заводчан и их делах. Горком комсомола рекомендовал заводской комсомольской организации выдвинуть кандидатуру Сёмы на пост секретаря комсомольской организации завода. У Сёмы появился свой кабинет, и он освободился от работы в цехе. Немного ранее он сдал вступительные экзамены на вечернее отделение Житомирского филиала Киевского политехнического института, подружился со своими однокурсниками и

однокурсницами. Среди них было много работников завода, в том числе занимавших должности техников и инженеров на заводе. С учёбой у Сёмы не всё было ладно, но он старался изо всех сил. Девочки ему симпатизировали и с удовольствием то одна, то другая, делали за него контрольные работы и курсовые проекты. А он по-своему старался им помогать, подсказывая начальникам, кого нужно повысить в должности или в зарплате.

Дядя Фима обращался к нему теперь только на «вы» и по имени-отчеству, чтобы поддерживать авторитет молодого руководителя. Он часто заходил в кабинет комсомольского секретаря, да и тот, поймав момент, прибегал в техкабинет к начальнику БРИЗа. У них шла своеобразная работа: умнейший дядя Фима старался всячески способствовать деловому образованию своего протеже.

— Советская государственная система очень забавна,— говорил дядя Фима.— Существует Конституция, уголовное законодательство, куча разных кодексов, регламентирующих имущественные отношения, то есть свод законов, по которым мы живём. И их вам надо изучать, знать досконально. У нас очень строгое законодательство, но!— дядя Фима поднимал указательный палец вверх.— Это законодательство строгое только к нам, к людям рядовым или занимающим низкие должностные уровни. Всё остальное очень размыто, ибо существуют в огромном количестве различные подзаконные акты и так называемая «нормативная документация», разрешающая те или иные частные девиации в законах. И вот эти документы очень важны — они иногда позволяют то, что законами совершенно категорически запрещено. Повторюсь: это относится не ко всей массе народа, а только к отдельным группам, а то и к отдельным лицам. С этими документами вам по мере воз-

можности надо ознакомливаться, потому что, получив некую должностную власть, вы сможете строить свою жизнь не по законам, а по собственному разумению, правда, опираясь на людей, занимающих высокопоставленные должности.

— Например, вы знаете,— продолжал урок дядя Фима,— что считанные люди в Житомире имеют частные автомобили. И попробуй кто-нибудь из них приобрести второй автомобиль! Его немедленно спросят: «А где ты взял деньги?» Раскрутят, изучат все доходы, которых, по сути, нет, кроме мизерной зарплаты... Конфискуют всё и посадят. А вот Леонид Ильич слышит большим любителем автомобилей, коллекционером. И по моим сведениям, у него огромный гараж, где содержится более 50 автомобилей различных иностранных марок. А зарплата его, конечно, повыше нашей с вами, но не так уж и велика, чтобы приобрести полста автомарок. Но я вас уверяю: всё у него сделано так, что комар носа не подточит, иначе он бы давно слетел с генсеков. Я не могу сказать как точно, но уверяю вас, что существуют совершенно легальные документы, благодаря которым Леонид Ильич в этом плане абсолютно неуязвим. Что-то ему, вероятно, подарили главы других стран, что-то он оформил иначе. А доступа к этим документам, конечно, никто не имеет, и даже не станет пробовать иметь... Вот что означает власть.

— Как добыть себе такую власть? Или хотя бы слабое её подобие? Вот над этим надо думать,— дядя Фима пытался разбудить в Сёме характер.— Первое — непрестанно взбираться вверх, опираясь на верных себе людей, устраняя на своём пути всех мешающих вашему продвижению. Почти все люди слабы и обладают заметными всем негативами, которые следует умно использовать. Второе — приобрести авто-

ритет, обеспеченный званиями, например, заслуженный изобретатель, кандидат наук, доктор наук, обладатель почётных наград. Это всё, кстати, можно купить... Да-да, Семён Павлович, всё продаётся и всё покупается в этом мире. За какие деньги? Надо сделать умело так, чтобы деньги лежали под ногами. Вы это сможете, если будете слушать меня. Вы спросите, а почему я сам так не сделал?— и дядя Фима погладил свою седую шевелюру.— Ну, я стар, и у меня только техникум за спиной... Обстоятельства, война... Но я очень много думал над этим. А теперь я лишь и могу сделать доброе тем, что передам секреты успеха вам. И буду руководить вашими действиями на первых порах, подсказывать выходы...

Намного позже состоялась более предметная беседа с дядей Фимой. Семён Павлович был уже в ранге зам. главного конструктора.

— Мне сделал предложение один учёный из Москвы, он предлагает «остепениться»,— и Семён Павлович улыбнулся.

— Ну-ну, слушаю. И что это будет стоить?

— Ой, с ума сойти. Я даже не представляю себе, как вырулить. Он денег не хочет, ему нужны наши серийные приборы. Сто комплектов. Это примерно стоимость новой «Волги».

— Ага. Игра стоит свеч. Дайте подумать, Семён Павлович... Вы знаете, когда-то очень давно я подавал рацпредложение — перевести нашу серию приборов Ц55, Ц56, Ц57 в новую упаковку. Ведь металлический футляр с герметической резинкой, в который упаковываются эти приборы — это требование военных. Но половина этих приборов идёт в торговую сеть, где вполне подошла бы упаковка из пенопласта — дёшево и сердито. Но это предложение было отвергнуто конструкторами, они не хотели делать дополнительную документацию и морочиться с техническими условиями, проводить

испытания... А сейчас резонно к этому возвратиться, я думаю, потому что в этом — тройная польза! Вы решаете свою проблему, я получаю вознаграждение за забытое рацпредложение, и ещё... вы сможете получить себе если не «Волгу», то весьма приличные деньги. Улавливаете ход моей мысли?

— Ну, не совсем... Как смена упаковки, а вернее, введение дополнительной, «гражданской» упаковки может повлиять на мою проблему?

— Вы, Семён Павлович как должностное лицо сможете попасть к начальнику «Союзэлектроприбора»?

— Никаких проблем, конечно смогу.

— Тогда я предлагаю такую схему действий. Вы принимаете моё рацпредложение по переводу части приборов в упаковку из пенопласта, готовите техническую документацию, даёте заказ на изготовление прессформ для формовки пенопластовой упаковки — это несложно и займёт не так много времени. Затем вы подготавливаете документы на проведение сравнительных массовых испытаний приборов в разных типах упаковки путём реальной транспортировки их в грузовом транспорте в штатном контейнере на расстояние... сколько до Москвы километров? Ага, вспоминаю, свыше 1000... на расстояние 2500 километров, утверждаете программу испытаний у главного инженера объединения и обязательно! у начальника «Союзэлектроприбора». Поскольку такое испытание съедает рабочий ресурс приборов, особенно, для поставки военным, в результате испытаний проводится исследование работоспособности приборов, активирование и их утилизация. Всё утверждено в верхах, следовательно, полностью законно.

— Понятно, очень хорошо продумано,— с улыбкой сказал Семён Павлович.

— А далее, с прибытием в Москву...— продолжал дядя Фима...

— ...я передаю сотню приборов своему учёному,— подхватил Семён Павлович,— затем привожу остатки в Житомир, активирую утилизацию, но!.. Передаю приборы начальнику цеха по договорённости, тот организует их проверку и сдаёт на склад, будто они вновь выпущенные! Это перевыполнение плана, дополнительная зарплата, денежки делим пополам...

— Всё очень точно и правильно!— сказал дядя Фима.— Если Вы, разумеется, не забудете выпустить и утвердить документ на оплату мне рационализаторского предложения...

— И не только! Мы сумеем посчитать экономический эффект так хорошо, что вы получите громадную сумму плюс премиальные!— и довольный Семён Павлович покинул своего наставника.

В этом же году С.П. Зеленогорский стал кандидатом технических наук. А ещё через три года ему была присвоена степень доктора технических наук. В то время он уже руководил СКТБ вместо проштрафившегося Лащука.

Миновали жестокости сталинского режима, и хотя тоталитарный строй сохранялся, но брежневское время застоя характерно началом разложения науки — самой деликатной отрасли страны, государственный надзор за которой был слишком ослаблен.

В научно-исследовательских институтах появились первые «предприниматели от науки». Создавались миникорпорации из полутора-двух десятков научных деятелей, которые объединялись в Советы по связи с промышленностью. Цель была простая: произвести обмен заранее подготовленных ими наукообразных «диссертаций» на существенные материальные ценности из промышленности. «Кандидат» из промышленности «лепился» этими научными деятелями, снабжался заранее подготовленными «диссертациями», написанной заранее ими же

«защитной речью», заранее подготовленными «вопросами» и «ответами», которые зачитывались во время защиты, затем «кандидата» поздравляли официально, а его задача заканчивалась приглашением всех членов Научного Совета в заранее выбранный ресторан с заранее определённым меню для шикарного банкета по случаю удачной защиты. Порою новоиспеченный кандидат наук не мог с точностью вспомнить и правильно выговорить наименование собственной диссертации...

В учебных институтах разложение началось с создания на кафедрах инициативных преподавательских групп, представляемых каким-либо лаборантом, который вступал в контакты со студентами (заочниками и вечерниками). Здесь всё и начиналось с «банкета»: зачёт или оценка «удовлетворительно» стоили бутылку, оценка «хорошо» в зачётке стоила две поллитровки с закуской, оценка «отлично» — три поллитры с хорошей закуской. А вы теперь думаете, откуда у вас такие врачи, которые не способны поставить диагноз, откуда такие специалисты, что ни рожна не соображают...?

Процесс разложения коснулся и прикладных институтов, согласовывавших технические документы для промышленности. Там тоже создавались группы, которые делали возможным подписание любых технических условий или стандартов в обмен на скромный банкет в ресторане. Скромный — потому что рядовые технические работники, занимавшиеся этими согласованиями, не имели и не могли иметь шикарных ворованных средств, как будущие кандидаты и доктора наук...

А в промышленности появились сотни и сотни зеленогорских, успешно защищавшихся за счёт своих родных предприятий, а по сути, обворовывавших их. И разложение промышленности — это дело их находчивых «ручонок».

Мы тогда хорошо видели эти новые явления, но не могли даже предполагать, что именно они приведут к краху всю советскую экономическую систему, а вслед за ней мы получили и полную политическую картину развала Советского Союза.

Те, кто этому рад, — благодарите зеленогорских...

Кстати, хочу заметить, что ныне эти процессы не прекратились. Разложение идёт дальше и глубже: всё по-прежнему продаётся и покупается. И эти процессы тем заметнее, чем ближе страна по политической структуре к демократической. Сравните, к примеру, Украину, Белоруссию, Россию и Казахстан. Чем жёстче политическая система, тем меньше разложение... Это происходит потому, что народ страны, переходящей к демократии, должен быть достаточно старым и мудрым, с возрастом не менее двух—трёх тысячелетий. А мы, по сути, подростки в историческом плане развития — всего с историей в тысячу лет... Нам ещё расти и расти... Нам демократия смертельно опасна: мы ещё долго не научимся выбирать себе невооружённых правителей... У нас мозги ещё совсем юные, подростковые...

ПОД ПРЕССОМ

*Каждый человек по-своему прав.
А по-моему нет.*

М. Жванецкий

Виталий Иванович Волошин смотрел на меня с непониманием, жалостью, а возможно, и с негодованием:

— Зачем ты согласился? Неужели не понимаешь, чего Сёма добивается?

— Виталий, по-честному, я уже устал сопротивляться. А потом подумал хорошенько и пришёл к выводу, что ничего страшного не случится.

— Как это не случится? Ведь его главная цель — удавить наши направления! По сути, на заводе их четыре: 1. Приборы, 2. Спецтехника —05 и 05Н, 3. Вычислительные машины, 4. Электромузыка. Он хочет сохранить только приборостроительное направление. Против спецтехники — его кишка тонка, военные ведомства не позволят этого сделать. Значит, давить надо только мои отрасли — ЭВМ и ЭМИ; Рафаила и тебя. Две лаборатории стоят ему поперёк горла.

Отвлекусь от разговора: Рафаил Хусид, немногословный и вдумчивый спец, начальник лаборатории электронных вычислительных машин, в обычной жизни — спортсмен, альпинист. Ныне живёт в Израиле.

— Я предполагаю, как Сёма будет действовать. Он пустит в ход все свои возможности, легальные и нелегальные, — продолжал Виталий.

— Виталия, я думаю, что Николай Иванович ему не даст этого сделать. Вспомни, когда завод жил только за счёт приборов, то какие экономические сложности были? Из-за чего Арнольд со всего света стягивал новую продук-

цию? Неужели ты думаешь, что Невмержицкий этого не чувствует?

— Ну, ты не всё знаешь, к сожалению... Ковальчука уже забрали в Москву. И Невмержицкого скоро заберут, такие слухи ходят. А кто придёт взамен «генерала» — неизвестно. Предполагаю, что Сабанеев. А это полностью прострельный вариант. Кроме того, и Сёма не прост. Он способен стянуть на завод новую продукцию, чтоб заткнуть брешь, образующиеся от наших направлений... Только бы нас уничтожить.

— Во-первых, ты же знаешь, у меня характер электровеника. Я совершенно не пью сейчас, хорошо отдыхаю, и у меня работоспособность выше всяких похвал. А окромя личного фактора, т.е., во-вторых, то команда у меня исключительная, ты об этом отлично осведомлен. Когда я писал книгу об электромузыке, то мне пришлось более чем на полгода отвлечься от текущих дел. Но ничего не случилось, мои ребята работали ещё лучше, ещё дружнее...

— Ну, не знаю,— Виталий встал и начал ходить по кабинету.— Сейчас он решил попробовать обезглавить твою лабораторию надолго, председателем месткома тебя могут избирать повторно, то есть, это отвлечение на годы. Он такой, наш Сёма... Будет наблюдать, насколько захиреет твоя электромузыка. Если не захиреет, то он найдёт другие способы. Если на выпивке не поймает, то поищет какие-то иные гадости... Я так предполагаю, что и за меня он вскоре тоже возьмётся. Я уже с Георгием Евгеньевичем говорил, он обещает меня поддержать...

Ещё раз отвлекусь, чтобы читатель был в курсе: академик Георгий Евгеньевич Пухов, глава Института кибернетики АН УССР — добрый ангел нашего завода по направлению вычислительной техники. У него Волошин защищал кандидатскую диссертацию об опыте внедрения раз-

работок Института Кибернетики на ПО «Электроизмеритель». И это была единственная трудовая диссертация, защищённая на заводе...

Скажу откровенно: хотя я и видел все старания Зеленогорского, но мне было очень интересно влезть в шкуру председателя местного комитета, я хотел проверить, возможно ли в нашей системе сделать максимум для своего коллектива? Предыдущий профсоюзный лидер был апатичен, для того, чтобы решить какую-то проблему по этой линии, его надо было долго разыскивать, обхаживать и выпрашивать, а он ловко уходил от решения — ссылок у него и причин было сверх меры.

Свой день я распланировал так: с утра я по очереди обходил подразделения, беседовал с людьми об их потребностях и вырисовывал для себя, чем необходимо срочно заняться. В 10.00 я уже был у председателя завкома, тогда это был молодой Юрий Рыбицкий: он на удивление хорошо ко мне относился и пытался всеми силами помочь. Иногда к 10 часам у него собирались совещания с председателями цехкомов, на которых мне тоже было очень полезно побывать. Уходил я от Рыбицкого с готовыми решениями, о них по-быстрому информировал заинтересованных моих коллег — кому выбил путёвку, кому — материальную помощь, кому решил иные острые проблемы. В 11.00 или к 12.00 я уже был готов к употреблению как электромузыкальный лидер, в качестве которого и пребывал до 20.00, если только у меня не было запланированного заседания местного комитета.

Но ничего нельзя было сделать с рабочими совещаниями — то у зам. главного инженера, то у главного инженера, то у директора, то у зам. «генерала» по экономике. И в цехах надо было побывать, чтоб решить самые «горячие» вопросы.

Вот и в тот раз вызвал меня главный инженер Сабанеев по поводу предложенного мною

плана новых разработок. Павел Степанович был очень недоволен: я пытался уйти от его необоснованного желания немедленно перевести все новейшие разработки на микросхемы.

— Понимаете, Пал Степаныч,— пытался разъяснить я,— нам, по сути, не на что переходить. Специализированные микросхемы, которые по нашим предложениям готовит Вильнюс и Брянск, ещё в стадии эскизного проектирования, то-есть, они появятся только года через три. Существующие микросхемы общего назначения, мало-мальски для нас пригодные, запрещены для применения в товарах народного потребления, идут исключительно на оборонку. Остаётся только ширпотреб логических микросхем, которые невероятно дороги для нас. Более того, они по размерам и степени интеграции очень примитивны и не способны дать нужный эффект...

— Но они же будут неизбежно дешеветь!— возражает Сабанеев.

— Такая перспектива не просматривается. А ныне вместо одной такой микросхемы мы ставим транзистор — и проблема решена. Но это же копеечная цена, а не рублёвая! Мы подсчитали, что разрабатываемый «Эстрадин 11» — автомат ритма — уже собранный и скалькулированный — на транзисторах будет иметь розничную цену 160 рублей, а аналог его с применением микросхем — более 900 рублей! Его никто не будет покупать!

— Но за время разработки цены на микросхемы обязательно упадут!

— А если нет?

— Упадут, упадут...

Вдруг в кабинет Сабанеева без стука заходит Зеленогорский. Здоровается, улыбается, как всегда.

— Вот, сопротивляется Леонид Иванович!— жалуется ему Сабанеев.

— Ну, для порядка можно немного и посопротивляться,— улыбка на лице Зеленогорского прямо хоть на обложку журнала.— Но вы же, Пал Степаныч, тоже человек кремневого рода, правильно? Хорошее упрямство очень полезно!— улыбка заменяется горестным выражением лица:

— Пал Степанович, мы все приборы переводим на микросхемы. Это политика СКТБ. Единая и нерушимая. Мы никому не позволим отойти от этого стандарта.

— Вот видите, Леонид Иванович,— обращается ко мне Сабанеев.— Это говорю не я, это говорит ваш главный конструктор.

— Но тогда мы неминуемо попадаем в капкан,— отвечаю я.— Мы потратим три года и потеряем эти изделия. На них не будет спроса.

— Это не ваша проблема — спрос!

— Но вы только вчера говорили, что обеспечение спроса — это задача конструкторских служб.

— Да, мы так считаем и будем считать. Но вы не хотите принимать в расчёт, что цены на микросхемы будут падать!

— Ни вы, ни Семён Павлович не можете этого гарантировать. Если я последую вашим решениям, то мы можем очень сильно проиграть, ничего не выиграв! Мы потеряем время, а изделия не будут покупаться из-за чрезмерных цен!

— Только микросхемы, Леонид Иванович. У вас нет выбора,— Зеленогорский переводит взгляд на Сабанеева.— Мы не поддерживаем Леонида Ивановича. Пал Степаныч, настаивайте, вы правы. Будем считать, что решение принято.

Мне следовало в эту же минуту написать заявление об отставке. И уволиться с завода. Почему я этого не сделал? Сам не знаю... Я был оптимистом и верил в лучшее, хотя и знал, что

выйдет худшее. Через три года мне вынесли партийное взыскание «За непродуманную техническую политику, приведшую к отсутствию спроса на изделия «Эстрадин-11» и «Эстрадин-182». И ругали меня за это все, а особенно — Сабанеев и Зеленогорский. И тогда я начал снова выпивать, полоса тотальной трезвости в 10 лет у меня закончилась... Хотя, за это время мои ребята сделали внепланово синтезаторы «Эстрадин-314» и «Эстрадин-231», так что в грязь лицом мы не ударили. Не было на заводе никого, шустрее НИО-17, хоть что говорите!

Но к этому времени Виталий Иванович Волюшин решил попрощаться со мною.

— Знаешь, я решил уйти с завода,— сказал он грустно, прикрываясь мягкой улыбкой,— жаль мне очень, с тобой мне хорошо было работать, таких людей на свете немного... Только не спрашивай меня ничего о причинах, о ссорах с Зеленогорским... Он сделал всё возможное, чтоб я ушёл. Но не буду тебе ничего говорить, вам ещё придётся вместе работать, зачем, добавлять негатива в ваши отношения... Грязи и так хватает.

— И куда ты намерен идти, Виталя?

— Георгий Евгеньевич учредил филиал Института кибернетики в Житомире. Арендуем сейчас на Пушкинской в здании КПИ помещения. Я назначен директором филиала.

— Вот как...— задумчиво сказал я,— надеялся, что мы с тобой будем рядом до упора. Мне тоже с тобой было здорово, я счастлив, что мы подружались. Ведь много лет вместе прошагали... Одному мне, конечно, будет труднее. Что бы ты там не говорил, но Сёма своего добился. Ты легко ему поддался.

— Знаешь, я всё-таки постарше тебя. Мне стало уже совсем невмоготу, будь он неладен. Лашука задушил... Держись. И опасайся его, будь всегда начеку — он непредсказуем. Старайся предвидеть его ходы.

— А как Хусид, Месяц? Как другие ребята-машинисты?

— Не знаю. С одной стороны я машинистов могу перетягивать к себе на работу. Но ведь есть и производственные заделы, и начатые разработки в планах. Не всё это так просто...

— Да... не жизнь, а малина. Что ж, будем пытаться выживать...

А потом зовёт меня как-то Зеленогорский к себе. И, сходу, без предисловий:

— Леонид Иванович, мне нужен электронный баян.

— Что, свадьбу решили сыграть?— а за последние годы электробаян действительно стал

популярнейшим свадебным инструментом. Орёт почище оркестра, а руководит им один музыкант — всем выгодно. И всего 1811 рублей-то!

— Нет,— отвечает Зеленогорский,— мне надо его подарить одному хорошему человеку.

«Вот тебе на,— думаю я,— какая восхитительная откровенность!»

— Ну, и в чём дело? Выпишите со склада готовой продукции.

— Видите ли, мне это неловко, как бы. Ну, какое отношение к баянам я имею? Понимаете?

— Нет, не понимаю. Вам же надо подарить? Выпишите и дарите на здоровье.

— А как я буду списывать? — (ага, значит, платить за него вы не собираетесь...). — А если бы получили его вы, то я бы вам подписал документы на списание. И все дела...

Таким образом, я должен стать его сообщником по воровству! Лихо.

— Нет, Семён Павлович. Я принципиально не ворую. Последний раз, когда мне было семь лет, я украл у мамы семь рублей. На калейдоскоп. До сих пор стыдно. С тех пор — не ворую.

— Ну, жаль, Леонид Иванович, что вы не хотите меня выручить! Ладно,— встал, подал руку,— найдём какой-нибудь другой способ.

А через день ко мне в отдел прямо с утра пожаловал Иваницкий Николай Петрович. Это наш главный заводской бухгалтер. У меня в лаборатории пару лет работал его совсем юный сын, Игорёк, который ныне хорошо знаком всему Житомиру как основатель и душа радиостанции «КРОК—радио». С тех пор Николай Петрович был со мною на «ты». Хороший человек, отзывчивый. Поболтали о том, о сём... Жду, когда к делу перейдёт. Жаль, что существуют литературные нормативные каноны, ибо речь Николая Петровича была очень образной, выразительной и цветистой, а обычными язы-

ковыми средствами её не передать, от чего текст теряет всю красоту и динамику, потому что примерно две трети слов приходится опускать...

— У меня есть на тебя сигнал. Твои люди воруют электронные баяны.

— Опаньки, Николай Петрович, вы действительно в это верите?

— А это не религия, Лёня, чтобы верить или не верить. Твои кадры воруют, на чём свет стоит.

— Так почему вы не прислали ко мне комиссию для проверки инвентаризационных описей и так далее?

— А потому, что я тебя знаю. Ты не дурак. Но и мы не дураки. Потому я к тебе и пришёл — один, и без комиссии. Я у тебя здесь самолично устрою проверку. Говорю сразу, если что найду, ты у меня сядешь. Не найду — и комиссия не нужна. Просто извинюсь перед тобой и пожму руку. Понял?

— Понял, Николай Петрович. Но только для вас это нагрузка большая, а у вас, как всегда, дел — выше крыши. Стоит ли время тратить?

— Стоит Лёня, стоит. Дай команду, чтоб мне сейчас подготовили ваши документы для проверки и сличения. И ключи — от кладовых и сейфов. А пока мне ответь на такой вопрос: твоего Фукса видели, как он с завода вывозил электробаян. Что ты об этом знаешь?

— Ничего,— у меня на самом деле глаза полезли из орбит. Не может быть такого. Не вывозил Фукс...

— Ну, зови Фукса, пусть даёт показания.

Пришёл Фукс.

— Лев Моисеевич,— говорю я,— у бухгалтерии имеются какие-то сведения, что ты вывозил с завода баян.

— А... да, но не вывозил, а помогал выносить. И подежурил возле него за проходной, пока человек бегал нанимать грузовик.

— Не понял, это что за история такая?— спрашивает Николай Петрович.

— Был у нас такой человек, покупатель, музыкант из Херсона... как же его фамилия, где-то записывал, сейчас гляну,— сказал Фукс и побежал к своему письменному столу...

— Ага, вот, нашёл — Симоненко Петр Васильевич, Херсон... да. И телефон свой он оставил. Вот,— протянул записочку Николаю Петровичу.

Николай Петрович сразу позвонил в бухгалтерию:

— Лида, поищи накладную продажи «Эстрада-8Б» жителю Херсона э-э-э... Симоненко Петру Васильевичу. Так... да... так... А кто телефон давал? Ах, ты...да...да. Пусть Люба притащит мне эту накладную. Куда-куда... в НИО-17, новый корпус заготовительных цехов.

Обратился непосредственно к Фуксу:

— Пока Люба тащит накладную... А что вы делали с электробаяном?

— Позвонил нам этот человек, попросил помощи. Он заплатил деньги и хотел, чтоб ему помогли выбрать «Эстрадин». Ну, я позвал Алика Грибера, говорю, давай на склад сходим, поможем человеку. Пришли, и он пришёл, взяли первый попавшийся баян, распаковали, подключили; у Алика опыт приёмщика ОТК. Он проиграл всё, проверил все нюансы, сказал, что баян классный. Да и сам покупатель был в восторге. Попросил ему помочь. Всё же две звуковые колонки по 40 килограмм каждая, плюс электронный блок и сам баян — четыре места, как бы покупатель сам вынес? Мы, конечно, помогли ему протащить через проходную, потом Алик ушёл, а хозяин стал искать машину, попросил меня постоять возле комплекта... А... понял, в чём хохма... Вадим Диккер подходил ко мне, пока я охранял баян... спрашивал... а я

его послал на три буквы... понял, это он наступал Зеленогорскому...

Пришла посланница бухгалтерии, принесла накладную.

— Телефон Фукса дала покупателю Лида, когда он деньги заплатил. Тот просил оказать ему помощь в выборе баяна. Всё в порядке, ребята, я вас больше не задерживаю.

Потом Николай Петрович два дня подряд проверял наши кладовки и сейфы. Ему помогла наша «сестра-хозяйка» Валя Комиссарчук.

Закончив работу, Николай Петрович сказал:
— А ведь молодец, ваша Валя. Всё на месте, всё она знает, что и где. И инвентарные номера везде в порядке. Порядочная женщина, я бы с удовольствием забрал её к себе...

— Сажать когда будете?— пошутил я.

— А ты напрасно смеёшься, Федорчук... Я чего сам пришёл, знаешь? Потому что, если бы я, как обычно, назначил комиссию, он бы её купил. И тогда я не знаю, как бы и кто бы тебя спасал... Я просто интуитивно понял, что на тебя идёт охота. У тебя серьёзный враг, я на твоём месте ушёл бы с завода...

ЖЕНЯ ЛАЩУК И ЛЮДА СЕДОВА

(1964 — 1980 — 2006)

Как быстро летит время: не успел проснуться, а уже опоздал на работу.

М. Жванецкий

Барон доканчивал блюдо с фаршированными каракатицами.

— Эсторского!— сказал Румата.— И пусть принесут ещё!— он откашлялся.— Будем веселиться. Будем, чёрт побери, веселиться...

А. и Б. Стругацкие

Два неглупых молдаванина из Кишинёва, приписанные ко мне на дипломное проектирование, уже почти осилили техническое задание по разработке нового электронного баяна, когда раздался звонок. Было около 16 часов. По голосу я узнал Женю Лашука:

— Благородный дон Румата?

— О, дон Кондор, как приятно, слушаю вас!— ответил я с почтением.

Дон Кондор, как вы, надеюсь, помните, Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан, вице-президент Конференции двенадцати негоциантов и кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

— У моего сына сломался арбалет в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого. Сашка, увы, так расстроился, что моя донна Окана решила отвезти его, чтоб развеялся и оздоровился, на южный берег Крыма Ируканского, потому что в нашем Арканаре погоды, сами знаете, установились весьма дождливые.

— Ну, и что в связи с этим вы хотите предложить?

— Знаете, я как-то не сумел разыскать барона Пампу дон Бау... Он рванул куда-то на своём хамахарском газоне. А я хотел вас обоих пригласить сегодня к себе в поместье поиграть в кости.

— Совершенно не вижу, почему бы трём благородным донам не поиграть вечерок в кости, — сказал я, предвкушая преферанс. — Я постараюсь вычислить барона Пампу, он тоже будет счастлив разделить с вами фаршированные каракатицы. А по пути к вам я загляну к отцу Кабани и прихвачу сосуд горячей воды для разжигания сырых дров и производства фокусов.

— Великолепно! — ответил дон Кондор. — Говорят, если подмешивать горячую воду отцу Кабани в пиво, то пиву цены не будет!

Евгений Евстафьевич Лашук и Людмила Петровна Седова появились на заводе одновременно, и я даже не заметил точно когда... где-то в 1962 году. Они были женаты, но сохранили свои фамилии в неприкосновенности. Женя был коренастый и небольшого роста; Люда, происшедшая родом из города Ош, носила на своём прекрасном лице раскосые черты, доставшиеся ей от местного киргизского населения. Они учились в одном институте, были истыми прибористами, потому Женя очень быстро получил в командование главную лабораторию электроизмерительной техники номер 11. А Люду загнали в первый цех инженером-технологом.

Подружились мы втроём — Женя Лашук, Володя Царенко и я — как-то быстро и незаметно: было нечто общее, что нас объединяло. Прежде всего — это юмор, который мы совместно выплеснули в стенную газету «Стоп!». Второе — это получилось тоже почти одновременно — у нас возникли дети, у Жени сын Саша, а у нас с Володиёй девочки — Оля и Тина. И тре-

тье — мы были весёлыми людьми и любили вместе выпить. Можете осуждать, но это уже бесполезно: мы были такие, и этого не изменить. Но каждый из нас был бесконечно предан своей заводской профессии, причём эти профессии были творческими и заполняли наши души предельно. Мы читали одни и те же книги, потому что, если что-то нравилось одному, то непременно нравилось и двум остальным. Поэтому очень часто, контактируя, мы легко переходили в ауру этих книг, пикируясь цитатами из них и получая при этом несравнимое ни с чем удовольствие. Это был наш своеобразный мир, и любому другому человеку проникнуть в него было очень непросто, а мы купались в нём и наслаждались.

В тот день я отыскал Царенко в районе заводских складов.

— Женья мне звонил и тебя разыскивал. Ты скоро освободишься? Люда уехала вместе с Сашей в Крым, а дон Кондор скучает и хочет сразиться в преферанс.

— Вау, сейчас подумаю...— Царь почесал за ухом.— Дело хорошее. Ну, к часам шести я, возможно, и освобожусь. Но надо же пляшку взять!

— Благородный дон, это я обеспечу, учитывая вашу занятость.

— И за шо это я тебя так люблю, дон Румата?— расхохотался Царь.— А то здесь, блин, этот завод насквозь провонялся брагой и икает, как сказал бы маршал Тоц, морща свой аристократический нос! Икающий завод, представляешь?

— Ладно, благородный дон Пампа! Мы с Женей ожидаем тебя к шести!

Женья, улыбаясь, открыл мне дверь.

— Благородный дон, у меня уже готово жареное мясо, сильно одобренное специями, и собачьи уши, отжатые в уксусе,— и Женья показал мне тарелку с нарезанной «докторской» колбасой и тройкой малосольных огурчиков.

— О, это великолепно, дон Кондор, примите, пожалуйста, и этот замечательный коктейль солнечного шипучего ируканского, густого коричневого эсторского и белого соанского с лечебным добавлением соков гадов, пауков и голого вепря Ы!— и я протянул ему бутылку «Столичной» за три ноль семь.

— Нет, что ни говорите, дон Румата, но отец Кабани — непревзойдённый специалист в перегонке сучков, коры и корней хвойных пород деревьев! А соки яиц местных крокодилов действительно обладают целебными свойствами, обостряющими умственные способности при игре в кости!— ответил Женья, протирая посудным полотенцем запотевшую бутылку.— А где наш барон Пампа дон Бау? Восстановили ли ему его ленное пра-

во ковырять в носу за столом генерального директора, охотиться к западу от Арканара и называть главных инженеров прямо по имени, без присовокупления титулов и званий?

— А куда они денутся? Конечно, восстановили, и это ленное право обходится ныне главному бухгалтеру в двенадцать пудов чистого серебра ежегодно. А вот и дон Пампа собственной персоной!— потому что раздался звонок, и дверь отворилась, пропуская Царенко внутрь квартиры...

Ради справедливости должен сказать, что играли мы в преферанс очень и очень редко, лишь когда складывались весьма определённые обстоятельства. Володя и Женья были обучены этой игре ещё в институтские годы, мне же повезло меньше: меня обучил ей Лёня Шварцман, работавший в моей лаборатории в первые годы её существования. Потому я играл слабее своих товарищей и, чаще всего, проигрывал. Но ставки в игре нашей были мизерные, проигрывал я 7–8 рублей, а поскольку эти встречи были очень редки, то и проигрыш для меня всё равно воспринимался как праздник.

Людмила Петровна, коей Евгений Евстафьевич при любом своём нечастом грехопадении обязан был возместить потерю нервных клеток бутылкой полусладкого «Советского шампанского», была назначена начальницей бюро нормализации и стандартизации, и в этой должности она проработала аж до 2006 года. После её назначения в БНС мои контакты с нею участились, потому что я был ответственен за разработку нормативной документации по электромузыкальным инструментам, которая согласовывалась с нею. Мне она очень нравилась: уверенная, немногословная, всегда логически мыслящая — это был удивительный тип мужского мышления, нетипичный для женщин, что создавало особую ауру взаимопонимания и лёг-

кого достижения компромисса. Её просто невозможно было не уважать: такие женщины очень редки и они не будят в мужчине примитивные сексуальные инстинкты, несмотря на свою красоту и привлекательность, а вызывают чувство сотруди́ческой солидарности и надёжности.

Женя, напротив, был человек импульсивный, иногда непоследовательный, но несомненно талантливый — в своей служебной карьере он рос как на дрожжах: начальник лаборатории, начальник КБ–1, заведующий отделом, главный конструктор и, наконец, на него возложили задание формирования СКТБ (специального конструкторско-технологического бюро) — он разрабатывал его структуру, способы взаимодействия служб, систему витиеватых внутренних и внешних контактов и, априори, он должен был стать начальником СКТБ. В конце концов разработанная им структура была утверждена «Союзэлектроприбором» и СКТБ заработало. В этой структуре я стал заведующим научно-исследовательским отделом (НИО-17) с профилем «разработка и сопровождение товаров народного потребления», включавшим в себя лаборатории ЭМИ 171 (заведующий Фукс Л.М.), усилительной техники 174 (заведующий Кулаженко Э.С.), конструкторский сектор новых разработок 173 (заведующий Кузнецов А.В.) и сектор сопровождения серийных изделий и конъюнктуры 172 (заведующий Птицын Ю.М.). Штат этого НИО достиг 52 человек. Это было оправдано, потому что мы поддерживали четверть объёмов продукции производственного объединения «Электроизмеритель». Таким образом, Женя стал моим прямым начальником.

Начальство убеждало Женю назначить своим заместителем деятельного начальника лаборатории Семёна Павловича Зеленогорского, на что Лашук легко согласился: у него наступил

тот период жизни, когда казалось, что главная вершина достигнута и осталось только сладостно пожинать плоды... Таким образом, мой друг, обладая известными слабостями своей натуры и не принимая их в расчёт, легко и бездумно подписал себе «смертный приговор». И отвести от него эту беду мы не сумели только потому, что он нам не дал этого сделать...

В то время участок сопроводительной документации, которым командовала Валя Кравченко, ещё принадлежал СКТБ, и все хлопоты по его функционированию, несмотря на то, что он обеспечивал типографской документацией весь завод, возлагались на СКТБ, в частности, на Зеленогорского. Отдел снабжения ещё не мог перехватить участок на своё обеспечение — перечень требуемых материалов был огромен, а нормы расходования их ещё были совсем неясны. По этому поводу Зеленогорский собрал совещание, на котором присутствовали Валя Кравченко, Миша Таранов, Костя Лебледев, толстопузый Саенко, определённый замом начальника СКТБ как снабженец и другие заинтересованные лица. Когда все вопросы участка были решены, Зеленогорский попросил задержаться Саенко, Таранова и Лебледева.

— Товарищи, я вот почему попросил вас задержаться. СКТБ начало функционировать. По численности, функциям и задачам, которые мы должны решать, СКТБ можно смело приравнять к научно-исследовательскому институту. У нас и на данный момент существуют разветвлённые связи с другими научными и производственными организациями во всех крупных городах страны и по множеству направлений. И эти связи будут расти и расширяться. Пришёл момент, когда мы должны всерьёз задуматься, как организовать наши представительские мероприятия и как определить затраты на них. Мне излишне вам говорить, что начальник СКТБ, принимая

руководителей высокого ранга, скажем ВНИИ-ЭП из Ленинграда или другой Всесоюзной организации, должен обеспечивать сохранение ранга СКТБ, соответствующего НИИ. А это означает, что начальник СКТБ должен иметь возможность без особых усилий и затрат времени обеспечить соответствующий уровень приёма гостей. Если вы бывали за границей, то могли видеть, как в любой приёмной вас угостят кофе, чаем — по желанию, а начальник может пригласить выпить по рюмочке коньяка или виски. Это обычный стиль для крупных фирм — стиль представительских мероприятий. Значит так, записывайте. Саенко — обеспечить систематическую закупку, дополнительно к полученному вами от Кравченко перечню, разбавителя марки К-5. Так он будет числиться в перечне. На самом деле это будет коньяк 5-ти звёздочек, не ниже. В месяц вы будете приобретать 2 ящика по 20 бутылок. Храниться он будет у Таранова в лаборатории. На Таранова также возлагается задача ежедневно проверять наличие К-5 у меня и Евгения Евстафьевича. У меня нижний отсек сейфа всегда открыт, а у Евгения Евстафьевича ставьте в правый нижний ящик стола. Задача такая — проверяете утром, до прихода руководителя. Если в наличии менее полбутылки — её изымаете и ставите свежую.

У меня это можно делать нечасто, — шеф улыбался, — я ведь только заместитель, у меня такие встречи будут, как правило, реже. Лебледеву задача закупить кофе, чай, кофеварки, чайную посуду, приличные стопочки. Передать это всё в распоряжение секретаря. Да-да, Светлана Гуцоленко, — уточнил шеф, заметив открытый рот Лебледева. — Она получит от меня дополнительные инструкции. Всё ясно? Хорошо, свободны.

И механизм смещения начальника СКТБ завертелся...

Я у Жени бывал часто — мой шеф, как никак.

— Привет, — как-то лениво сказал Женя. — Выпьешь немного?

— Нет, Женечка, спасибо! — показалось, что он слегка «под газом».

— Ах, да, я забыл, ты же у нас «блюдун», — рассмеялся шеф. — Блюдёшь пост или как?

— Нет, я сейчас вообще не пью. Есть проблемы.

— А у меня — нет проблем! — и он открыл свою тумбочку стола. — Гляди, какой коньяк, закачаешься! Каждый день — новая бутылка. Вот что значит представительская должность!

— Ты думаешь, что это так, как положено... а я думаю, что неспроста всё это делается.

— А чего мне думать особо? Я начальник СКТБ. Я должен в любой момент любую приехавшую шкуру принять, угостить и побеседовать.

— Женя, я думаю, это подстава. Тебя хотят надрать, рассчитывая на твои слабости. А у тебя спиртное — это слабость. Ты крутой мужик, но это — подачка для слабого... Ты хоть Люде говорил об этом? Что она думает, ты её послушай!

— Пошли вы все на фиг! И ты, и Люда! Что ты мне вчитываешь? Я добился апогея! А вы все завидуете просто!

— Ладно, извини, я ушёл...

Потом пытался говорить с Саенко, с Костей, с Мишей... Бесполезно. Я часто видел этот механизм работающим.

Женя не давал мне даже слова сказать. Я вынужден был перестать к нему заходить. Говорил с Царенко, но он к этому отнёсся как-то легкомысленно:

— Лёня, ты порешь горячку, Женька кайфует! Я бы сам хотел побывать на его месте. Каждый день — свежая бутылка пятизвёздочного —

класс! Живи и радуйся! А ты как Нат Пинкертон ходишь, блин, всех подозреваешь... Окстись! Радуйся за Женьку!

— Видишь ли, я изучил Зеленогорского. Он как зубр рвётся к цели...

— Ну, может быть, конечно, но это не тот случай... Не обращай внимания, дон Румата! Всё идёт хорошо!

На заводе так построено — целый день всё вертится-крутится, некогда перекусить... А в часов 6 или 7 вечера вдруг начальство собирать начинает главных на разборки. Там прокол, там затор, там приёмка стоит, а там деталь не в размере, сборка остановилась... Ну, Женька приходит, но все видят, что он не в себе... Николай Иванович раз сказал, два сказал... три предупредил (это генеральный), а Жене невдомёк... А другим-то это всё запоминается... Ещё пару раз я попробовал с ним поговорить. Ни в какую. Он обозлён на меня до предела. Как-то не сумел я найти подхода... В кабинет не пускает...

И одним несчастным вечером его забрали менты прямо возле проходной. Я как узнал — сразу к ментам своим знакомым. Не получилось... Пришла бумага в партком. Ну, собрали партком. Все выступали и осуждали. По привычке. Так положено было. Осудили. Вспомнили, как предупреждали товарища. Не внял. Предложили дать строгача, и по домам. Но тут выступил его заместитель Зеленогорский:

— Товарищи, вы сгоряча хотите слишком жестоко наказать вашего же друга, отличника приборостроения, человека, который разработал (идут перечисления). Это весьма полезный, я бы сказал даже талантливый инженер, который практически держит в руках все бразды управления новыми разработками. Лащук — это наш завтрашний день, это будущее завода. Поймите, без него мы никак! А вы сразу, сгоряча — строгий выговор! Так нельзя, товарищи! Ведь у

Евгения Евстафьевича это первый раз! И последний, я надеюсь, — правда, Женья? (Женья мрачно кивает головой). Вот видите? Мы готовы за него поручиться! Я предлагаю смягчить наказание по первому разу и дать не строгий, а просто выговор с занесением.

И все обрадовались, и все проголосовали мигом «за».

Потому что строгач — это жестоко, а просто выговор — это по-человечески...

Но секретарь парткома, наблюдая эту картину и полемику, тихонько покрутил головой и вздохнул...

Потому что «с занесением» — решало всё. От начала до конца.

Молодёжь, вы не знаете, наверняка, что означает «с занесением в учётную карточку». Даже строгач в пределах завода — это ерунда. Записали в протокол и забыли. А «с занесением» отправляется в райком. И райком записывает выговор в учётную карточку. И это — конец карьеры любого члена партии. Его никуда и нигде больше не примут на работу. И единственный способ избавиться от этого наказания — не дать райкому шанса занести выговор в учётную карточку. Письмо от завода в райком идёт два-три дня. Это означает, что если ты завтра не заберёшь из райкома свою учётную карточку — твоей жизни, в принципе, капец! А забрать ты её можешь, только срочно уволившись с завода. По собственному желанию — был такой способ. Об этом знали все члены партии — так оставался единственный шанс начать новую жизнь, как бы с чистого листа... И пан Зеленогорский на это именно и рассчитывал.

Таким образом, Зеленогорский сделал своё чёрное дело.

Женья в два дня уволился и уехал в Луцк к отцу, даже не попрощавшись с женой...

Через неделю после увольнения Жени Зеленогорский был назначен начальником СКТБ. В замы себе он выбрал Певко. Но что примечательно — начальник остался в своём маленьком кабинетике зама. А зам. Певко занял большой кабинет начальника.

Шеф не пошёл туда — тот кабинет, видимо, уже был проклят...

Женя погиб в Луцке через полтора года — летом 1980 года, почти одновременно с Владимиром Высоцким. И почти с тем же диагнозом, от которого погиб тогда Владимир Семёнович или знаменитый актёр Владислав Галкин в нынешнем, 2010 году — передозировка алкоголя в крови и остановка сердца по этой причине.

Он пил, потому что ему ничего не оставалось. Его просто обокрали, забрав буквально всё, что он выстроил. И он не смог этого перенести. Равно как и признаться себе в том, что он не был предусмотрительным, что его предупреждали друзья, но он им не поверил...

Мне особо тяжело об этом вспоминать, потому что мы с Волошиным, Фуксом и Месниченко рыбачили за санитарной плотиной, не подозревая, что произошло, и только через неделю после смерти Жени к нам заявился Аркаша Кузнецов и сообщил об этом. Разумеется, ехать нам в Луцк было поздно... Но как же гадко было узнать, что пан Зеленогорский лично выезжал на похороны Жени и даже произносил над его телом прощальную речь. Как легко ему было представать таким двуликим Янусом!

Тогда, в 1978 году, ещё не было войн за собственность, даже контуры перестройки ещё не намечались. Ворьё сидело по тюрьмам. Олигархов ещё не было, и не было в частных руках оружия. И, казалось, что мы живём в тихом и спокойном мире труда и красных праздников. Но уже среди нас были люди, готовые на лю-

бые подлости и преступления, чтобы получить побольше денег и власти, любым способом...

В 2003 году ко мне домой заявился Володя Царенко, сообщил, что у Жени день рождения, предложил пойти к Людмиле Петровне и пригласить её зайти с нами в собор, заказать поминальный молебен для Жени, а затем посидеть в кафе и помянуть нашего друга. Я мигом собрался, и мы пошли к Люде. Она, подумав чуток, согласилась. Немного натянуто улыбалась, была добра с нами. Но когда мы подошли к собору, зайти с нами внутрь она отказалась:

— Я подожду вас здесь, ребята, ладно?
Мы с Царём переглянулись... Ну, что делать?
— Люда не может его простить,— сказал Царь.
— Жаль,— ответил я.— Так жить очень трудно... Ведь прошло 23 года. Сашке уже почти сорок...

Мы поставили свечи, написали какие-то положенные в этих случаях поминальные записки, заказали молебен. Постояли, послушали, крестясь. Вышли из собора.

— Эх, дон Кондор...— сказал Володя.— Кавалер имперского Ордена Десницы Милосердной.

— Генеральный судья и Хранитель больших государственных печатей торговой республики Соан...— добавил я.

Взглянули друг на друга и рассмеялись. Стало как-то легко и весело. Подошли к Люде. Она тоже улыбалась:

— Что, друзья, небось вспомнили свои проказы?

— Как нам было хорошо вместе с Женей,— сказал Володя.

— Ничего, скоро мы опять будем вместе!— подытожил я.

— Типун тебе на язык, Федорчук!— сказала Люда.

— Согласен,— ответил я.

Немного посидели во «Французской сдобе», выпили кофе.

Люда ни разу не произнесла имя Жени и ни разу ничего не сказала о нём...

Она умерла 3 апреля 2006 года.

Саша рассказывал мне, как утром этого дня он собирался принять душ, а мама сказала, что чувствует себя плоховато и уселась в кресло.

Приняв душ, Саша вышел в комнату и, ещё вытираясь, заметил, что побледневшая лицом мама сидит в кресле с закрытыми глазами...

Если вы помните первую книгу, то барон Пампа дон Бау отправился к дону Кондору ещё в феврале 2004 года...

ЖИТОМИРСКИЙ «МЕНТАЛИТЕТ»

Много ли нужно человеку для полного счастья? Мало! Но только чтобы у других было еще меньше...

М. Жванецкий

Порядочного человека можно легко узнать по тому, как неуклюже он делает подлости.

М. Жванецкий

Если вы ни разу не были в вытрезвителе — с вами не о чём разговаривать. Всё равно не поймёте. Вы просто окончательно потерянный для общества человек... Потому, что с ментами вы не сталкивались наиболее плотно. А именно в них заключено то, что многие не очень разбирающиеся люди называют «менталитетом»...

Спешу оговориться: я буду беседовать с вами о ментах советской эпохи, потому что о нынешних ментах я практически и теоретически ничего не знаю за последние 25 лет. Так что, друзья, служите верно новой «влади» и относительно нашей милиции ни в чём не сомневайтесь.

А в наши устаревшие времена как было? А очень просто: наш советский человек получал зарплату два раза в месяц. Казалось бы, половина плюс половина равно целой зарплате. Нет. У нас было иначе: в аванс 20-го числа мы получали «большую половину», а точнее, ровно половину оклада, а 7-го числа получали «меньшую половину», потому что из оставшейся части бухгалтерия удерживала всё, что нужно было удержать: налоги, алименты, вычеты, долги и пр. и пр.

Числа, которые я привёл, были характерны для «Электроизмерителя». А на других заводах выдавали деньги в иные дни, удобные для бан-

ков. И вот, наш «менталитет» тщательно фиксировал эти дни и собирался там, где это было более актуально на данный момент.

Куда девал полученные деньги простой советский человек? Отвечаю: клал в карман. А потом, опьянённый полученной суммой, (заметьте, уже опьянённый, ничего ещё не выпив!) двигался с такими же опьяненными друзьями под известным девизом «По рублю!» покупать бутылку на троих и выпивать её после точного разлива в стаканы по 166,66 миллилитра в каком-нибудь стоячем кабачке, коих море было вокруг по всем направлениям от родного завода! Вот эти люди и являлись первой и главной «жатвой» «менталитета», потому что достаточно было увидеть нестойкую походку, услышать громковатый голос, как человека можно было забирать в вытрезвитель! Главное — чтобы признаки опьянения были налицо: хватало и запаха изо рта — и к менту не придерёшься! Потом шла вторая очередь — люди, задержавшиеся в кабаках чуток подольше, затем — третья очередь — напивавшиеся «наотмашь», самые недисциплинированные пьяницы.

Далее шёл «сбор урожая» — самой ценной была, конечно, первая очередь пьяниц, которые успели потратить только по рублю. Их забирали повсеместно, отвозили в вытрезвители, в камерах чистили карманы и оставляли «трезветь» до утра. Если кто сопротивлялся — били, не сильно, но метко. Профессионально. Чтоб следов особых не оставалось.

Потом наступала очередь второй серии «забудыг», у которых в карманах уже оставалось меньше денег, а затем — самых потратившихся, которые уже для нахватавшихся ментов не представляли особой ценности. Это был «мусор», который легко и беззастенчиво избивали прямо сапогами — презируемые люди, которые успевали пропить всё или хотя половину полученных денег...

Вот сейчас почитал написанное и понял, что я кое-что преувеличил. Нас, работающих, было намного больше, чем малочисленных ментов. А время нашего «опьянённого вылета» было всё же ограничено двумя-тремя часами. А у ментов была очень трудная работа: надо было, преодолевая разговоры и сопротивление, воткнуть в «бобик» трёх-четырёх человек, отвезти их в вытрезвитель, обобрать и возвратиться в «рабочую зону», когда уже наступала пора второй очереди выпивших. То есть, на «сплошную косьбу» это не было похоже. Это было спокойное и методичное «чистилище», которое тем не менее приносило ментам нужные результаты... Это же была ежедневная их работа, что ни говорите... А чтобы повысить к.п.д., т.е., коэффициент полезного действия, менты привлекали к этой деятельности народных дружинников с красными повязками, рассылая по тем же заводам графики дежурств.

Что следовало из этих действий? Отобранные ментами люди «отдыхали» в вытрезвителе до утра, а потом их отпускали, вручив требования об оплате установленной суммы штрафа за «медицинскую помощь» в сберкассе. Когда кто-то протестовал, что у него из карманов вынули все деньги, ему нагло говорили: «Ты был смертельно пьян и всё потерял!» А потом присылали на завод письмо о том, что такой-то работник вашего завода побывал в вытрезвителе, и мы требуем тщательного рассмотрения общественностью завода недостойного поведения и принятия к нему соответствующих мер, о которых администрация завода должна уведомить милицию и общественные органы (партийные и профсоюзные).

В Киеве «менталитет» был совсем иной: там в вытрезвитель подбирали только окончатель-

но свалившихся пьяниц, не помнящих даже своих фамилий, и как они свалились. А у нас, в Житомире, была совсем другая система, я бы сказал, более совершенная, тонко отработанная. Поэтому мне в вытрезвитель удалось попасть уже в первые 4 месяца работы на заводе в праздничный день 7 ноября 1962 года, хотя существовали какие-то указания — в праздничные дни попустительствовать выпившим людям, ведущим себя миролюбиво и не нарушающим «общественный порядок»...

А произошло это так. После демонстрации по городу нас с Царенко пригласил к себе домой Анатолий Михайлович Мамыкин — мы тогда работали в одном помещении и тесно общались. А жил в то время Толя недалеко от вокзала на съёмной квартире с женой и маленькой дочкой. Мы к нему попали не сразу — где-то перехватывали по рюмашке, сидели в кафе с друзьями... В ноябре вечер наступает быстро, и как начало темнеть, Царенко вспомнил о приглашении, настоял на посещении, и мы поехали. Жена Толи оказалась очень гостеприимной и контактной женщиной, к тому же умело готовящей, и мы с Володиёвым с удовольствием отобедали, нахваливая хозяйку. Затем Володя как истый донжуан танцевал с ней, а мы с Толёй болтали о всякой всячине. Задержались мы конечно, так трудно уходить от славных ребят...

Покинув Мамыкиных, мы пошли к вокзалу, потому что так было ближе всего до остановки троллейбуса. Вокзал тогда размещался в старом здании, нынешнее здание вокзала ещё не существовало. Как только пришли к остановке, в Володе проснулся его вечный зверь: «добавить». Я тогда ещё не умел укрощать этого зверя, мялся, уговаривал, но всё было тщетно — Царенко тащил меня в ресторан, который находился по правую сторону вокзального помещения, а прямо от входа был выход на пер-

рон, к поездам. И вдруг — какая-то толпа позднему одетых молодых людей заполнила угловое помещение вокзала — шум, гам...

— О!!!— взревел Царь,— это же команда «Полесье»!

Сколько было рядом хлопцев — все они радостно обнимали Царя, поздравляли с праздником, хлопали по плечу... Как потом оказалось, Царёва тёща работала на стадионе в роли сестры-хозяйки или кастелянши (сейчас и не знаю точно, кем), но она всех футболистов называла «детками», а Царь часто у неё гостевал и был лично знаком со всеми «детками». Оказалось, что они едут поездом Одесса-Ленинград в Питер играть с тамошним «СКА», а поезд вот-вот должен появиться из Одессы. Я был чужаком на этом празднике футбола, потому что болел за киевское «Динамо», а житомирских футболистов не успел ещё узнать. Ну, слово за слово, и Володя уже затащил эту толпу в ресторан, и четверо или пятеро из них согласились выпить с Володиёвым праздничную чарочку. Я тоже был подключён в эту компанию и даже познакомился с вратарём «Полесья» по фамилии Заяц, выпил с ним и расцеловался.

Проводили мы ребят до поезда и распрощались, пожелав успешной игры. Затем, как и было задумано ранее, направились к остановке троллейбуса. Слышу сзади голос: «Ты бери правого, я левого!» — и нам обоим заломали руки. Дружинники, блин!

— Ребята, ведь сегодня праздник!— затыкнул Царь.

— Праздник был вчера, посмотрите на часы,— отвечает «дружина».

Действительно, уже начало первого ночи. Вот так.

— Но праздник по календарю седьмого-восьмого!— сопротивляется Царь.

— Чего, хочешь получить по сопатке?— спрашивает «дружина».

— Лёня, ты хочешь? Я не хочу,— говорит Царенко.

— Тогда идём спокойно к «бобику»,— соглашается «дружина». И нас повели и затолкали в «бобик». И мы поехали, сэкономив 8 копеек на троллейбусе. Поехали на Госпитальную улицу, которая тогда ещё не знала, что её скоро назовут именем Гагарина. А на той улице была баня, в подвале которой располагался вытрезвитель. Местные менты поместили нас в полутёмную камеру. Сидим. Разговаривать неохота. Ждём. Грустно...

Через часа полтора загребели засовы и нам кричат: «На выход!» Выходим. В «приёмной» три мента в разных местах. Указывают нам на лавку. Садимся.

— Кто такие?

Поднимается мой старший товарищ:

— Царенко Владимир Иванович. Инженер-конструктор завода «Электроизмеритель».

Взгляд на меня:

— Федорчук Леонид Иванович. Инженер-конструктор завода «Электроизмеритель».

— Красота!— говорит главный мент.— Что вы делали на вокзале, инженеры-конструктора?

— Конструкторы,— поправляю я.

— А какая в жопу разница?— спрашивает главный мент. Я передёргиваю плечами. Такое впечатление, что мы вообще не пили — всё на чисто выветрилось.

— Мы провожали нашу футбольную команду «Полесье» на игру со «СКА» в Ленинград.

— А какое отношение вы имеете к команде «Полесье»?

— Это наши друзья. Они садились на поезд Одесса-Ленинград. Им играть надо...

Смотрю и не понимаю, что произошло. Все три мента оказываются за одним столом. И лейтенантик один спрашивает:

— А Заяц поехал? Он, вроде, болен был...

— Поехал,— уверенно отвечаю я.

— А...— и лейтенантик называет ещё три фамилии. Я молчу, отвечает Царенко:

— Поехали все вами перечисленные.

— А что они говорили: выиграют или опять, как прошлый раз?

— Говорили, что костыми лягут, а два очка привезут!— отвечает Царенко.

Молчание. Менты улыбаются. Переглядываются.

— Ребята, а вы ж совершенно трезвые!— говорит старшой.— Как это вас забрали?

— Да мы дружинникам говорили, а они грозились морду бить. Мы решили, что говорить надо с умными людьми. Вот и говорим...

— Ну и правильно! А то присылают с заводов всякую шелупонь! Где вы живёте? Мы вам дадим сейчас «газон», езжайте домой!

— Да ладно, мы и пешком можем,— говорит Царенко.

— А я вообще через огород живу, на Русской Слободке,— дополняю я.

— Ну, глядите ребята!— менты улыбаются ещё шире.— Вы извините нас... Такая, понимаете, работа!

— Да, ладно, чего уж там, у нас нет претензий,— говорит Царь.

— Ну и отлично,— подводит черту старшой, подходит, пожимает нам руки.— Ребятам «Полесья» привет от нас передавайте! Если чего, пусть обращаются... Я Валентин Сидоренко, старлей. Какие проблемы — всё решим.

— Спасибо!— говорит Царь и сердечно ещё раз пожимает руки всем троим.

Вот так счастливо окончилось наше первое попадание в вытрезвитель. Но вполне могло быть и по-другому... Я всегда удивлялся, почему в житомирском «менталитете» столько выходцев из села Левков? Насколько помнится, их было около 70 процентов. Интересно, изменилось ли сейчас (с 1985 года) это число?

И чем его объяснить? Не знаю, теряюсь... Подобное я отметил в Иркутске, где до 1995 года о чеченцах вообще никто не знал, казалось, их в Иркутске не было.

Но в 1998 году стало вдруг ясно, что все «нефтеразливающие» предприятия, начиная от гигантского ангарского «Нефтеоргсинтеза» и заканчивая бензоколонками, принадлежат чеченцам! А один из чеченцев даже стал зятем губернатора Иркутской области — территории, по площади равной Франции и Великобритании вместе взятым! Но то — чеченцы, представители республики, а Левков — это же село!

А вот история, рассказанная мне моим хорошим и талантливым другом. Оказывается, Бог не наказывает тех, кто в него не верит. Там всё просто: после смерти — в рай, кто верил, и — в ад, кто не верил. Поэтому при жизни совсем не важно: атеист ты или святоша, молящийся трижды в день. А вот за награды при жизни человек поощряется не только властью. Например, если ты получил звезду Героя на войне, откровенно служа своему народу, то тебе ничего не будет. А вот, если звезду Героя и орден Ленина дали за службу партии, то апостолы Пётр с Павлом заглядывают в своеобразную табель о рангах и советуют Господу: этому, мол, за Героя дадим рак предстательной железы, а за орден Ленина — прободную язву двенадцатиперстной кишки. Вот так и получилось с житомирским первым секретарём обкома партии Кавуном. Вроде бы и жив ещё, но надо ехать со своим «букетом» в киевский Лечсанупр на обследование и лечение. Ну, делалось это так: выделялась самая шикарная автомашинка «Скорой помощи», за руль которой садился водитель Василия Михайловича Борис; самого же Василия Михайловича со всеми предосторожностями укладывали в салон — и вперёд, на Киев!

При приезде в Киев Кавуна разместили в больнице, а Борис получил указание приехать

за ним послезавтра. Ехать порожняком на такой вместительной машине было грешно, поэтому Борис не постеснялся набить её пассажирами до упора. На обратном пути при въезде в Житомирскую область вдруг движение прерывает молодой старлей Трохимэнко и требует с Бориса мзду — пассажиры на «Скорой помощи» не по стандарту! Борис чешет затылок, но рассчитывается. Послезавтра в том же месте операция повторяется: Борис снова набил салон пассажирами, и старлей Трохимэнко получил, что ему было положено...

Забрали Кавуна из Лечсанупра и едут в Житомир. И вдруг снова «Скорую» останавливает вошедший во вкус старлей. Борис резко тормозит, потому что Трохимэнко категорично показывает жезлом вниз. Борис сначала знаками, жестами показывает менту, что он делает глупость. Тот открывает дверь «Скорой» и весело говорит:

— Ну, что, водила, будем рассчитываться?

Борис старается негромко, показывая пальцем за спину:

— У меня в салоне Кавун!...— и делает страшные выпученные глаза.

Старлей неумолимо, громко, как на параде чеканит:

— Да будь у тебя в салоне хоть гарбуза, хоть дыня, ты мне гроши давай!

— Ты не понял, Трохимэнко, в салоне больной Кавун!— почти шёпчет Борис.

— Ты чего мне мозги компостируешь?— переходит на крик старлей.

Вдруг сзади слышен басок:

— Лейтенант, подойдите сюда!

И ошалевший старлей узнаёт в лежащем сзади больном первого секретаря Житомирского обкома партии... Вытянулся во фрунт, отчеканил:

— Старший лейтенант Трохимэнко, произвожу проверку транспорта!

— Отставить, лейтенант!

— Старший лейтенант!— поправляет Трохимэнко.

— Я сказал: лейтенант! Или вы хотите, чтобы я сказал: младший лейтенант?

— Никак нет,— говорит Трохимэнко и берёт под козырёк. Борис сразу трогает с места.

Когда Борис через день снова вёз Кавуна в Киев, Трохимэнко почтительно отдал честь на расстоянии. На нём красовались новенькие погоны лейтенанта...

Так получилось, что в более поздние времена я в вытрезвитель больше не попадал, но зато попадали мои подчинённые! И это было неприятно по многим соображениям: по общепринятым представлениям, руководитель подразделения обязан воспитывать своих подчинённых и нести за их поведение дисциплинарную ответственность, другими словами, Юра или Толя попали, а я виноват! Кроме этого, нужно было «принимать меры», то есть, наказывать людей, лишать их премий, проводить «воспитательные» собрания, что было чревато увольнением работника, а ты их готовишь, обучаешь годами и, разумеется, терять не хочешь... Вот так и возникала потребность скрыть это «попадание», не допустить прихода на завод порочащей человека информации.

Делалось это непросто, ох, непросто... Получив подобную информацию, я мчался к «менталитету», с каковым уже был заранее знаком, и предлагал себя в виде жертвы: «Рвите меня на части, ешьте меня с томатным соусом...» Такие случаи были, к счастью, несчастными: всего пять раз за 23 года я ползал в ногах «менталитета». Спасало то, что они всегда были готовы помочь и чувствовали себя при этом очень добрыми и прекрасными людьми, живущими

по «советскому» принципу «Ты — мне, я — тебе». Задачи «менталитета» были разными, но в трёх случаях из пяти мне поручали устроить на завод одну из «менталитетных» жён или дочерей. На завод было не так легко попасть вообще, а попасть в чистый цех, в белый халат и на нетрудную хорошо оплачиваемую работу — вообще считалось счастьем... Для получения такого блага мне надо было быть не просто известным человеком на заводе, не просто уважаемым, а закадычным другом начальника цеха, другом на все времена! Не сомневайтесь, я был именно таким, но предпочитал, чтобы мои кадры пореже ставили меня в шекотливое положение. А там уже втихаря с ними беседуешь, грозишь, стращаешь...

Последний, пятый раз, я обратился в «менталитет», когда забрали Женю Лащука. С моим приходом знакомый мне мент радостно приветствовал меня:

— Привет, дружище, что-то давно не виделись! Как поживаешь, какие проблемы? Всё решим, не сомневайся!

Вот тут я немного приторможу: учиться, если хотите быть ментом! Надо всех называть на «ты»! В одном случае это означает, что вам скоро придёт «писец» и вас сотрут в порошок, а в другом случае, что вы отличный друг и почти приятель этого «мента милосердия»! А обращение на «вы» очень безлично, так как ни о чём не говорит...

— Да, проблемы действительно есть... Вы забрали моего большого друга. Лащук Евгений Евстафьевич... Я готов на всё, мне надо его выручить.

— Оп-па...— задумался «мой» мент.

— Понимаешь,— через некоторое время сказал он.— Дела хреновые. Не смогу помочь. Мы его почти неделю вылавливали. Он же никуда не ходил. Только на завод, а с завода — домой.

А дом — рядом. Причём неизвестно — трезвый или пьяный...

— А что, разве не видно — ну, там, по походке, по поведению? И почему устроили именно за ним охоту?

— Э... нас попросили. Можно сказать, заказ выполняли. Письмо должно было быть на заводе.

— Вот те на...— сказал я,— и кто же заказчик? КГБ, ВЦСПС или КПСС?

— Ну, нет,— откровенно рассмеялся мент.— Пожиже. Это ваш, заводской, еврей, причёска как завивкой уложена... Он нам деньги заплатил за это.

— Вот, шпана!— не выдержал я.

— Нет, не скажи... Культурно говорит, как обкомовский. С интонацией...

— Понятно...— обескуражился я. Потом немного воспрянул. — Хорошо, а если мы заплатим больше, можно ли будет отменить присылку на завод письма?

Мент задумался... Прошло минуты три. Он встал, медленно походил по кабинету. Потом повернулся ко мне:

— Прости, дружище, не смогу. Я же ведь человек порядочный!

Таким образом, я впервые ушёл ни с чем. Я шёл и размышлял, как здорово, что у нас менты порядочные! И вообще, передо мною открылась ещё одна грань слова «порядочность», о которой я ранее как-то и не подозревал...

КАМО ГРЯДЕШИ, ЖИТОМИР?

Жизнь — как рояль: клавиша белая, клавиша чёрная... крышка.

М. Жванецкий

Обедаю я в «Бистро», ем суп и котлеты с пюре. И как бы слышу издалёка голос Жени Лашука:

— Ненавижу мужиков, вопящих в таверне!

Сейчас громогласны в таверне не только мужики. Глядишь, и повышается сила голосов сопрано и контральто... Язык безобразен: он не русский, но и не украинский. Порою я не могу разобрать, что говорят. Язык этот — смесь суржика, мата и гадких непристойностей. И мне становится тошно. Мне так не хватает евреев в Житомире! Вы меня, возможно, осудите, но я любил их мягкий говор, безбрежные юморные интонации, их поведение, их культуру, их мудрость. Это были лучшие врачи в Житомире, это были лучшие музыканты, это были великолепные учителя, наподобие моего незабвенного Исаия Йосиповича Кацмана, еврея, благодаря которому я владею словом. В Западной Европе освободившиеся от евреев места были заняты непропорциональным им количеством мусульман, а в Житомире — также непропорциональным количеством сельчан, тёмной, наглой, некультурной, необразованной, жадной, вороватой прослойки... Город потерял своё прежнее лицо. И повернуть назад невозможно — ни в Испании, ни в Англии, ни в Украине. Мы перекочевали в мрачное средневековье. Я с брезгливостью обхожу кучи дерьма, наложенные в лестничной клетке моего дома, на асфальтовых дорожках между домами жилого комплекса. В советское время я такого не видел. И это по-

вторяется изо дня в день — в самом центре города Житомира! Надо с этим как-то смириться, но я не могу. Хочется поскорее умереть, чтобы не видеть всего этого... Это — второе пришествие. В первом большевиками был почти наголову уничтожен интеллигентный пласт населения. Потом за длительный период, равный почти веку, наметилась генерация нового тонкого слоя интеллигенции, но добрая половина из него перекочевала в Израиль, а ныне бескультурье вновь захлестнуло страну. Хочешь — не хочешь, а вспомнишь Арканар братьев Стругацких... Врачи не лечат — они ведут бизнес, зарабатывают. Музыканты не играют — они зарабатывают. Учителя не учат — они зарабатывают... Это страшно.

Вспоминаю, как мой дорогой друг, Альфред Грибер, музыкант и филолог по образованию, работал у меня в отделе электромузыкальных инструментов. Он парень совершенно выдающихся способностей: желая быть полезным нашему делу не только во время показа инструментов, но и в обычное время, он элементарно обучился проектированию электронных схем. При этом оказалось, что никто из нас — ни я, генератор идеи, ни мои лучшие схемотехники — не могли создать наиболее профессиональное устройство авторитета. Причина была проста — мы не владели в необходимой мере музыкальной теорией ритмических рисунков, тем более, в атмосфере постоянно меняющейся моды на рисунки ритмов. И я прекрасно осознавал, что вокруг меня никто в радиусе 5000 километров не осуществит задуманное мною.

А Алику — это сделал. Более того, он изобразил схему как положено, на чертеже, передал её нашему асу в микросхемах Яше Тененбауму, тот собрал её, проверил, и мы были в шоке: никаких погрешностей, всё работало великолепно. И эта схема один к одному вошла в но-

вейший электробаян «Эстрада-084» — чудо того времени. Оценив сделанное Аликом как трудовой подвиг, я написал начальству докладную с просьбой присвоить Алику первую категорию инженера-конструктора, что добавляло к его окладу всего(!) десятку рублей ежемесячно — тогда всё было очень скромно...

И вот, когда подошло время изменения штатного расписания, оказалось, что Алику так и остался во второй категории! Он побежал в приёмную СКТБ, где инженер-экономист Лавров, составлявший штатное расписание, сказал ему, что начальник СКТБ втихаря вычеркнул фамилию Алики из списков. Как, за что? И ему пояснили, возможно, шутя: потому что еврей. И этот приговор подписал тоже еврей Зеленогорский.

Алик в порыве негодования прибежал в отдел и сквозь слёзы кричал:

— Он жид! Он проклятый жид!

Сидя в своём кресле, я расхохотался:

— Алику, ты кого это так называешь? — это было очень непривычно, в нашей среде, где дружно сотрудничали русские, украинцы, евреи, поляки, мы никогда не пользовались такими словами!

— Зеленогорский! Он — жид натуральный. Самый паршивый из жидов!

Я не переставал хохотать. Вмешался Яша Тененбаум:

— А что, Алику правильно говорит. Жид и есть жид!

И как всегда, очень серьёзный и крайне взвешенный Лев Фукс обратился ко мне:

— Леонид Иванович, ты кое-что не понимаешь, потому и смеёшься. Ты привык, что никто у нас вокруг не употребляет такого слова. Действительно, это уже давно не принято делать. Я тебе поясню: еврей — это определение национальности. А жид — это не национальное

понятие. У нас, евреев, это просто определение гадкого, паршивого человека.

— Иваныч, это как диагноз!— пояснил дополнительно Яша Тененбаум.— И жид — это не обязательно еврей! Другое дело, что непонимающие люди поставили знак равенства — мол, еврей — тот же жид. Но это не так, на самом деле.

У меня пропал смех. Оказалось, что я даже не ведал об этой истине.

— Вот ты посмотри, Леонид Иванович,— продолжал Фукс.— Мы, евреи, бок о бок с тобой работаем почти 20 лет. Яшка, Петя, Алики... Ты ведь никогда не видел от нас предательства, подлога, подлости. Потому что мы просто нормальные евреи. А посмотри на Зеленогорского... Он съел Лашука, съел Волошина, делал попытки съесть тебя — и ещё, кстати, не вечер!— три года мы потеряли в развитии отдела благодаря ему... Вот и Алику напакостил... Кто же он? Конечно, жид!

— Да-да-да! Жид натуральный!— не удержалась от комментария машинистка Жанна Аксельрод, «девушка» постбальзаковского возраста.

— Жанночка, пожалуйста, помалкивай, когда говорят старшие по возрасту!— приказал Лев Фукс. Жанна закрыла свой рот ладошкой и округлила глаза. У неё тоже были счеты к Зеленогорскому. Он выгнал её из секретарш СКТБ...

А вот и финал этой истории. Я тогда уже был в Иркутске. Перестройка ещё не завершилась. И мне сообщили, что доктор технических наук, начальник СКТБ Зеленогорский с позором изгнан с завода «Электроизмеритель» и уехал куда-то в Россию. Надо же! Не в Израиль уехал, в Россию! Никак, в Израиле таких субъектов видят издали...

Суть дела такова. Завод выпускал изделие «Энергия», которое лично усовершенствовал

доктор наук Зеленогорский, применивший там личное запатентованное должным образом изобретение, повышавшее эффективность прибора и экономившее колоссальные средства электроэнергии в промышленности, за что изобретатель получил огромные денежные средства. Но на заводе нашлись два настройщика приборов (один из них Ростислав Мелешко, это я помню), которые приволокли опломбированное изделие «Энергия» в партком и в присутствии экспертов показали, что та часть электронной схемы изделия, в которой находилось заявленное изобретение доктора технических наук, не работала, так как была специально схемно обесточена. А ежели к ней всё же подвести ток, то она всё равно работать не сможет, потому что изобретение является грубой фикцией...

И вспомнил я тогда ещё одного заводского изобретателя, кандидата технических наук Маслакова, (кстати, конкурента Зеленогорского), который при посредстве главного инженера завода Сабанеева заставил меня спроектировать и наладить выпуск изобретённого им шумоподавителя, который я саркастически назвал «Эпизод», надеясь, что действительно это изделие окажется лишь эпизодом в нашей жизни. Но изобретатели получили все положенные им суммы. Отличительным признаком новизны согласно формуле изобретения оказался резистор, включённый в схеме шумоподавителя между эмиттером и базой центрального транзистора шумоподавителя. Добавлю: Маслаков персонально потребовал установить этот резистор величиною 4,7 мегаома — это огромная величина сопротивления, что совершенно исключало какую-либо связь между эмиттером и базой злополучного транзистора! Можно запросто считать в сравнительном плане, что резистора там не было вообще! А, значит, и не было изобретения...

Так что ещё раз напомним нашим читателям, что в Житомире всегда было очень много талантливых людей, и талантливых по любым направлениям!

Вернёмся, однако, к нашему родному городу и неньке милой — Украине. Хочется — о хорошем. Но хорошего мало...

Не хочу о политике. Это грязное дело мне противно. По моим наблюдениям, по сведениям, почерпнутым из Интернета, власть озабочена только одним делом — как побольше отобрать денег у народа и набить свои карманы, э-э-э... простите, офшоры.

Поговорил бы с удовольствием о промышленности... Но её-то нет — и говорить не о чём, разве только в прошедшем времени. Не хочется даже вспоминать это ужасное лицо «отца всех народов» товарища Сталина, умудрившегося уничтожить миллионы обычных людей в системе ГУЛага, сравнившись по кровожадности с фашистами Гитлера... Но именно он железной волею своей провёл в СССР индустриализацию, благодаря которой мы и смогли выстоять в смертельной схватке с фашизмом, а к окончанию Отечественной войны 1941–1945 гг. СССР по военному и промышленному потенциалу сравнялся с лидерами капиталистического мира. Трудно представить себе последствия этой войны, если бы у нас не было промышленности. И в послевоенное время продолжалось её развитие, позволившее осваивать космос и иметь военный паритет в мире. Конечно, развитие общества явно требовало соответствующей модернизации и смены политического строя, но не таким же варварским путём, которым мы пошли, уничтожив, прежде всего, свою промышленность! Как вспомню, так вздрогну: на добром десятке житомирских промышленных предприятий станки и оборудование, десятками лет приобретавшиеся за валюту, были по-

просту разворованы или сданы в металлолом, а конструкторская и технологическая документация, наработанная за годы советской власти большими усилиями и за огромные деньги, была сожжена или сдана в макулатуру, здания проданы под банки или магазины... Это была совершенно уникальная операция варварского уничтожения ценностей, которой ещё не знала история, если оценить её масштабы пределами огромной страны — СССР! Как мы могли это допустить и принимать в этом деятельное участие, осознавая себя умными людьми — вот вопрос, на который я не знаю ответа. Ответа, который в принципе должен уничтожить всё наше самоуважение! Только не верьте тем, кто попытается убедить вас в том, что оборудование было устаревшим и непригодным. Это ничемная попытка оправдать свои разрушительные действия! Заводы на тот момент работали, оборудование ежегодно планово обновлялось. Существовали ремонтные цеха, цеха автоматизации и механизации, которые планово ремонтировали устаревшее оборудование и создавали новые специальные станки, в том числе и с программным управлением. Большинство станков могло бы функционировать и сейчас, через почти 20 лет после 1991 года! Произошло ужасное событие, подобное войне, на которой разбомбили все наши заводы, причём, самое страшное и необъяснимое в том, что мы это сделали своими руками!

Единственное обширное занятие нашего населения ныне — торговля. И это — тоже к несчастью! Потому что талантливые житомирцы придумали и используют все средства, чтобы угробить друг друга, зарабатывая при этом максимум денежек. Что я ни куплю на Житнем рынке из съестного — вечно невпопад! Взял котлеты-полуфабрикат, пожарил, съел — отравился, четыре дня приходил в себя. Да если бы

сам, так дёрнуло меня дочь пригласить к этим котлетам! И у неё кризис продолжался 4 дня. Ну, хорошо, отречёмся от мясного. Но овощи и фрукты ещё страшнее оказались. Ишь, старый дед, помидорку захотел! Съел с хлебом, с маслом, с солью — два дня поносил... Такой же эффект от пяти абрикосин. То же самое от черемши, выращенной в Бердичеве. То же самое — от яблока и огурца. Да в чём же дело? Неужели так организм изнашивается, что ничего не приемлет?

А разгадка оказалась очень простой, хотя и не очевидной.

Я же писака. А писаки — они любопытны. Вот так ходишь и спрашиваешь людей, а они что-то отвечают. Накапливаешь эти сведения, сравниваешь, думаешь. И что-то, глядишь, и проясняется.

Живу-то я на Хлебной улице. А во дворах моего квартала полным полно металлических контейнеров, служащих торговым бизнесменам складами. Там хранится всё, чем на Житнем торгуют. Раненько утречком глянешь — а подсобники на колёсных тележках везут на рынок всё, что душа пожелает: картофель, капусту, помидоры, огурцы, апельсины, мандарины, яблоки... вай-вай, не перечислишь. И думаешь, откуда красота такая? Всё красивое и свеженькое, как будто эти контейнеры не стоят под палящим солнцем, когда на улице +36 градусов в тени... Это же искусство — так сохранять овощи и фрукты, чтоб всё было с иголочки, несмотря на капризы погоды и покупателей!

Ну и решил я добыть сведения. Подсобники — народ всё же информированный, потому что во всю в черновой работе помогают своим хозяевам. И простой это народ, водку пьющий... Вот и подход. Убейте, но я не скажу, у кого и как узнавал. Дело это серьёзное. Но один забулдыжник, выпив, сказал мне, что «уколы» они

делают «дезодорантом»... Я понял, что речь идёт о консервантах. Словом, с помощью шприца и иглы в овощи и фрукты вводятся консерванты, потому что торгашам надоело нести убытки из-за порчи продуктов. Теперь я храбро покупаю виноград и черешню — слишком мелкая это штука, чтоб колоть каждую ягодку... А вот то, что покрупнее — обхожу стороной. Причём всё это началось не так давно — года 2-3, как наценка консервантами стала почти повсеместной. Помню, в преддверии Нового года купил четыре крупных апельсина — по одному для дочери, её мамы и внука. Ну, и один сам решил употребить. Ага. Вы поняли, что случилось. После этого я не решился оставшихся три плода отдать родным, чтоб ещё пожили маленько... Так и лежали они у меня в холодильнике внизу с января по июль: три крупных плода по качеству и виду — ну вот только с рынка! И съесть нельзя, и выбросить жалко! Ну, история эта детективная, но хотелось бы знать, а чем занимаются органы санитарного контроля? Ведь химический анализ мгновенно покажет вопиющее нарушение в торговле, которое стало повсеместным и от которого обычные люди страдают! Но всем это «до лампочки».

Да-с... Всего лишь старческое брюзжание... Сейчас окажется, что нет в стандартах никаких запретов на применение консервантов. А также другой химии, вредной по сути, но улучшающей вкус продуктов...

Но не только использованием химии уничтожаем мы собственное население. В советское время испортившиеся продукты мы просто списывали — это легко было делать за государственный счёт. А сейчас списание и уничтожение пропавшего товара невыгодно. И все усилия торгующего ума ныне направлены на изобретение разных хитростей, как продать просроченное, сгнившее и заветрявшееся. И об этих изоб-

ретённых хитростях подробно рассказывает программа ОРТ под рубрикой «Среда обитания». Там много всяческих уловок: отмывание старой рыбы, перенаклейка даты годности, мошенничество с ценниками, где указана стоимость ниже той, которая занесена в кассовый аппарат, и прочее...

Нельзя забыть и о домашних предпринимателях, которые варят самогон, наполняя им фирменную тару от водки и коньяков. При этом подделка производится так искусно, что только после употребления «ихнего злого зелья» можно определить, что ты купил обычный «шмордяк», от чего и болеешь. Нет такого ликёро-водочного отдела, который бы не имел дела с подобного рода «предпринимателями»...

А вот медицинская история, которая могла бы послужить комическим сюжетом, если бы не была настолько трагичной для меня. Дочь моя уже более полугода болеет, и до сих пор не известен диагноз и нет лечения. Предполагают, что после перенесённого зимою гриппа у неё возникло какое-то осложнение: время от времени возникают приступообразные судороги рук, ног и лица, как будто не хватает органам кровоснабжения. Это очень тяжело, болезненно; она полностью лишена возможности работать и зарабатывать. Ей 46 лет, а у нас, стариков, с её мамой только пенсия — все доходы. И нужно платить коммунальные, плюс расходы на «старческие лекарства» и прочее. Да и кушать тоже приходится... Естественно — обращаемся к врачам, нам выписывают громадный арсенал анализов, в том числе довольно дорогостоящие обследования типа томографии. Один специальный анализ крови ныне стоит 190 гривен! Ну вот, потратив по сути всю пенсию вдвоём, мы собрали наконец анализы. Врач по сумме этих анализов направляет в больницу. Но в больнице тоже надо платить и поку-

пать назначенные лекарства. А деньги появляются только в следующую пенсию — месяц без малого надо ждать. Больница откладывается из-за отсутствия средств. Наконец, получаем пенсию — бегом в больницу! Но оттуда отлуп: ваши анализы устарели! Всё нужно пройти сначала! Смех и грех — все анализы проходим сызнова, но опять денег на лечение уже не хватает... Вот так и кормим медицину, ничего не получая взамен... Пробуем всякие «дикие» методы лечения: находим по подсказкам великолепного врача, стыкуемся, начинаем лечение, выплачивая потихоньку занятые у друзей денежки. Проходит почти месяц «кормёжки» этого врача, и снова затруднение: она лечит, но болезнь не лечится. Врач сдаётся, пасует, рекомендует обратиться к другим врачам, но деньги при этом не возвращает (естественно!). Вот так и мыкаемся в дефиците, а дочери становится всё хуже... И никакого выхода мы не видим...

Наконец, повезло! За лечение берётся отличный врач, который гарантирует результат. После месячного введения дорогостоящих препаратов, вызывающих постоянную сонливость, после всяких таблеток возникает впечатление, что с болезнью покончено. Хочется кричать «ура» и бросать в воздух чепчики... Курс лечения окончен, по нашей просьбе врач пишет заключение. И, о чудо, в бумаге даже заполнена графа «диагноз»! Правда, стоит там трёхзначное число; на наш вопрос врач отвечает, что это кодовая шифровка заболевания. Ищем везде, в том числе, в Интернете. И находим... Оказывается, код этот обозначает: «Другие заболевания, не вошедшие в вышеизложенный список». Следовательно, нас опять обвели вокруг пальца спецы от медицины. Они по-прежнему не знают диагноза, но лечат... Простите, мне кажется, что это преступно — лечить от того, не знаю сам от чего... Ведь почти все

лекарства ныне имеют противопоказания: таким образом, неграмотным лечением при отсутствующем диагнозе врач рискует нанести пациенту непоправимый вред... Прошли несколько дней эйфории... У дочери снова ухудшение... Восемь месяцев уже продолжается это чепухолечение. Ну, что можно сказать о врачах в нашем случае?

Куда же ты катишься, мой родной Житомир?

Пусть так... Нам, старикам, осталось совсем мало жить... И нет сил бороться с описанными страшными явлениями. Но вы, друзья мои молодые, которым от 20 до 50 — самый активный возраст! — неужели вы сдадитесь бизнесменам-отравителям, этой страшной системе обучения и медицины? Если судить по форуму — то вам палец в рот не клади — откусите по локоты! А какие вы в настоящей жизни? Сможете ли поставить запрет выращиванию искусственных поросят за три месяца? Сумеете ли покончить с накалыванием химией продуктов питания? Справитесь ли с отравителями населения ради денег? Запретите ли продавать обычную хлорированную воду из-под крана как питьевую в красивых этикетках по цене бензина? Я вас к этому призываю. Помните, что ваша жизнь и жизнь ваших детей и внуков — в ваших руках...

Что же касается политики, то в условиях демократии неприменимы ни вилы, ни косы, ни оружие. Должны работать только ваши умы. Надо научиться думать и делать правильный выбор. В нашей истории было много гадких политиков. Но нельзя их вину перекладывать на родственные нам народы — русских и белорусов. И тогда всё будет хорошо.

АЛЬФРЕД ГРИБЕР И НАШИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Вопрос из зала:

— А из каких комплектующих изделий вот вы, житомиряне, делаете свои электробаяны?

Ответ Федорчука Л.И.:

— Житомир, как вы знаете, расположен в Полесье.

И нам удобнее всего — из полесской картошки!

*Реальная цитата
с пресс-конференции*

В этой книге я много писал о своём друге Алике. Он в своей жизни повидал такое, что несколько моих комплиментов в его адрес абсолютно не способны вскружить ему голову. Как, впрочем, и его позитивы, направленные в мой адрес, совершенно не изменяют меня. Но в этой последней главе своего повествования, передавая ему эстафету рассказов об электромузыке, я должен внести некоторую ясность относительно нашего длительного сосуществования, как некоего творческого дуэта, для того, чтобы было понятно, почему в его рассказах я почти постоянно рядом, а если не я, то кто-то из наших опытных ребят всегда ему помогают охмурять своей музыкой самых красивых девочек СССР. Тому есть несколько важных причин, о которых я и собираюсь вам рассказать.

С первого дня, когда только зазвучал первый эстрадин, было ясно, что работать дальше без профессионального музыканта мы не сможем. Так уж получилось, что с момента моего рождения, перед Великой Отечественной войной, никому в голову не приходило обучать меня

музыкальной грамоте. А когда звучание забугорного электрооргана встряхнуло и перевернуло всё моё существо, мне было около 18 лет, и оставалось только сожалеть о том, что я не владею ни гитарой, ни клавишами. И было понятно, что я этому никогда не научусь, хотя теоретически я одолел по книгам музыкальную теорию, гармонию и полифонию, мелодику и композицию, учение о метре и ритме, но мои пальцы оставались совершенно несмышлёнными. Мне часто снилось, что я играю и даже сочиняю музыку, но это были только сны. Видимо, это слишком много для одного человека — стать сразу и образцовым конструктором эстрадинов, и образцовым музыкантом. В феврале 1964 года мне было только 23 года, но это уже слишком много для Моцарта, музицировавшего с четырёх лет.

Оставалось только искать музыканта, который вдохнёт жизнь в мои электронные творения. Поиски эти велись постоянно на протяжении пяти лет. У нас появился Лев Вайнштейн, который, скажем так, был слишком стар для этой юной профессии и не очень к ней тяготел, потом явилась дева Вероника Горбаченко, которая немного поработала у нас, потом были ещё и ещё кандидаты, фамилий которых я не буду называть — они все меня не устраивали. Если бы я не был атеистом, то написал бы так: «Господь, как настоящий меломан, мне помог, определив меня творцом инструментов и дав мне великую чувствительность в позвоночнике, по которому всегда будет идти благородный мороз, если я буду слышать сверхталантливое исполнение музыки. Он послал мне талантливого представителя своего возлюбленного народа, который будет моим постоянным спутником во всех наших поисках и свершениях». Но я напишу так: волею случая из города Гурьева, что у чёрта на куличках, вдруг явился

в город Житомир юный Алик Грибер, послушав игру которого, я почувствовал холодок в спине, как бывало иногда, когда я слышал симфонии Моцарта и сонаты Бетховена, и решил я тогда никогда с ним не расставаться, пока будет жить моё стремление совершенствовать эстрадины. Это была первая причина, по которой я должен был быть вместе с Аликом. Когда играли на эстрадах другие музыканты, я непроизвольно морщился или кривил губы. А вот Алик, наверное, никогда не вспомнит такого моего выражения лица. Я всегда слушал его с благоговением, считая, что мне просто очень повезло в жизни.

Вторая причина более прозаична: уже первая попытка «выезда в люди», описанная мною в предыдущей части этой книги (глава «Космодромисты»), дала мне понимание того, что наши экспериментальные образцы могут быть несовершенными, и нужна профессиональная страховка неожиданных моментов отказа, особенно в ответственных случаях демонстрации новых инструментов. В процессе производства инструменты испытываются и постоянно дорабатываются, так что надёжность их возрастает, но даже и серийные образцы вполне могут отказать по третьей причине, о которой я расскажу ниже. Ну, а мы должны были показывать и рекламировать новые инструменты, иногда опытные образцы, изготовленные порою без необходимой оснастки и собранные, как говорят, «на коленке», по принципу «абы трымалось», то есть, не заводскую продукцию, прошедшую строгую проверку ОТК. Ну, как я мог бросить своего родного музыканта, оставив один на один с возможной поломкой? Нет, я был рядом, и был надёжен, как паяльник, отвёртка и пассатижи в моём походном чемоданчике. А чтобы быстро отремонтировать опытный образец, его нужно было знать настолько хорошо,

что иногда это доступно только его создателю, протащившему его неоднократно через свои мышцы, пальцы, мысли и нервы.

А третья причина была самой страшной и коварной, потому что мы как конструкторы, устранить её не могли, не покинув СССР. Как-то недавно мне приснился кошмарный сон: меня вызывает главный инженер и требует перевести всю музыку на транзисторы П13 вместо МП40... И я просыпаюсь, обливаясь холодным потом; понимаю, что это был сон, но долго не могу прийти в себя... Это самая острая боль моих воспоминаний: видеть и знать, что можно сделать лучше, но продолжать делать посредственно... И понимать, что у тебя просто нет иного выхода.

А всё происходило вот из-за чего: на товары культбыта не давали комплектации, которая положена была на военные изделия. Вернее, всё было так: тебе нужен диод, который запланирован только на военную продукцию. Добейся, докажи, что это перспективно — и дадут. Но чаще всего, когда речь шла о сотнях таких наименований, то и ездить, и доказывать было нерентабельно — всё равно не дадут. А это значит, что обходиться надо было только второсортной продукцией. Соотношение было простое: на культбыт шло всё то, что не потребляла спецпродукция военных ведомств. А она не потребляла только того, что было никому не нужно.

Мы начинали делать ЭМИ в 1964 году. Тогда даже учебники по радиотехнике, усилительной технике и электронной технике не содержали электронных схем на транзисторах — всё было на электронных лампах. Переходный период. Конечно, мы с Волошиным понимали, что глупо делать на лампах — габариты, питание — кошмар, всё равно придётся переходить на транзисторы. Но первые германиевые тран-

зисторы в СССР были похожи на бабушкину лотерею — параметры их разнились так, что предвидеть нормальную работу какого-то из них даже в простом режиме переключения было невозможно. А когда речь шла о колебаниях температурного режима, то предусмотреть, что у тебя откажет на жаре или в холоде — было вообще невозможно. А мы должны были гарантировать чёткую работу ЭМИ в любых условиях, от минус 10 до плюс 45 градусов Цельсия, пока пальцы ещё могут нажимать на клавиши.

Почему это происходило? Элементарно: полупроводниковые технологии требовали не то, что высокой степени чистоты при своём производстве, они требовали высочайшей степени чистоты, исчисляемой на атомы возможных примесей. На некоторых конвейерах полупроводниковых предприятий работали только девственные молоденькие девушки в условиях искусственного климата, созданного специальными громадными станциями поддержания чистоты. Но в начале процесса перехода на транзисторы поддерживать с большой точностью необходимые условия не все умели и могли, да и наша ментальность ковыряния в носу была просто непреодолимой. И разные заводы выдавали совершенно разную продукцию: что лучше было — шло в оборонную промышленность, а всякое несуразное — для обыкновенных изделий. Вот и Николай Иванович вспоминал, когда возникла настоящая проблема на молодом заводе: приборы выпрямительной системы почти все по погрешности выходили за рамки допустимого, и виной были поставляемые нам полупроводниковые диоды с завышенными значениями обратного тока.

Но если в заводском приборе было только два диода, в карманном приёмнике — 5–6 полупроводниковых триодов, в качественном при-

ёмнике — 12–15 транзисторов, в телевизионном приёмнике — 20–30, то в эстрадине полупроводниковых приборов иногда насчитывалось более тысячи. И какой из этой тысячи и когда себя проявит негативно, зависело в основном от производителя этих полупроводников. Поскольку нам доставалась только некачественная часть производимых изделий, то и риск ненадёжной работы эстрадинов был чрезвычайно высок. Многие транзисторы буквально «плавали» по параметрам, могли изменить их через полугодие или больше, иначе говоря, мы всегда чувствовали себя неуверенно и не знали, каким образом можно поправить ситуацию. Иногда были доступными и хорошие диоды и транзисторы, но они были слишком дорогими, превышая все рассчитанные допустимые цены наших изделий.

Однажды, с целью вывода нашего направления на новые рубежи, Минприбор приобрёл нам в Италии электроорган фирмы «Фарфиза». Он по железной дороге проследовал от Анконы (Италия) до Москвы, затем из Москвы до Житомира. Мы его установили у себя в отделе, включили. Оказалось, он работает как новенький — никаких последствий от транспортировки не было. Функционировали все узлы. Схемные решения нас почти не интересовали — до всего мы уже давно сами додумались.

Больше всего меня интересовали комплектующие изделия. Выпаивали из плат и проверяли диоды и транзисторы. Это были миниатюрные отличные кремниевые изделия с минимальным разбросом параметров. Полно специализированных микросхем с маркировкой Голландии, Англии, США, Швейцарии, Франции. Нам до этого было как до неба... Предмет острой зависти. И ещё одно: на отделку использовались материалы, о которых мы могли только мечтать. Одна клавиатура и переключатели

чего стоили: всё из этрола с фантастическим глянцем поверхностей... Ребята, у нас этого ничего не было! Даже просто хорошей радиоткани! Мы не могли по качеству не то, что соперничать, стыдно было смотреть на наши изделия, поставив их рядом с «Фарфизой»...

Мысль наша опережала итальянцев. А реальность опускала нас на то место, которого заслуживала наша страна. И здесь мы были бессильны...

А Альфред садился за «Фарфизу» и играл. У меня шёл мороз по спине. Но не так сильно, как при звучании нашего электробаяна. Вот и Алик поворачивал ко мне лицо, улыбался и говорил:

— Иванович, ведь у нас всё звучит-то лучше! Ну и что, что баян старый и клавиатура задрипанная? Но звучит выразительнее! Веселее смотри, Иванович! Мы тоже чего-то стоим! Мы ещё много чего сделаем и переплюнем проклятых капиталистов! Мы их уже во многом переплюнули!

А что? Ведь он верно говорил, наш Алик! Мы были ещё молоды и верили в свою житомирскую звезду! Я глядел в глаза своим сотрудникам, обступившим нас. И тоже видел в них жажду и веру. Жажду сделать лучше и веру, что мы сообщаем это сумеем!

Потому, что важна не сама жизнь, а её содержание...

С нашими баянами и другими ЭМИ с «Электроизмерителя» не получилось не потому, что их не рекламировали хорошие музыканты. Альфред тогда был одним из лучших. Вся наша продукция продавалась и покупалась, и кормила всё производственное объединение. Это не получилось потому, что СССР и вся его промышленность рухнули в одночасье в 1991 году. Именно в этом и состоит огромная трагедия нашего поколения, которому не дали завершить

начатое и передать эстафету своим детям и внукам, т.е., вам. Потому мы и пишем об этом — это наши слёзы на похоронах того, что могло бы жить и процветать... Я думаю, умные наши житомирцы поймут это... и снимут шляпы...

Полагаете, приятно сидеть на пепелище того, во что вложена вся сознательная жизнь?.. И сознавать, что это утеряно, по сути, безвозвратно?.. И что лучшие из нас уже умерли, а мы на пороге?.. И что скрытно в нас живёт надежда, как кто-то из земляков наших вернёт Житомиру славу первого в огромной стране города, создающего волшебные звуки?... Иначе — зачем бы нам об этом писать? Или нам за это деньги платят? А не мы тратим время и силы на то, чтобы достучаться до вас? И тратим денежки из утлой пенсии, чтобы отредактировать и произвести корректуру своей писанины? И издать эту лебединую песню?

И вы думаете, к кому обращены слова моего стихотворения «Костёр», завершающего первую книгу?

А рано утром тихо сам угасну,
Осыпавшись золой, тепло своё губя...
Но не печальтесь: я был очень счастлив,
Отдать другим до искорки себя.

Но и бывало так: огня боятся тыщи,
Неблагодарною растоптан я ногой.
От огорченья на седых моих кострищах
Не вырастет трава. Годами — ничего...

Но среди вас всегда один найдётся,
Кто трепетно хранит к огню свою любовь,
И спичка к коробку когда-то прикоснётся —
Из пепла я, как Феникс, встану вновь!

Да, друзья мои читатели, я отдаю вам эти книги как символический коробок спичек. Сейчас реально осуществить то, к чему мы только

подбирались: компьютерные технологии позволяют это сделать — не схемное, а программное проектирование ЭМИ. Существуют мощнейшие процессоры, любые микросхемы. Вам не надо будет работать на отходах производства слабо развитой страны. Доступны любые отделочные материалы. Конечно, начать — это очень сложно в нынешних условиях, но перед вами пример реального: сумел же простой житомирский парень однажды осуществить свою мечту?

Такова судьба нашего поколения. С этим ничего не поделаешь. Но я всё же чувствую себя человеком со счастливой судьбой. Мне очень повезло. Я всегда занимался тем, чем я хотел, и эти занятия всегда приносили мне радость. Я был инженером-конструктором и всегда испытывал огромное удовлетворение от результатов своей работы. И другие мои занятия были творческими и нужными людям. На сломе общественных систем я был бизнесменом, потом — программистом. Чуть позже я почти десяток лет работал сканвордистом, и это тоже была непростая и творческая деятельность. Теперь мне за семьдесят, но я не сижу без дела, я пишу книги, надеюсь, что и они будут интересны и полезны людям. Вокруг меня всегда были хорошие и добрые люди, которых я люблю и помню. А это — главное. Ещё раз повторю вам свою «центровую» формулу, чтобы вы её лучше запомнили:

Важна не сама жизнь, а её содержание!

А теперь я передам слово Альфреду, своему старому соратнику. Пусть он расскажет вам то, что сам видел и чувствовал. Путь наш всё же был долгим, сложным и интересным...

Гений — это человек, который прекрасно знает, что у него талант, но, тем не менее, он продолжает работать в лаборатории электромузыкальных инструментов ПО «Электроизмеритель».

**Альфред Грибер
ЭСТРАДИНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ**

ДОМ КУЛЬТУРЫ ИЛИ ЗАВОДСКОЙ КЛУБ?

29 ноября 1968 года мы отпраздновали мамин 45-й день рождения. Мне трудно даже было представить, что моей любимой маме «стукнуло» 45 лет. Передо мной была молодая красивая женщина, которую я знал всю жизнь и с которой делил все радости и трудности. Мама всегда была мне лучшим другом и добрым советчиком. Как хорошо, что три года разлуки уже прошли, и мы снова все вместе отпраздновали мамин юбилей.

А 30 ноября я приступил к работе в Житомирском городском Доме культуры в качестве концертмейстера и руководителя музыкального кружка по классу баяна.

Утром директор ДК Захар Давыдович Гурвич представил меня художественному руководителю ДК Михаилу Некричу, а затем показал мою рабочую комнату. В ней стояли фортепиано, письменный стол, стулья, книжный шкаф. Завхоз ДК Виктор выдал мне два баяна.

Первый трудовой день начался. Я сразу же обзвонил всех потенциальных учеников по классу баяна, которые были записаны в книге дежурного по ДК, и назначил им встречу. А потом Михаил Некрич познакомил меня с моими обязанностями как концертмейстера.

Полдня пролетело незаметно, и я отправился домой обедать. Но на 4 часа дня у меня уже была назначена встреча с певицей Людмилой Симбирцевой.

Первая репетиция произвела на меня очень приятное впечатление, потому что у Людмилы оказался великолепный голос народного плана, типа Ольги Воронец или Людмилы Зыкиной. Мы сразу нашли с ней общий профессиональный язык, прорепетировали целый ряд песен из её репертуара, поговорили о жизни. Через пару часов мы уже расставались друзьями.

Не буду описывать подробно все перипетии первого рабочего дня в ДК. Скажу только, что он удался. А дальше пошли чередой следующие дни, заполненные уроками, занятиями, репетициями, новогодними утренниками и, конечно, концертами. Постепенно стали завязываться знакомства и налаживаться связи в музыкальных кругах Житомира.

Как-то в начале апреля 1969 года дежурный по ДК позвал меня к телефону, сообщив по дороге, что звонок от женщины. Заинтригованный, я поспешил вниз, в дежурку.

— Алло!— произнёс я, поднеся трубку к уху.
— Здравствуйте, Альфред!— услышал я в ответ незнакомый женский голос.

— Добрый день!— ответил я.

— Меня зовут Наталья Петровна,— продолжал женский голос,— я заведующая клубом завода «Электроизмеритель». Председатель нашего завкома профсоюзов Георгий Николаевич Невмержицкий поручил мне пригласить Вас к нам в гости. Вы согласны посетить наш завод, так сказать, с дружеским визитом?

— Спасибо большое, конечно, за приглашение, но это как-то неожиданно. А откуда Вы меня знаете?

— Нам рассказали о Вас как о хорошем музыканте. Мы бы хотели встретиться с Вами, поговорить, посоветоваться и обсудить кое-какие вопросы. Когда Вы сможете прийти к нам?

Я мысленно перебрал в уме все свои уроки, занятия, репетиции и назвал приемлемую для меня дату встречи.

— Хорошо,— ответила Наталья Петровна,— я буду ждать Вас на проходной завода.

Мы попрощались, и я положил трубку. В голове вертелись вопросы, но ответы я не мог найти. Оставалось только дожидаться встречи, чтобы хоть что-нибудь прояснить. В установленный день и час я подходил к проходной завода на улице Котовского. Навстречу мне устремилась сравнительно молодая женщина среднего роста.

— Здравствуйте, Альфред! Я Наталья Петровна Лавренчук. Мы с Вами разговаривали по телефону.

— Здравствуйте, Наталья Петровна!

— Председатель завкома уже ждёт Вас. Дайте мне свой паспорт. Я оформлю Вам пропуск.

Я протянул Наталье Петровне свой паспорт, и она зашла в проходную завода. Я последовал за ней.

Уладив все формальности с пропуском, Наталья Петровна повела меня по коридору заводоуправления. Вскоре мы остановились у кабинета, на двери которого висела табличка: «Заводской комитет профсоюзов».

Наталья Петровна открыла дверь, вошла в кабинет и, придерживая дверь рукой, произнесла:

— Заходите, пожалуйста!

— Спасибо,— ответил я и вошёл в кабинет.

Из-за большого стола поднялся мужчина и пошёл мне навстречу, протягивая руку для приветствия.

— Здравствуйте, Альфред ..... — замялся он.

— Михайлович,— подсказал я.

— Да-да, Альфред Михайлович. Очень приятно. Меня зовут Георгий Николаевич. Давно хочу познакомиться с Вами. Мне Вас Наталья Петровна так нахваливала.

Заметив моё недоуменное выражение лица, Георгий Николаевич поспешил добавить:

— Это со слов её знакомых музыкантов. Они ей все уши прожужжали, что в городском Доме культуры появился молодой талантливый музыкант, который играет и на баяне, и на аккордеоне, и на фортепиано. Прошу Вас, присаживайтесь!

После того как мы расселись вокруг большого стола, Георгий Николаевич спросил меня:

— А как давно Вы приехали в Житомир и откуда?

— Вообще-то я житомирянин. Здесь прошло моё детство, здесь живут мои родные. Правда, мы с мамой в 1956 году уехали на целину в Казахстан. Там я окончил музыкальную школу, музыкальное училище и Заочный Народный Университет Искусств в Москве. Там я работал и музыкальным работником детского сада, и учителем пения в школе, и руководителем художественной самодеятельности, и главным концертмейстером Ансамбля песни и танца. В 1965 году я ушёл в армию. И там музыка мне пригодилась. А в ноябре прошлого года я демобилизовался и вернулся сюда в Житомир, на свою родину.

— Несмотря на Ваш молодой возраст, у Вас довольно-таки обширная биография,— удивился Георгий Николаевич.

— И 8 лет трудового стажа,— добавил я.

— Подождите, сколько же Вам было лет, когда Вы начали работать?

— 15 лет,— улыбнулся я.— И первой моей работой было руководство художественной самодеятельностью клуба железнодорожников.

— Так почему же Вам сейчас снова не возвратиться к этой работе?— воскликнул мой собеседник.— У нас на заводе есть свой клуб, директором которого является наша уважаемая Наталья Петровна. А ей позарез нужен художественный руководитель, такой, как Вы. Сколько можно работать концертмейстером в Доме культуры?

— Я всего 4 месяца работаю там,— ответил я.

— Ну и хватит,— вступила в разговор Наталья Петровна.— Вы же художественный руководитель, а не просто концертмейстер. Вам нужен простор для Вашей деятельности. А у нас здесь в этом плане большие перспективы. На заводе трудятся несколько тысяч людей. Среди них много талантов, которые только и ждут, чтобы их открыли. Кому же, как не Вам, как говорится, и карты в руки? К тому же, зарплата художественного руководителя несколько выше зарплаты концертмейстера.

— Ваше предложение совершенно неожиданно для меня,— произнёс я нерешительно.— Мне нужно подумать.

— Конечно, подумайте. У вас есть впереди две недели для принятия решения,— сказал Георгий Николаевич.

— Какие две недели?— не понял я.

— Как какие? Ведь по закону перед увольнением Вы должны отработать две недели. Вот Вам и время для обдумывания нашего предложения,— убедительно произнёс Георгий Николаевич.— А через две недели я жду Ваше заявление о приёме к нам на работу художественным руководителем клуба.

Прощавшись с Георгием Николаевичем, я в сопровождении Натальи Петровны вышел из кабинета завкома профсоюзов. Проводив меня до проходной, заведующая клубом сказала на прощание:

— Примите правильное решение и соглашайтесь с нашим предложением. Вам здесь будет хорошо работать. Я уверена, что мы с Вами сработаемся. Я позвоню вам через пару дней. Хорошо?

— Хорошо,— ответил я.— Будьте здоровы, Наталья Петровна! И до встречи!

С этими словами я вышел из проходной завода «Электроизмеритель» на улицу Котовского. Солнечный апрельский день как бы поддерживал то хорошее настроение, которое создавалось у меня во время только что закончившегося разговора.

«А действительно,— думал я,— мои сегодняшние собеседники правы. Быть художественным руководителем лучше, чем концертмейстером. Нужно использовать эту новую открывшуюся возможность для своего профессионального роста. Да и более высокая зарплата мне не повредит».

Я взвесил все «за» и «против». Так что пока я дошёл до дома, решение моё, можно сказать, созрело. Вечером я рассказал маме и бабушке о своём визите на завод и разговоре в завкоме профсоюзов. Они поддержали моё решение о переходе на работу в заводской клуб. На следующий день утром я отправился на работу в ДК. Первым делом зашёл к Захару Давыдовичу и рассказал ему о сделанном мне предложении. Я объяснил ему своё решение, и, как мне показалось, он отнёсся к этому с пониманием.

— Я понимаю, что ты должен расти и делать карьеру,— сказал Захар Давыдович.— Но уверен, что мы с тобой ещё будем много раз встречаться.

Через две недели я заключил трудовой договор с завкомом профсоюза завода «Электроизмеритель» об исполнении обязанностей художественного руководителя с почасовой оплатой.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ЭЛЕКТРОМУЗЫКЕ

В первый же день моей новой работы в качестве художественного руководителя клуба завода «Электроизмеритель» я подключился к подготовке праздничного первомайского концерта. Времени на раскачку не было, так как до торжественного вечера, посвящённого празднику, оставалась всего неделя. И здесь мне пригодился мой богатый опыт концертмейстера.

Все последующие дни в течение недели были заполнены репетициями. К счастью, мне удалось установить профессиональные контакты с участниками художественной самодеятельности завода. Нашими общими усилиями концерт к назначенному сроку был подготовлен.

Мой дебют как художественного руководителя на сцене заводского клуба прошёл, как мне показалось, успешно. После концерта, во время разбора полётов, я услышал много приятных слов в свой адрес от разных людей.

Больше всех были довольны заведующая клубом Наталья Петровна Лавренчук и председатель завкома Георгий Николаевич Невмержицкий. Ведь приглашая меня на работу, они в какой-то мере рисковали. Поэтому я был рад, что не разочаровал их.

Первомайские праздники длились в этом году аж четыре дня, потому что 3-е и 4-е мая выпали как раз на субботу и воскресенье. Но так уж заведено в нашем мире, что праздники рано или поздно заканчиваются и наступают обычные трудовые будни.

В один из таких будничных рабочих дней меня разыскал в клубе худощавый, среднего роста мужчина лет тридцати. Он подошёл ко мне и с улыбкой протянул руку для приветствия:

— Здравствуйте, Альфред Михайлович! Меня зовут Леонид Иванович.

— Здравствуйте, Леонид Иванович! Очень приятно познакомиться!— пожимая протянутую руку, ответил я.

— И мне очень приятно с вами познакомиться! Я вас видел на праздничном концерте в клубе 30 апреля. Должен вам сказать, что вы мне понравились как классный музыкант.

— Спасибо за комплимент!

— Это не комплимент, а констатация факта. Я особенно в вас ценю именно баяниста,— продолжал мой собеседник.

— Значит как пианист я вам не понравился?— поинтересовался я.

— Нет, тоже понравились. Просто у меня к вам предвзятый интерес как к баянисту. Дело в том, что лаборатория, которую я возглавляю, разрабатывает ЭМИ — электронные музыкальные инструменты. Вы когда-нибудь видели такие инструменты?

— Да, в армии, в нашем Доме офицеров, в молодёжном вокально-инструментальном ансамбле ребята играли на таком небольшом инструменте под названием «Юность».

— А вы знаете, что наш завод 5 лет назад первым в СССР начал разработку и производство электромузыкальных инструментов. Может быть, вы слышали такие названия как «Романтика», «Гамма» или «Меридиан»?— спросил меня Леонид Иванович.

— Нет, я видел только «Юность». И даже немного удалось поиграть на ней.

— Так выходит, что вы знакомы с игрой на ЭМИ? Ну, это просто здорово. Тогда я вам покажу наши инструменты. Мне интересно, понравятся они вам или нет?

— И мне будет интересно сравнить их с той «Юностью», на которой я пытался музицировать.

— Будем надеяться, что сравнение будет в нашу пользу. Но я хотел бы поговорить с вами немного о другом. Как раз в настоящее время мы заняты разработкой электронного баяна. Такого инструмента пока ещё нет нигде в мире. И ваша помощь как баяниста была бы нам сейчас очень кстати.

— Понимаете, Леонид Иванович, я не очень силен в электронике. Я простой музыкант,— попытался я робко прояснить ситуацию.

— А нам и нужно, чтобы вы как музыкант сказали, что вам лично нравится, а что нет,— как бы успокаивая меня, произнёс мой собеседник.

— Хорошо, я согласен. Мне даже самому интересно посмотреть на всё это.

— Так, может быть, пойдём прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик?— спросил Леонид Иванович.

— Можно и сейчас. Только мне нужно предупредить Наталью Петровну, что меня не будет какое-то время в клубе,— ответил я.

Сказав Наталье Петровне, что я буду в лаборатории, где делают электромузыкальные инструменты, мы с Леонидом Ивановичем вышли из клуба. Он повёл меня по каким-то коридорам и лестницам с этажа на этаж. Наконец мы остановились у двери, на которой висела табличка «Лаборатория № 21».

— А вот здесь мы и работаем,— сказал Леонид Иванович и открыл дверь.— Прошу вас, заходите!

Я переступил порог лаборатории и очутился в совсем незнакомом для меня мире. Вокруг стояли столы и стеллажи, на которых громоздились какие-то приборы, устройства, клавиатуры и много непонятных для меня предметов. И внутри всего этого находилось пару человек, которые при моём появлении повернули головы в мою сторону.

— Добрый день!— поздоровался я, кивнув головой каждому присутствующему в комнате.

— Здравствуйте!— послышалось в ответ.

— Ребята, познакомьтесь, пожалуйста, это Альфред Михайлович, художественный руководитель нашего клуба и музыкант по совместительству. Давайте покажем ему электромузыкальные инструменты. Пусть он поиграет на них, а потом скажет нам своё мнение.

Откуда-то сразу на одном из столов появился небольшой рояльчик на 3 октавы с переключателями и регуляторами на нижней панели. Леонид Иванович проделал какие-то манипуляции и начал нажимать на клавиши рояльчика. Из динамиков, находившихся рядом, послышались «космические» звуки.

— А теперь ваша очередь, Альфред Михайлович,— сказал Леонид Иванович.— Сыграйте нам что-нибудь. А я буду переключать регистры и тембры. Только знайте, что на этом инструменте нельзя играть аккордами. Можно исполнять одноголосные мелодии.

И вот в таком тандеме мы сыграли с ним несколько мелодий.

— Это наш первенец,— поглаживая нежно по корпусу инструмента, произнёс Леонид Иванович.— Мы назвали его — «Романтика». А вот сейчас мы увидим его многоголосную модификацию — «Гамму». Здесь уже можно играть не только мелодии, но и аккорды, и полифонию, как и на фортепиано.

Сотрудники лаборатории быстро заменили один рояльчик другим. В нём клавиатура была уже больше трёх октав, а переключатели находились на верхней панели над клавиатурой.

Наш тандем с Леонидом Ивановичем поиграл и на этом инструменте. Как только мы закончили, «Гамму» тут же убрали и принесли следующий инструмент.

По сравнению с предыдущими инструментами, этот выглядел настоящим гигантом — кла-

виатура на 6 октав. Да и переключателей на нижней панели было побольше, чем у «Романтики».

— Это «Меридиан»,— пояснил мне Леонид Иванович.— Он тоже является многоголосным инструментом. И на нём можно играть так же, как и на фортепиано. Причём вот эти клавиши, почти две с половиной октавы, предназначены для аккомпанемента левой рукой, а остальные клавиши, чуть больше трёх октав, для игры правой рукой всего, чего пожелаешь. Лично мне понравилось играть на переключателях. Так что Вам ничего не остаётся другого, как играть на клавишах. Ну что, начали?

И мы начали и продолжили, а потом ещё продолжили, и ещё. Что называется, дорвались до бесплатного. И тут мы услышали у себя за спиной приятный мужской голос:

— Что это тут у вас за концерт? Иду по коридору и слышу знакомые звуки.

Мы обернулись, и я увидел мужчину с добродушным лицом. Он стоял позади нас и улыбался. Мы так увлеклись своей игрой, что даже не заметили, когда он появился.

— О, Виталий Иванович,— воскликнул мой музыкальный партнёр,— позволь тебе представить Альфреда Михайловича, которого мы с тобой видели на праздничном первомайском концерте в клубе.

— Здравствуйте, Альфред Михайлович! Очень приятно с вами познакомиться. Я Виталий Иванович, начальник отдела,— сказал новый собеседник и протянул мне руку для приветствия.

— Добрый день, Виталий Иванович! И я рад нашему знакомству,— ответил я, пожимая его руку.

— Я вижу, что вы тут сыгрались,— заметил Виталий Иванович.

— Да. Ты знаешь, Виталий Иванович, мы классно провели время,— произнес Леонид

Иванович.— Оказывается, я совсем неплохо играю на переключателях и регуляторах.

— А что вы, Альфред Михайлович, скажете о наших ЭМИ? Как они вам показались?— спросил меня Виталий Иванович.

— Первое впечатление хорошее. Но чтобы составить объективное мнение, мне нужно более подробно познакомиться с ними. Но, в общем, они мне понравились,— совершенно откровенно ответил я.

— Приятно слышать это от вас,— заметил Леонид Иванович.— Но теперь, в присутствии Виталия Ивановича, я бы хотел перейти, так сказать, к прозе жизни. Помните, я вам говорил, что мы начали работу над созданием электронного баяна. В принципе, это должен быть электроорган типа «Меридиан», естественно с новыми тембрами и эффектами, но управление его звучанием должно осуществляться при помощи баяна.

— Это будет великолепно,— перебил я Леонида Ивановича.— В таком случае не только пианисты смогут играть электронную музыку, но и баянисты.

— Верно. Но, несмотря на то, что идея создания такого инструмента, в принципе, принадлежит Виталию Ивановичу, у нас с ним разные подходы к самому баяну,— продолжил начальник лаборатории.— Я думаю, что из баяна нужно вынуть все натуральные баянные голоса и заполнить его внутренность электроникой. А мехами можно управлять громкостью звука. А вот начальник нашего отдела имеет по этому поводу совершенно другое мнение. Расскажи, Виталий Иванович, нашему гостю о своих идеях. И пусть баянист нас рассудит.

Виталий Иванович повернулся ко мне и, как бы размышляя вслух, не спеша начал говорить:

— Баянист без своего обычного баяна — уже

не баянист. Вы посмотрите, с какой радостью он разворачивает во всю ширь меха баяна. Здесь и удаль, и лихачество, и гордость, и бравада, и задор! А Леонид Иванович хочет его всего этого лишить. Это первое. В современных баянах сейчас уже ставят регистры, как в аккордеонах. То есть, добавляют краски звучания. Вот и давайте тоже добавим баяну новые краски, но сам баян оставим с его натуральными баянными голосами. Захочет баянист играть на простом баяне — у него есть такая возможность. Захочет играть электронными звуками — нет проблем. У него появятся такие перспективы, о которых он раньше даже не мечтал. Вот Вы, Альфред Михайлович, как баянист Вы согласны со мной?

— Знаете, Виталий Иванович, в этом споре я принимаю вашу сторону. Действительно, всё так, как вы говорите. Я даже добавлю, что сочетание звучания простого баяна и электроники может создать интересный эффект, напоминающий игру баяна с оркестром. И хочу сказать ещё об одном преимуществе такого сочетания. Представьте себе такую картину: во время концерта отключается электричество. Хороший баянист не растеряется и закончит свой номер игрой на простом баяне. И никто не догадается, что так не было задумано.

— Но вы, дорогие товарищи,— прервал нашу беседу Леонид Иванович,— представляете себе, что технически это усложнит конструкцию всего инструмента. Нужно будет для электроники делать отдельный блок, контактную систему простого баяна соединять сотней проводов с этим блоком, а громкость электронного звука регулировать педалью. А это всё дополнительные расходы и конструкторские заморочки.

— Вы спросили моё мнение как баяниста,— отпарировал я,— вы его получили. И меня как будущего потребителя данного инструмента

совсем не интересует то, какими способами вам удастся совместить желаемое с действительным. На это вы и конструкторы, вам и карты в руки. А мы, музыканты, вам потом поклонимся в ножки за хороший музыкальный инструмент.

— Если бы я сам не привёл вас, Альфред Михайлович, сюда к нам в лабораторию,— вздохнул Леонид Иванович,— то я бы мог заподозрить, что Виталий Иванович вас ко мне специально подослал. Ну что ж, вы оба меня почти убедили. Теперь у меня к вам, Альфред Михайлович, встречное предложение: давайте сотрудничать! У нас с вами получился неплохой тандем в игре на наших ЭМИ. Так давайте продолжим его и в создании первого в мире электронного баяна!

— С большим удовольствием!— с радостью согласился я.— Мои скромные знания и опыт всегда к вашим услугам. Я буду очень рад, если моя помощь принесёт пользу вам — первопроходцам в такой новой отрасли музыкального искусства как электромузыка.

Так в мае 1969 года начался мой «роман» с электромузыкой, который длился 16 счастливых лет.

ВПОЛНЕ ОПРАВДАНЫЕ ПЕРЕХОДЫ

Где-то в середине августа 1969 года мне неожиданно позвонил директор Житомирского городского Дома культуры Захар Давыдович Гурвич, и мы договорились о встрече.

«Интересно,— подумал я,— о чём это Гурвич хочет со мной серьёзно поговорить? Просто так он звонить не будет. Значит, действительно, у него ко мне есть что-то важное. Ну что же, подождём до субботы». В субботу в 10 часов утра я постучал в дверь кабинета директора ДК.

Мы обменялись рукопожатием.

— Садись, устраивайся поудобнее,— пригласил меня хозяин кабинета.

После того, как я сел, Захар Давыдович внимательно посмотрел на меня и произнёс:

— Я хочу, чтобы ты отнёсся со всей серьёзностью к тому, что я тебе сейчас скажу. Хорошо?

— Я весь внимание, Захар Давыдович.

— Ты сейчас работаешь хударком в клубе завода «Электроизмеритель» не в штате, а по трудовому договору с почасовой оплатой, верно?— начал Гурвич.

— Да. А откуда у вас эти сведения?

— У меня есть свои источники информации. А знаешь ли ты, мой друг, что если с тобой по какой-нибудь причине в следующем году не заключат новый договор, то ты останешься без работы?— задал Гурвич новый вопрос.

— Теоретически, конечно, это возможно,— ответил я.

— Вот именно,— продолжал Захар Давыдович.— Чтобы такой проблемы у тебя не было, тебе нужно быть принятым в штат той или иной организации. Тогда ты будешь уверен в своём

завтрашнем дне. И я тебе в этом могу помочь. Я хочу предложить тебе должность художественного руководителя нашего Дома культуры. Заметь, что это — должность штатная.

— Позвольте, Захар Давыдович, но ведь эту должность занимает Миша Некрич,— попытался возразить я.

— К сожалению, уже не занимает. Он уволился и ушёл на другую работу. Я много думал, кому я могу передать эту должность, и мой выбор остановился на тебе. Что скажешь?

— Всё это так неожиданно,— несколько растерянно проговорил я.— А как же моя работа в заводском клубе? Я только-только начал там разворачиваться. Кроме того, познакомился с людьми, которые разрабатывают новые электромузыкальные инструменты. И как раз сейчас я помогаю им своими консультациями в создании электронного баяна.

— Ты можешь продолжать свою консультативную помощь, не работая на заводе. Твои новые друзья могут выписывать тебе пропуск, когда ты им понадобишься. Что же касается твоей работы там в качестве худрука, то разве можно сравнивать масштабы заводского клуба и городского Дома культуры. Ты же мне рассказывал, что работал главным концертмейстером в Ансамбле песни и танца при городском Доме культуры в Казахстане. Ведь так?

— Да, это было в Гурьеве до моей службы в армии.

— Так я тебе могу сообщить, что мы уже начали работу над созданием такого Ансамбля на базе нашего Дома культуры. Художественным руководителем, хормейстером и дирижёром этого Ансамбля будет Михаил Енин — директор нашего музыкального училища, балетмейстером и постановщиком танцев — Лев Мирочник. А главным концертмейстером Ансамбля мог бы стать Альфред Грибер. Ну, как тебе нравится

такое предложение?— глядя мне прямо в глаза, спросил Гурвич.

— Вы прямо искуситель, Захар Давыдович,— несколько ошарашенно ответил я.— Разбередили мне душу своими планами.

— Таким образом,— продолжал директор ДК,— у тебя будет две должности: одна штатная — художественный руководитель городского Дома культуры и одна договорная — главный концертмейстер Ансамбля песни и танца. Правда, зарплату ты будешь получать одну, худрука, но зато она выше, чем та, которую ты сейчас получаешь в заводском клубе. А это тоже немало. Мне кажется, я тебе сделал такое предложение, от которого просто невозможно отказаться. Прав я или неправ?

— Правы, Захар Давыдович, несомненно, правы. Вы мне сейчас нарисовали такую заманчивую картину моей будущей работы, что остаётся только согласиться с вашим предложением.

— Тогда не будем тянуть время,— решительно проговорил Гурвич.— Быстрее увольняйся из клуба и приступай к исполнению своих новых обязанностей.

Полтора выходных дня прошли в раздумьях и беседах с родными. Но к исходу воскресенья решение было принято: следует соглашаться на предложение Гурвича.

В понедельник утром у меня состоялся ответственный разговор с заведующей заводским клубом Натальей Петровной. Я рассказал ей о предложении Гурвича, потом каждый из нас привёл свои аргументы «за» и «против». Однако констатация того факта, что работа в штате предпочтительнее работы по трудовому договору, сыграла решающую роль.

Как бы то ни было, но 1 сентября 1969 года я был принят на должность художественного руководителя городского Дома культуры. И снова всё завертелось: репетиции, концерты, орга-

низаторская работа. Шла бурная подготовка к первому выступлению нового Ансамбля на праздничном концерте в честь Великого Октября.

А справедливости ради, следует отметить, что всё в ДК держалось на энтузиазме его директора — Захара Давыдовича Гурвича. В свои уже немолодые годы он обладал завидной энергией. Только благодаря его личным качествам, ДК считался центром культурной жизни города.

И вдруг в октябре энергия Гурвича нашла себе новый объект — дом-музей С. П. Королёва, генерального конструктора советской космонавтики, который родился в Житомире. И теперь было решено открыть на родине героя его дом-музей. Гурвич переключил всё своё внимание на создание этого музея, намереваясь стать его директором.

В ДК это сразу почувствовали. Раньше Гурвич всех заводил своими идеями. А теперь стало как-то тихо, спокойно и, можно сказать, скучно. Хотя, внешне, каждый выполнял свою работу по-прежнему. Вскоре у Гурвича появился заместитель, некий Владимир Потанин.

И тогда, неожиданно, в конце октября мне звонит заведующая заводским клубом:

— У меня для тебя такие новости, просто закачаешься. Нужно срочно сегодня увидеться. Я к тебе приеду в ДК.

Буквально через полчаса мы с Натальей Петровной уединились в моём художковском кабинете.

— Ты не представляешь, что произошло за эти два месяца после твоего ухода,— начала Наталья Петровна.— Наше начальство ужасно разволновалось из-за того, что упустили тебя. Председатель завкома и директор завода пошли к секретарю горкома партии и попросили его помочь выбить в Облсовпрофе штатную должность художественного руководителя для нашего клуба с хорошей зарплатой. Короче говоря, нам

эту должность официально дали, горком партии рекомендует Гурвичу не препятствовать своему художнику, если он подаст заявление на увольнение по собственному желанию. Короче говоря, нужно только твоё заявление об увольнении.

— Наталья Петровна, но я не собираюсь пока увольняться.

— Вот именно, пока. А ты знаешь, что Гурвич пробивает себе место директора дома-музея Королёва. Так что очень скоро его здесь не будет. А без такого организатора Дом культуры очень скоро развалится. Помяни моё слово. И ещё неизвестно, комфортно ли тебе будет работать с новым директором. А у нас ведь тебе было хорошо. К тебе уже привыкли люди. Все спрашивают, где ты делся. Да и начальство тебя ценит. Что заметишь, тоже не последнее дело. А ведь наш завод всё-таки всесоюзного значения. Видишь, как мы быстро выбрали для тебя должность. А ты умеешь хорошо работать, поэтому думай хорошенько и не упускай свой шанс. А мы все тебя очень ждём.

Распровавшись с Натальей Петровной и проводив её до служебного выхода, я возвращался в свой кабинет. Вдруг позади я услышал голос Гурвича:

— Альфред, дорогой, зайди ко мне, пожалуйста, есть разговор.

Мы зашли в его кабинет и сели около стола.

— Как тебе у нас работается?— спросил Гурвич.

— Нормально, Захар Давыдович,— ответил я. Работы, как всегда, хватает с избытком. Много внимания приходится уделять подготовке праздничного концерта, на котором состоится первое выступление нового Ансамбля. Пока вроде идём в графике. А почему Вы вдруг задали мне такой вопрос? Я что-то не так делаю, может быть?

— Да нет, ты всё делаешь так, как надо. Дело совсем в другом. Тут меня на днях вызывали в горком партии по твоему вопросу.

— По моему вопросу?— удивился я, догадываясь, о чём пойдёт разговор.— Но я ведь человек беспартийный.

— Ты да, человек беспартийный, но я-то партийный. А в горкоме мне прямым текстом сказали, чтобы ты вернулся работать в клуб завода «Электроизмеритель». Там для тебя вроде выбрали штатную должность худрука. И меня «попросили» посодействовать твоему переходу обратно на завод,— грустно констатировал Гурвич.

— Так что, Захар Давыдович, Вы меня увольняете?— поинтересовался я.

— Да ты что, в своём уме? Но если ты задумаешь уйти от нас по собственному желанию, я не имею права тебе препятствовать. Ты должен сам решить эту проблему. Хочешь — оставайся работать в ДК, хочешь — возвращайся на завод. Я приму любое твоё решение. Первое — с радостью, второе — с грустью и сожалением. Я полюбил тебя как сына, и мне будет трудно с тобой расставаться.

— Захар Давыдович, откровенность за откровенность. Я слышал, что Вы тоже собираетесь на другую работу. Это правда?

— В нашем Житомире трудно что-то скрыть от людей. Все всё сразу узнают. Признаюсь тебе, что я очень серьёзно занимаюсь созданием Дома-музея Королёва. Собираю у жителей Житомира необходимую для экспозиции мебель и другие предметы тех времён. Мы разыскали в Москве его мать — Марию Баланину, и она описала те вещи, которые стояли у них в доме на Дмитриевской. Сейчас мы занимаемся поиском жилья для тех людей, которые живут в этом доме в настоящее время. Затем предстоит очень серьёзный ремонт этого дома, чтобы придать ему вид того времени, когда в нём жил Королёв. Причём заметить, что я за это не получаю никакой специальной оплаты и никаких денежных средств. Поэтому приходится кру-

титься. Но, в конце концов, я надеюсь, что стану директором этого музея. А это, как ты сам понимаешь, уже всесоюзный уровень. После меня здесь, по всей видимости, останется директором мой нынешний заместитель Владимир Потанин. А с ним, мне кажется, ты кашу не сваришь.

— Спасибо за откровенность, Захар Давыдович. Мне было очень приятно работать с Вами. А решение я приму в самое ближайшее время.

— Я только прошу тебя никому не рассказывать о нашем разговоре,— попросил Гурвич.

— Конечно, Захар Давыдович. Вы бы могли это и не говорить. Я знаю, что можно рассказывать другим, а что — нет,— пообещал я.

Разговор с Гурвичем заставил меня отнестись серьёзно к предложению Натальи Петровны. Поразмыслив пару дней, я написал два заявления: одно — директору ДК об увольнении по собственному желанию, а другое — в завком профсоюза завода «Электроизмеритель» о принятии меня на работу в клуб на должность художественного руководителя.

В завкоме прореагировали молниеносно и зачислили меня в штат завкома с 1 ноября 1969 года.

А в Доме культуры произошёл некоторый сбой. В эти дни Гурвич ушёл в отпуск и оставил вместо себя исполняющим обязанности директора ДК своего заместителя Владимира Потанина. А тот побоялся уволить меня, не получив на то разрешения Гурвича. Поэтому я оказался работающим одновременно в двух местах.

Праздничные концерты мне пришлось репетировать сразу на двух работах. Хорошо ещё, что концерт в ДК состоялся 4 ноября, а в заводском клубе — 5-го.

Октябрьские праздники в этом году продолжались 3 дня, потому что 9-е число попало на

воскресенье. Но и после праздников я продолжал работать и в ДК, и в заводском клубе. Хорошо ещё, что на заводе понимающе отнеслись к такой ситуации. Но, тем не менее, из горкома партии последовал всё же звонок и.о. директору ДК с «просьбой» уволить меня с занимаемой должности худрука ДК.

И только 20 ноября был подписан Потаниным приказ о моём увольнении из ДК по собственному желанию. Вот так случились в моей жизни вполне оправданные переходы из клуба в ДК и обратно.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО ЭЛЕКТРОННОГО БАЯНА

После возвращения на завод я почувствовал к себе какое-то особое отношение. Как будто вернулся домой человек, которого все ждали.

Но, как мне показалось, больше других моему возвращению были рады начальник лаборатории № 21 Леонид Иванович Федорчук и начальник КБ–2 Виталий Иванович Волошин. Мои советы, музыканта и баяниста, по их словам, были очень ценны. Каждый день они готовили мне новые музыкальные звуки или эффекты, которые я должен был проиграть, прослушать и прочувствовать. Затем всё коллективно обговаривалось и обсуждалось.

Вскоре в лабораторию пришёл новый сотрудник – Лев Моисеевич Фукс, который сразу же подключился к работе над электробаяном. Мы с ним быстро подружились, потому что такие люди были мне созвучны. В нём чувствовалась какая-то профессиональная уверенность, желание довести всё, как говорится, до ума.

Я вырывал любую свободную минуту, чтобы лишний раз забежать в лабораторию и пообщаться с «ребятами». Так я называл своих новых друзей, несмотря на то, что они все были старше меня. С каждым днём вырисовывались очертания нового музыкального инструмента.

С Житомирской музыкальной фабрики был привезён обычный серийный баян «Мечта», для которого конструкторы Леон Толчинский и Дима Шраер разработали оригинальную контактную систему и панель переключателей для управления электронными звуками, регистрами и эффектами. Все провода были «упакованы» в кабель, который подключался к специ-

альному блоку, содержащему всю электронную начинку. К этому же блоку подключались звуковые колонки с динамиками, а также двойная педаль для регулировки громкости электронного звучания и эффекта тембрового глиссандо.

Судя по этому описанию, может сложиться впечатление, что сделать электробаян было обычным делом. Но так может подумать только тот человек, который никогда ничего не придумывал впервые, ничего совершенно нового и необычного.

Аналогов электробаяну в мировой практике не было. Поэтому приходилось думать, спорить и даже ссориться, чтобы прийти к оптимальному решению.

Я уже не говорю о буквальном «вылизывании» звуков, тембров и эффектов. Дело ведь осложнялось тем, что нужно было создать не просто какие-то электронные музыкальные звуки, а такие звуки, которые сочетались бы со звучанием обычного баяна. Это позволяло комбинировать в различных пропорциях обычные баянные и электронные звуки, что создавало эффект игры баяна и электронного оркестра.

Нам удалось добиться кристальной чистоты звучания, что позволило благодаря эффектам вибрато, тремоло, перкуссии, реверберации, тембрового глиссандо и ритмического сопровождения воспроизводить игру органа, рояля, духовых инструментов, струнных инструментов и русских народных инструментов. Благодаря комбинации разнообразных тембров и эффектов можно было даже имитировать звучание оркестра — свадебного деревенского, джазового или эстрадного.

В принципе, получение стереофонического звучания целого ансамбля духовых, язычковых, струнных и ударных инструментов у нас получилось.

Я пишу «у нас», потому что уже не отделял себя от тех инженеров и конструкторов, которые воплощали мои музыкальные фантазии и запросы в реальные звуки, тембры и эффекты.

Вместе с созданием электронного баяна, который получил название «Эстрадин-8Б», формировался и мой репертуар для исполнения на этом инструменте. Сюда входили популярные песни и мелодии, звучащие на радио и по телевидению, фантазии на темы известных советских композиторов и русских народных песен, органные произведения Баха, музыка из балетов и кинофильмов, различные классические и эстрадные произведения.

Так как готовых обработок для электронного баяна тогда просто не существовало, приходилось мне заниматься этим самому. Поэтому я был и аранжировщиком, и исполнителем в одном лице. Очень мне помогла в этом деле прежняя работа в оркестрах, где я научился ансамблевому исполнительству и оркестровому чутью. Не прошла даром учёба в музыкальном училище, где я дирижировал оркестром русских народных инструментов, и в Заочном Университете Искусств, где я окончил курс инструментоведения и оркестровки.

Не лишним будет напомнить, что всё своё свободное время я проводил в лаборатории — и днём, и вечером.

К новому 1970 году опытный образец электронного баяна «Эстрадин-8Б» был готов.

ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ

1970 год был провозглашён в СССР годом 100-летия со дня рождения В.И.Ленина. Поэтому любое событие, происходившее в стране, было посвящено этой дате.

Коллективы художественной самодеятельности клуба житомирского завода «Электроизмеритель», где я работал художественным руководителем, выступали на городских, областных и республиканских конкурсах, посвящённых юбилею вождя всего прогрессивного человечества. Они получали аплодисменты зрителей и завоёвывали высокие места, а я получал почётные грамоты от завода, города, области и республики.

Однако юбилейный ленинский год запомнился мне больше теми событиями, которые были связаны с электронным баяном «Эстрадин-8Б».

Первая общественная демонстрация нового инструмента состоялась в клубе завода.

Так как слух о чудо-инструменте быстро разошёлся по цехам, то к назначенному часу зал клуба был забит до отказа. Всё фойе перед залом также было заполнено народом.

Моё первое выступление в заводском клубе стало триумфом содружества инженеров-конструкторов и музыканта. Успех превзошёл даже самые смелые наши ожидания. После исполнения каждого произведения вспыхивали овации. Это была настоящая победа!

После демонстрации электробаяна каждый из нас получил сполна и поздравления, и улыбки, и аплодисменты, и объятия, и рукопожатия. Мы были безмерно счастливы!

Когда зрители, обмениваясь между собой впечатлениями о концерте, стали потихоньку

расходиться, Федорчук, Фукс и я принялись подготавливать наш электронный баян для транспортировки в лабораторию.

За этой работой мы не заметили, что к нам кто-то подошёл. Мы встрепенулись от неожиданности только тогда, когда услышали мужской голос:

— Добрый день!

— Здравствуйте!— почти машинально ответили мы хором.

Оглянувшись, увидели незнакомого мужчину, который, улыбаясь, протягивал нам руку для приветствия:

— Разрешите представиться — Рюмин, корреспондент Украинского республиканского радио и телевидения по Житомирской области. А по совместительству — муж руководителя вашего драмкружка Зои Петровны Калюги. Это она, кстати, меня сюда сегодня и привела.

— Очень приятно!— произнесли мы, по очереди представляясь нашему новому гостю.

— Дорогие мои, увиденное и услышанное здесь сегодня поразило меня настолько, что я до сих пор не могу поверить, со мной ли всё происходило? Поверьте мне, прожжённому журналюге: что в своей жизни я повидал такое, что перестал чему-либо удивляться. Но сегодня я сражён наповал. Сидит на сцене один человек, держит в руках обычный баян, а вокруг летают чудесные звуки. Я сначала, грешным делом, подумал, что это какая-то мистификация: звучит фонограмма оркестра электромузыкальных инструментов Всесоюзного радио, а этот молодой человек изображает игру на баяне. Такое часто можно увидеть и услышать в наших фильмах. Но когда зазвучали орган, фортепиано, духовые инструменты, я понял, что это не фонограмма, а живое исполнение. А добила меня фантазия на русские народные темы, когда простой баян перекликался с электронным оркестром. Тут уже

не только все сомнения отпали, а появилось чувство восхищения талантом исполнителя.

— А наш Альфред не просто исполнитель, он вместе с нами в качестве музыкального консультанта участвовал в создании этого электробаяна,— перебил Рюмина Федорчук.

— А давайте сделаем специальную передачу на Житомирском радио, где расскажем о людях, которые создали такое музыкальное чудо. Пусть житомиряне узнают о своих современных талантливых земляках. Дадим им послушать прекрасные звуки вашего нового музыкального инструмента.

— Заметьте,— вступил в разговор Фукс,— такого электробаяна больше нигде в мире нет.

— Тем более мы должны рассказать о нём всем. Давайте я вам позвоню на днях, и мы договоримся о записи такой радиопередачи.

Мы обменялись с Рюминым телефонами и тепло попрощались.

Буквально через неделю мы уже были в студии Житомирского радиовещания, где записали первую радиопередачу об электронном баяне «Эстрадин-8Б» и его создателях. Кажется, она называлась «Творцы волшебной музыки» или что-то в этом роде.

Передача вызвала широчайший резонанс у радиослушателей. На Житомирское радио и на завод в большом количестве стали приходить письма с вопросами, пожеланиями, предложениями и просто со словами восхищения и благодарности. Причём, адреса были предельно лаконичными: «Житомир. Радио. Передача об электробаяне» или «Житомир. Завод «Электроизмеритель». Конструкторам электробаяна».

Эту радиопередачу повторяли по Житомирскому радио ещё несколько раз, потому что приходили многочисленные письма от тех людей, которые не слышали её, но очень хотели узнать о новом музыкальном чуде.

Рюмин ознакомил со своей радиопередачей об электробаяне руководство Республиканского радио и телевидения в Киеве. И очень скоро на завод пришло приглашение от телепередачи «На меридианах Украины» организовать телевизионную встречу с создателями электронного баяна, чтобы познакомить телезрителей Украины с достижениями житомирских конструкторов.

Утром в одну из февральских суббот 1970 года Леонид Иванович Федорчук, я и корреспондент Республиканского радио и телевидения Рюмин вместе с нашим электробаяном поехали в Киев, чтобы выступить в этой телепередаче.

Прямой эфир начался ровно в 17.00. После того, как ведущая объявила тему, бразды правления в свои руки забрал Рюмин. Он задавал Федорчуку и мне разные вопросы, а в перерывах между вопросами и ответами я играл на электробаяне произведения из своего репертуара.

Как только прямой эфир закончился, студия начала заполняться работниками телевидения. Все восхищались инструментом, задавали нам с Федорчуком кучу вопросов, просили меня ещё что-нибудь сыграть. Это длилось не менее получаса.

За это время нам сообщили, что на телевидение поступило уже несколько десятков телефонных звонков с отзывами о передаче. Все сообщения были примерно такого содержания: «Это здорово!», «Вот это да!», «Молодцы житомиряне!», «Повторите, пожалуйста, эту передачу. Мы хотим записать её на магнитофон, а то нам просто не поверят, что такое возможно», «Я включил телевизор, когда передача уже шла, и поэтому не смог услышать всё, что исполняли на этом электробаяне. А когда будет повторение этой программы?», «А как можно познакомиться с участниками передачи?», «А где можно купить такой электробаян?».

Так как нужно было готовить студию к следующей передаче, мы с Федорчуком начали собирать и упаковывать все составные части нашего инструмента. Но не тут-то было. Работники телевидения подхватили нас под руки, собрали весь наш электронный комплекс и привели в отдел «Новости дня», где уже собралось немало людей.

И всё завертелось по второму кругу. Мы только успевали отвечать на разнообразнейшие вопросы и исполнять многочисленные заявки. Играл я всё, что знал: и песни, и классику, и популярные мелодии. И всё это наши слушатели записывали на магнитофонные ленты.

Когда присутствующие узнали, что я являюсь художественным руководителем заводского клуба, то мне было сразу сделано предложение подготовить несколько номеров заводской художественной самодеятельности в сопровождении электронного баяна для молодёжной передачи «Взгляд» («Погляд»), которая готовилась к Международному женскому дню 8 марта.

А затем меня попросили наиграть коротенькие музыкальные отрывки, которые, как мне объяснили, можно будет использовать в качестве заставок к различным телевизионным программам и передачам.

Буквально через несколько дней одна из таких мелодий стала музыкальной заставкой передачи «На меридианах Украины».

Через пару лет эта же запись стала музыкальной заставкой передачи «Новости дня». И несколько раз в день долгие годы я имел возможность слышать свою игру на электробаяне с экрана телевизора.

Не успели мы прийти в себя после успеха на телевидении, как на завод пришло правительственное письмо. Заместитель председателя Совета министров Украинской ССР П.Тронько извещал дирекцию завода, что он как пред-

седатель Организационного комитета фестиваля самодеятельного искусства Украинской ССР, посвящённого 100-летию со дня рождения В.И. Ленина, приглашает выступить на заключительном концерте фестиваля художественного руководителя заводского клуба А.М.Грибера с исполнением ряда произведений на электронном баяне.

От такого приглашения, как не трудно догадаться, отказаться было невозможно. И мы с Леонидом Ивановичем Федорчуком отправились и на этот концерт.

Успех данного выступления был огромный. И в знак признательности я получил правительственную Грамоту за подписью П.Тронько.

Интерес наших земляков-житомирян к электронному баяну был так велик, что горком партии «предложил» заводу организовать демонстрацию инструмента для широкой публики. И вот летом на улицах города и в областной газете «Советская Житомирщина» («Радянська Житомирщина») появились объявления следующего содержания: « В Зелёном театре городского парка культуры и отдыха имени Ю.А.Гагарина состоится демонстрация нового музыкального инструмента завода «Электроизмеритель» — электронного баяна «Эстрадин-8Б». Вход для всех желающих свободный».

В назначенное время большой зрительный зал Зелёного театра был заполнен до отказа. Вот уж действительно, яблоку упасть было некуда. Публика сидела не только на ступеньках внутренних проходов, но и стояла в боковых проходах под навесами, а также в верхнем фойе при входе в театр.

Леонид Иванович Федорчук произнёс вступительное слово, в котором рассказал о том, как создавался наш инструмент. А затем он передал эстафету виновнику торжества, ради которого и собралась в Зелёном театре почтенная

публика,— электронному баяну «Эстрадин-8Б». Я исполнил на нём всю концертную программу, которая была у меня готова на тот момент. После каждого музыкального номера зал взрывался аплодисментами. Приятно было сознавать, что и на этот раз успех превзошёл все ожидания.

На следующий день и областная газета, и областное радио уделили значительное место рассказу о нашем концерте. Было сказано много добрых слов в адрес завода, инженеров-конструкторов, создавших такой чудесный инструмент, и музыканта, который великолепно продемонстрировал житомирской публике возможности электробаяна.

В перерывах между демонстрациями и презентациями электронного баяна проводились определённые работы по его совершенствованию.

В конце декабря 1970 года Федорчук и я были приглашены в Москву в Министерство приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР для представления электробаяна министру Константину Николаевичу Рудневу.

Мы прибыли в назначенный день в министерство. Где-то во второй половине дня нам предоставили возможность расположиться в зале заседаний министерства. Дело близилось к вечеру. Референт министра предупредил нас, что на всё про всё нам отпущено полчаса, так как министр очень устал после трудового дня. Мы с Леонидом Ивановичем составили примерный план демонстрации инструмента.

Однако этот план нам не пригодился, потому что министра Руднева интересовала буквально каждая мелочь. Федорчук методично отвечал на все вопросы Константина Николаевича и разъяснял ему тонкости работы инструмента. А моей задачей было качественно продемон-

стрировать музыкальные возможности электробаяна. Вся аудиенция вместо запланированного получаса продолжалась полтора часа.

На прощание министр Руднев пожал нам руки и пожелал успехов в дальнейшей работе. Видно было, что ему понравился наш инструмент.

А к новому 1971 году на завод пришло письмо за подписью министра, в котором он отмечал заслуги разработчиков электробаяна и желал успешного освоения серийного производства этого инструмента.

Триумфальное шествие электронного баяна по стране продолжалось.

ОДЕССКИЕ МЕЛОДИИ

В декабре 1970 года в Москве при подготовке демонстрации электронного баяна «Эстрадин-8Б» министру приборостроения я познакомился со многими сотрудниками министерства.

Одним из них был заместитель начальника Главного управления по производству электроизмерительных приборов и средств телемеханики Михаил Сергеевич Шкабардня. Он был одним из ответственных за представление электробаяна министру. Михаил Сергеевич оказался очень приятным собеседником, много шутил, рассказывал интересные истории, старался поднять нам настроение.

После нашего с электробаяном концерта для работников министерства Михаил Сергеевич подошёл ко мне и сказал:

— Альфред, у меня к тебе личная просьба. Сыграй мне несколько мелодий, а я запишу их на магнитофон. Иначе мои домашние не поверят, что я это всё слышал.

— Пожалуйста, Михаил Сергеевич,— ответил я,— для Вас сыграю всё, что захотите. Вы нам так помогали все эти дни. А долг платежом красен.

— Тогда я сейчас организую доставку электробаяна к себе в кабинет.

Через несколько минут электробаян, Леонид Иванович Федорчук и я уже были в кабинете Шкабардни. Закончив подготовку инструмента, я обратился к хозяину кабинета:

— Что именно, Михаил Сергеевич, Вы хотели записать себе на магнитофон?

— Сыграй то, что ты сам хочешь,— ответил Шкабардня.

Он настроил магнитофон и кивнул мне. Я исполнил несколько разноплановых произведений. Когда закончилась плёнка, Михаил Сергеевич поставил новую и попросил:

— А ты можешь сыграть только для меня всякие разные одесские мелодии. Грешен, люблю послушать этакое нестандартное.

— А что конкретно, Михаил Сергеевич? «Мурку», «На Дерибасовской»?

— Во-во-во,— обрадовался Шкабардня,— эти и все им подобные.

Магнитофон был запущен, и кабинет министерства заполнился музыкой свадеб и ресторанов. Больше часа длилась эта запись. Мы все сообща припоминали знакомые песни и мелодии, я вспомнил все популярные еврейские танцы и песни. Когда мы, наконец, закончили этот необычный «концерт», Михаил Сергеевич, весело потирая руки, воскликнул:

— Ни у кого во всей Москве нет таких записей. Это будет мой личный эксклюзив. Теперь будет чем отвести душу в компаниях друзей. Спасибо тебе, дорогой Альфред! Я твой должник. Нужна будет какая-нибудь помощь, обращайся. Отказа не будет. Всегда помогу, чем смогу. Шкабардня никогда не забывает тех, кто сделал ему хорошее. Ну, а сейчас нужно обмыть моё приобретение.

Хозяин кабинета открыл сейф, стоящий около письменного стола, и достал оттуда бутылку коньяка, рюмки и лимон.

— Сейчас я порежу лимончик,— сказал Шкабардня, доставая из сейфа блюдо,— и мы с вами выпьем за здоровье таких хороших людей, как вы.

Когда лимон был нарезан, Михаил Сергеевич разлил коньяк по рюмкам и провозгласил:

— Я пью за вас, мои дорогие Альфред и Леонид Иванович. Вы даже не представляете, какое счастье вы подарили мне сегодня. Пусть вам всегда везёт в этой жизни, пусть удача не обходит вас. Изобретайте ещё такие музыкальные инструменты и даже лучше. Пусть они приносят людям радость. Такую, как вы подарили мне сегодня. Будьте здоровы!

Мы чокнулись и выпили, скрепив таким образом нашу дружбу.

Такой была наша первая встреча с Михаилом Сергеевичем. Но отнюдь не последняя.

В 1971 году Михаил Сергеевич Шкабардня стал главным инженером, а затем и начальником главка «Союзэлектроприбор».

В 1974 году он был назначен начальником Научно-технического управления.

В 1979 году Шкабардня становится заместителем министра, а в 1980 году — министром приборостроения СССР.

На всех этапах карьеры Михаила Сергеевича мы периодически встречались с ним в министерстве. И при любой встрече он мне всегда говорил, что та плёнка с одесскими мелодиями, которую я записал ему в декабре 1970 года, доставила немало приятных минут ему и его друзьям.

Однажды мне пришлось воспользоваться помощью Шкабардни. В то время он был начальником Научно-технического управления.

Мы со Львом Моисеевичем Фуксом, моим начальником лаборатории, приехали в министерство подписывать нормативную и техническую документацию на новый электромузыкальный инструмент. Переходя из отдела в отдел, мы собирали визы начальников разных служб.

В один прекрасный день я очутился в расположении Научно-технического управления. Мне нужна была очередная виза какого-то руководителя отдела перед представлением документации на подпись начальнику Научно-технического управления.

Ожидая этого руководителя отдела, я прогуливался по коридору Управления. Вдруг я увидел идущего в мою сторону Михаила Сергеевича. Когда он подошёл поближе, я поздоровался:

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич!

— Привет, Альфред!— произнёс Шкабардня, протягивая мне руку.— Как дела? Как живёшь?

— Спасибо, Михаил Сергеевич,— пожимая его руку, сказал я,— всё нормально.

— А здесь у нас, что ты делаешь?— поинтересовался Шкабардня.

— Вот собираю визы начальников разных отделов на документации нового электромузыкального инструмента.

— Уже есть что-то новенькое? Как интересно! Знаешь что, пошли ко мне, расскажешь обо всём.

С этими словами Михаил Сергеевич взял меня под руку и повёл в свой кабинет. Мы сели в конце длинного стола друг против друга, и я начал рассказывать о наших новых разработках в области электромузыки. Потом он взял в руки документацию на новый электроорган:

— А это что такое? Ну-ка, расскажи поподробнее.

Я начал описывать новый инструмент и его возможности. Шкабардня внимательно слушал, время от времени задавая уточняющие вопросы. А потом спросил:

— А в нашем управлении тебе что нужно?

— Ваша подпись на титульных листах,— честно признался я.— Почти все визы собраны.

— А здесь всё хорошо?— указывая на документацию, спросил Шкабардня.

— Михаил Сергеевич, я сам лично всё готовил. Поэтому отвечаю за каждую запятую.

— Ну, если ты составляешь документацию так же хорошо, как и играешь, то я подпишу тебе это всё, не дожидаясь оставшихся виз. Ты их потом соберёшь.

И Шкабардня, достав из внутреннего кармана пиджака ручку, расписался на всех экземплярах документации. А потом сказал:

— Там в приёмной стоит этажерка. Положи это всё туда, мои девочки зарегистрируют это быстро и передадут в ваш главк.

Мы распрощались, как давние хорошие знакомые.

Следующая неожиданная встреча произошла в самом начале 80-х годов, когда Михаил Сергеевич уже был в ранге министра приборостроения СССР.

Находясь в Москве в какой-то очередной командировке, я подходил к проходной министерства на улице Огарёва. Уже издали я заметил, что рядом у тротуара стоит чёрный персональный лимузин министра. Задняя дверь его была открыта. Проходя мимо машины, я повернул голову в её сторону, но, никого не увидев, проследовал дальше.

И тут позади себя я услышал мужской голос с характерными интонациями:

— Альфред, это ты? Чего мимо проходишь, не здороваешься?

Оглянувшись, я увидел, как из глубины лимузина появилась сначала голова, а потом и верхняя часть туловища Михаила Сергеевича Шкабардни:

— А я смотрю, ты это или не ты? Залезай сюда, поболтаем. Всё-таки давно не встречались.

Я подошёл к машине:

— Здравствуйте, Михаил Сергеевич! В машине было темно, и я Вас не заметил.

— Нет, вы посмотрите на него. Своего министра и не заметил. Как вам это нравится? Залезай, садись. Я очень рад тебя видеть.

И сидя в шикарном лимузине, я вдруг вспомнил того 40-летнего Шкабардню, которому в декабре 1970 года записывал на магнитофон блатные одесские мелодии. Когда я сообщил Михаилу Сергеевичу об этом, он обрадовался и произнёс шёпотом, наклоняясь к самому моему уху:

— А ты знаешь, я до сих пор гоняю твои записи своим друзьям. И мы все вместе поём под твой аккомпанемент мои любимые одесские мелодии.

МОИ ВСТРЕЧИ С ЛЬВОМ ТЕРМЕНОМ

Кто такой Лев Сергеевич Термен? Это человек-легенда, который был гениален во всём: и в музыке, и в науке.

Он, фактически, является создателем первого в мире (1920 год) электромузыкального инструмента, который впоследствии назовут его именем — «Терменвокс» (голос Термена). Только одно это изобретение ставит Термена в ряд гениальных людей планеты всех времён.

А ведь потом появились на свет различные автоматические системы сигнализации, охранные устройства, первая телевизионная система «Дальновидение», уникальная система подслушивания «Буря», оборудование для радиоуправления беспилотными самолётами, радиобуи для военно-морских операций, системы распознавания речи, системы идентификации го-

лоса, системы военной гидроакустики, электромузыкально-танцевальный инструмент «Тер-питон», светомузыкальный инструмент «Ритмикон», инструмент для чистого гармонического сопровождения мелодического исполнения, гармоний для работы с хором, визуальный индикатор темпированного интонирования терменвокса, электронная виолончель.

Но и это ещё не всё. Термен был увлечён идеей борьбы со смертью и поэтому работал над технологией заморозки человека с последующим его оживлением в будущем.

Просто не укладывается в сознании, как один человек был способен сотворить всё это разнообразное великолепие!

В конце апреля 1971 года я узнаю, что Лев Сергеевич Термен скоро приедет в Житомир. Его приезд объяснялся тем, что в мае у нас на заводе «Электроизмеритель» намечалось провести Вторую Всесоюзную научно-техническую конференцию по электромузыкальным инструментам. Первая подобная конференция проводилась в 1938 году.

И вот в мае 1971 года к нам в Житомир на конференцию, которая проходила в заводском клубе, прибыли более 70 представителей различных музыкальных организаций и промышленных предприятий СССР.

Самым почётным гостем был, конечно, Лев Сергеевич Термен. Для своего почти 75-летнего возраста он оказался очень энергичным, бодрым человеком с сердцем юноши. Буквально с первых минут разговора Термен произвёл на меня впечатление человека, у которого реальность и фантазия очень крепко переплетены между собой. Идеи он, казалось, брал прямо из воздуха.

Лев Сергеевич был человеком худым. Первое время я даже считал, что живость и темпе-

рамент Термена как-то зависят от его телосложения. Однако спустя какое-то время я понял, что все качества характера Льва Сергеевича подчинены только состоянию его души и велениям его сердца.

Он всегда был одет элегантно: тёмный костюм, белая рубашка и галстук. Во всём его облике чувствовался какой-то аристократизм.

Мы с ним, как два музыканта, сразу нашли общий язык. Благо, точек соприкосновения у нас было хоть отбавляй. Лев Сергеевич попросил меня аккомпанировать ему на фортепиано во время его игры на терменвоксе. Ноты у него были с собой, и мы пару раз прорепетировали.

Лев Сергеевич отобрал для своего выступления несколько произведений: Шуберт «Аве Мария», Бах-Гуно «Аве Мария», Рахманинов «Вокализ», Сен-Санс «Лебедь», Глинка «Жаворонок», Массне «Элегия», Скрябин «Этюд», Глинка «Не искушай меня без нужды», русская народная песня «Эй, ухнем».

Даже меня, человека уже знакомого немного с электронной музыкой, поразил чудесный тембр терменвокса. Он походил одновременно и на голос человека, и на звуки скрипки, виолончели, саксофона, трубы, флейты или английского рожка. В верхнем регистре звук был несколько резким, в среднем — экспрессивно-вибрирующим, а в нижнем — даже хрипловатым.

Уже после нашей первой репетиции Лев Сергеевич загорелся желанием научить меня играть на терменвоксе. Я, естественно, был этому только рад, поэтому, не колеблясь ни секунды, подошёл к инструменту.

— Давайте мы с Вами сыграем то произведение, которое я учил играть в своё время Владимира Ильича Ленина,— сказал Термен, встал позади меня и взял своими руками мои руки в

районе запястий.— Итак, Глинка «Жаворонок»,— объявил он.

Когда я видел, как играет Термен, мне казалось, что этот процесс довольно прост. Но теперь, стоя перед инструментом, я не мог найти для своих рук место. Хорошо ещё, что я чувствовал конкретную физическую поддержку Льва Сергеевича у себя за спиной.

Крепко держа мои руки, Термен начал ими дирижировать возле антенн инструмента. Что-то, отдалённо напоминающее мелодию Глинки, зазвучало в динамиках.

Вся трудность игры на терменвоксе для меня заключалась в том, что я не мог сразу найти какие-либо фиксируемые точки опоры в воздухе. С левой рукой, которая регулировала громкость звука, проблем у меня было меньше, так как на баяне я тоже регулировал громкость звука левой рукой. Но вот с правой рукой проблем было больше.

Будь я скрипачом или виолончелистом, мне было бы легче ориентироваться в правильном интонировании звуков. Но так как я играл до этого на инструментах с фиксированным строем (баян, аккордеон, фортепиано), то мне пришлось несколько потрудиться, пока что-то начало получаться. Но с грехом пополам мне всё же удалось доиграть мелодию «Жаворонка» до конца при ослабевшей поддержке Льва Сергеевича.

Первый день конференции завершился сенсационным концертом Термена для терменвокса с фортепиано в моём скромном сопровождении. Многие из присутствующих в зале вообще впервые увидели и услышали как сам инструмент, так и его легендарного создателя.

А на следующий день конференции состоялся мой концерт на электронном баяне «Эстрадин-8Б». Без ложной скромности могу утвер-

ждать, что это была вторая сенсация на конференции. Электробаян произвёл на всех ошеломляющий эффект.

После того, как я закончил своё выступление, ко мне подошёл Термен и, пожимая мне руку, сказал:

— Поздравляю Вас, Альфред! Вы не только хороший аккомпаниатор, но и великолепный солист. То, что я услышал сегодня в Вашем исполнении, поразило меня. Как может один человек управлять всем этим многообразием звуков? Просто диву даёшься.

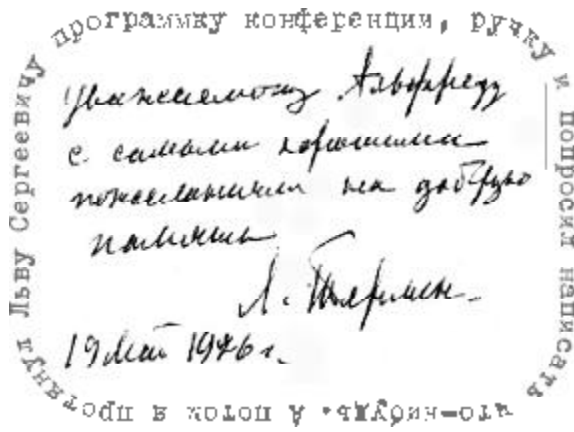
Такое поздравление, да ещё от родоначальника мировой электронной музыки, было для меня вдвойне приятно.

Следующая моя встреча со Львом Сергеевичем Терменом состоялась ровно через 5 лет на том же самом месте в городе Житомире, в клубе завода «Электроизмеритель».

Здесь 18–20 мая 1976 года состоялась Третья Всесоюзная научно-техническая конференция «Состояние и перспективы развития электронных музыкальных инструментов в СССР». Сюда собрались конструкторы, искусствоведы, музыканты, чтобы обменяться мыслями и опытом в этой новой отрасли техники. На конференцию прибыли 120 человек из 20 городов страны, представляя около 40 организаций. Сюда же приехали представители Министерства культуры СССР и Министерства торговли СССР.

В первый же день конференции Лев Сергеевич Термен выступил с двумя докладами: «Многоголосный терменвокс» и «Терпситон — электронный танцевальный музыкальный инструмент».

А затем он продемонстрировал всем участникам конференции и её гостям свой новый шедевр — «терпситон». 80-летний «молодой» танцор встал на специальную платформу и на-

чал совершать различные телодвижения. И полились звуки музыки, управляемые уже не только руками Льва Сергеевича, а всем его телом. Уже не музыка руководила танцем, а наоборот, танец — музыкой. Это было фантастическое зрелище! Оставалось только удивляться и восхищаться талантом изобретателя.

Во второй день конференции я демонстрировал наш новый электромузыкальный инструмент — двухмануальный электроорган «Эстрадин-9». Участники конференции по достоинству оценили звучание нового инструмента и мастерство исполнителя.

Но сюрпризом конференции стала новая грампластинка — стерео-гигант «Звучит "Эстрадин"», выпущенная весной 1976 года Всесоюзной фирмой звукозаписи «Мелодия». На этой грампластинке в моём исполнении на электронном баяне «Эстрадин-8Б» были записаны различные классические и эстрадные произведения.

Когда эту пластинку подарили Термену, он подошёл ко мне и попросил, чтобы я оставил ему на ней свою дарственную надпись. Я был

так взволнован этой просьбой! Кто я такой по сравнению с таким великим человеком, чтобы он просил меня дать ему автограф?

Я, с трудом сдерживая волнение, написал на своей пластинке:

«Дорогому Льву Сергеевичу Термену на добрую память от автора и исполнителя Альфреда Грибера. Май 1976 год». И расписался — «Грибер-эстрадин».

А потом я протянул Льву Сергеевичу программку конференции, ручку и попросил его написать что-нибудь мне на память.

— С большим удовольствием, коллега! — проговорил Термен, взял ручку и написал в разделе «Для заметок»:

«Уважаемому Альфреду с самыми хорошими пожеланиями на добрую память. Л. Термен. 19 май 1976 г.».

В этот день наша электромузыкальная команда во главе с Леонидом Ивановичем Федорчуком ещё и сфотографировалась со знаменитым изобретателем. Эта фотография всегда мне напоминает о той встрече с Терменом.

А в третий день конференции уже я прочёл доклад «Попытка математизации коэффициента качества электронных музыкальных инструментов». Идею разработки такого коэффициента предложил профессор Киевской консерватории Лев Вайнтрауб. Вопросов после моего доклада было много. Но когда я сошёл со сцены, ко мне подошёл Термен и, прищурив глаза, сказал:

— Ваш доклад, Альфред, мне понравился. Так что ж теперь, мой дорогой, мы уже сможем качественно сравнить мой терменвокс и ваш электробаян?

— Сравнить-то мы, конечно, сможем, но по качественным характеристикам, — ответил я. — Ведь это инструменты разные и по назначению, и по своей спецификации.

— Конечно, Альфред, конечно. Я понимаю, что сравнивать нужно однотипные инструменты. Я просто хотел похвалить Вас за то, что Вы взялись за такое исследование, и показать Вам, какие возможности оно открывает. Продолжайте, это очень интересно. Но не забывайте, что Вы хороший музыкант. Поэтому делайте всё, но не в ущерб музыке.

Следующая встреча с Терменом у меня состоялась поздней осенью 1980 года. Лев Сергеевич входил в состав Постоянно действующей комиссии по электромузыкальным инструментам, которая дважды в год собиралась на свои заседания в разных городах страны. В этот раз заседание было назначено в Риге.

Леонид Иванович Федорчук также являлся членом этой комиссии. Собираясь в Ригу, он решил показать там, на заседаниях, наш новый синтезатор «Эстрадин-230». А в качестве демонстратора этого инструмента взял меня с собой.

Вот таким образом я оказался в Риге. С Терменом мы встретились, как хорошие знакомые. Его заинтересовал наш новый синтезатор. Он с большим удовольствием копошился среди его переключателей и регуляторов, отыскивая всё новые звуковые комбинации.

Рижане принимали нас, как самых почётных гостей. Нам устроили экскурсию в Домский собор, несмотря на то, что он в то время находился на ремонте. А смотритель собора позволил мне и Вайнтраубу, профессору Киевской консерватории, поиграть на органе, чем мы с огромным удовольствием воспользовались.

Мы были приглашены на Латвийское телевидение в гости к Раймонду Паулсу, который показывал нам свои инструменты и студию звукозаписи.

А затем нам устроили вечер отдыха в Юрмале, в сауне Косыгина, Председателя Совета

Министров СССР, куда привозят только самых уважаемых людей. В этот раз в число таких гостей попала наша делегация.

84-летний Термен, «как самый молодой из всех нас», был заводилой этого вечера. Мужчины разделись и пошли в сауну, а он остался беседовать с дамами. Когда мы вышли из сауны, туда направились женщины. Лев Сергеевич был, как всегда, элегантен. Мы все ходили в плавках или купальниках, халатах и тапочках, а Лев Сергеевич был в чёрном костюме, белой рубашке и галстуке. Он по очереди танцевал со всеми дамами, шутил, рассказывал смешные истории. Было такое ощущение, что он чувствовал себя, как на каком-то светском балу. Короче говоря, он дал фору всем молодым.

В гостинице вечерами мы приходили в номер ко Льву Сергеевичу, и он нам рассказывал о своей жизни, над какими изобретениями, в том числе секретными, он в своё время работал. О многих вещах я вообще услышал впервые, а те проблемы, которые он решал тогда, казались мне фантастическими.

В один из таких вечеров Термен поведал нам такое, что у меня, как говорится, чуть «не поехала крыша».

— Слышал ли кто-нибудь из вас когда-нибудь о микроскопии времени?— вдруг неожиданно спросил нас Лев Сергеевич.

Мы только пожали плечами. Не получив от нас вразумительного ответа, Термен продолжил:

— Когда мы рассматриваем в микроскоп какие-то сверхмалые объекты, например бактерии или что-то подобное, то мы увеличиваем их в тысячи раз. И что мы видим? Как правило, застывшую статичную картину. Но вы же знаете постулат Эйнштейна, что пространство и время взаимосвязаны. Я понял, что наблюдая микромир и изменяя линейные масштабы, необходимо также изменять и масштаб времени.

Я придумал специальный лентопротяжный механизм, который ускорял движение плёнки в кинокамере в сотни раз. Затем я соединил объектив кинокамеры с окуляром микроскопа и начал снимать, не поверите, человеческие сперматозоиды. Когда я проявил киноплёнку, то не поверил своим глазам. Моё сознание отказывалось реагировать на увиденное.

Мы ищем братьев по разуму в космосе, а они существуют в нашем микромире. Вы можете считать меня сумасшедшим, но у сперматозоидов существует разумная цивилизация со своей иерархией. В их армии постоянно проводятся турниры, в которых победитель убивает побеждённого. Выживает только сильный. И только сильнейший из всех сильных способен оплодотворить женскую яйцеклетку. В этом — смысл жизни сперматозоидов.

— А почему мы никогда об этом ничего не слышали в научных передачах и не читали в научных журналах?— спросил кто-то из нас.

— Эти исследования,— ответил Термен,— я проводил ещё в Америке в 30-х годах. А когда вернулся в СССР, меня арестовали, и мои все записи таинственно исчезли. До сегодняшнего дня я не знаю, сохранились ли они. Буду надеяться, что когда-нибудь кто-нибудь их найдёт и продолжит моё дело.

Последний раз я видел Льва Сергеевича в Москве летом 1981 года на Четвертой Всесоюзной научно-технической конференции по электромузыкальным инструментам, проходившей на ВДНХ СССР.

Мы привезли в Москву синтезатор «Эстрадин-230» и электроорган «Эстрадин-314». Лев Сергеевич с интересом рассматривал наши инструменты, давал свои замечания и предложения.

А потом я обратился к Термену:

— Лев Сергеевич, в данное время мы работаем над новым электронным баяном «Эстра-

дин-084», который будет на порядок выше своего предшественника — «Эстрадина-8Б». И доклад, который мы подготовили с моим другом и коллегой Яшей Тененбаумом, как раз и посвящён одному из новшеств, которое мы собираемся применить в новом электробаяне.

— А как называется ваш доклад?— поинтересовался Лев Сергеевич.

— «Полуавтоматическая система формирования звуковых ритмических посылок с басовым и аккордовым аккомпанементом»,— отпартовал я.

— Название доклада впечатляет. Уверен, что будет интересно. Ну что ж, увидимся после вашего доклада.

Но наш доклад Лев Сергеевич так и не услышал. По каким-то причинам он больше не появлялся на конференции.

Уже находясь в Израиле, я узнал о том, что Лев Сергеевич Термен умер в 1993 году в возрасте 97 лет.

Однако память о наших с ним встречах всегда остаётся со мной. Я счастлив, что в своей жизни я был знаком с таким великим музыкантом, конструктором, изобретателем и Человеком с большой буквы.

«БОЕВОЕ» КРЕЩЕНИЕ

В августе 1971 года мне позвонил ответственный секретарь Житомирского областного отделения Музыкально-хорового общества СССР Э.П. Ящук:

— Альфред Михайлович, после Ваших демонстраций электронного баяна к нам обратились и наши нынешние ученики, и будущие, которые хотят учиться играть на электронном баяне у Альфреда Грибера.

— Это приятно слышать, но ведь я у вас не работаю,— возразил я.

— Мы объясняем им, что Вы у нас не работаете, и они могут учиться у любого другого педагога. Но они хотят заниматься только у Вас.

— Но ведь прежде чем играть на электронном баяне, им нужно научиться играть на обычном баяне,— привёл я свой очередной довод.

— Конечно, и мы об этом говорим,— согласился со мной Ящук.— Но они отвечают нам, что существуют, наверно, какие-то особые приёмы игры на электронном баяне, которым только Вы сможете их обучить. Поэтому я хочу предложить Вам перейти к нам на работу и организовать свой класс в любой музыкальной школе.

После такого заманчивого предложения я решил посоветоваться с мамой, Норой (моей женой) и её родителями. После долгих дебатов общим собранием было решено, что предложение стоит принять.

1 сентября 1971 года я приступил к работе в музыкальной школе № 2, которая находилась как раз напротив родительского дома по улице Карла Либкнехта в здании бывшей школы № 21.

Учеников у меня было много, поэтому я работал каждый день с полной нагрузкой. После работы я заходил проведать маму и дедушку.

Работалось мне очень хорошо, коллектив учителей попался дружный, ученики были усердные, старательные, некоторые просто талантливые. Поэтому я был доволен и работой, и собой.

Время от времени я приходил на завод в лабораторию электромузыки, где продолжал консультировать как музыкант своих друзей — инженеров и конструкторов. Электронный баян «Эстрадин-8Б» готовился к запуску в серийное производство.

Такая идиллия продолжалась почти четыре месяца.

Во второй половине декабря ко мне в школу вдруг пришёл Георгий Николаевич Невмержицкий, который, будучи председателем завкома, принимал меня на работу в заводской клуб. Мы радостно встретились, обменялись крепкими рукопожатиями. А потом Георгий Николаевич сказал:

— Меня к тебе прислал Николай Иванович — наш директор завода. Нужна срочно твоя помощь. Кроме тебя, это никто не сможет сделать. Поэтому Николай Иванович и просит тебя вернуться на завод.

— Как вернуться?— удивился я.

— Я тебе сейчас всё объясню,— продолжил Георгий Николаевич.— Дело в том, что завод выпустил первую серийную партию электронных баянов «Эстрадин-8Б» в количестве 10 штук. По приборам проверяем — все технические показатели вроде бы в норме. А инструменты не звучат нормально. И никто не может сказать, в чём причина. У нас в ОТК нет людей, разбирающихся в музыке. У инженеров-конструкторов из лаборатории тоже не имеется музыкального образования. Поэтому они не могут помочь нам в приёмке инструментов. Создалась критическая ситуация. На совещании у директора завода по этому вопросу было выдвинуто предложение

срочно привлечь тебя к работе по проверке и приёмке электробаянов. Лучше тебя их музыкальные свойства всё равно никто не знает. Николай Иванович поручил мне тебя найти, вернуть на завод и предложить тебе любые условия работы и оплаты. Что скажешь?

— А что говорить? Работа в школе мне нравится. Меня здесь уважают учителя и даже любят ученики. Но ради родного электронного баяна я готов вернуться на завод. Только какую должность Вы мне предлагаете?

— Я предлагаю тебе должность контролёра ОТК,— сказал Георгий Николаевич.

— Но я же музыкант,— напомнил я.— Поэтому я хочу, чтобы в моей трудовой книжке значилась работа, связанная с музыкой. А также мне безразлично, какой оклад я буду получать. Я теперь человек семейный, глава семьи, так сказать.

— Ну, все эти вопросы мы решим с Николаем Ивановичем,— заверил меня Георгий Николаевич.— Нам нужно твоё принципиальное согласие, а всё остальное — это уже дело техники.

На том и сошлись.

Через неделю мне на работу позвонил Георгий Николаевич:

— Слушай, Альфред, директор завода позвонил в наше министерство и решил вопрос в главке о названии твоей должности и персональном окладе.

— Так быстро?— удивился я.— И что там решили в отношении меня?

— Николай Иванович очень веско объяснил в главке, что время не терпит. И там пошли ему навстречу. Днями мы должны получить официально оттуда бумагу с указанием названия твоей новой должности и персонального оклада,— уточнил Георгий Николаевич.

— И что же мне будет предложено?— поинтересовался я.

— Значит так. Твоя должность будет называться следующим образом — «Контролёр-музыкант по проверке электромузыкальных инструментов». Ну как, нормально?

— Нормально, мне подходит,— согласился я.— А что за оклад будет у меня?

— Нам разрешили оформить тебя по самому высшему, шестому разряду, да ещё и как на горячих работах. Так что будешь у нас считаться кем-то вроде сталевара,— заключил Георгий Николаевич.

Затем мы подсчитали с ним, сколько это будет в денежном эквиваленте. Цифра, названная мне по окончании расчетов, меня вполне удовлетворила. Георгий Николаевич сказал мне, что как только официальное письмо придёт на завод, можно будет оформить меня через отдел кадров.

Через пару дней снова раздался звонок от заместителя начальника ОТК завода:

— Всё, Альфред, письмо пришло, можешь приходить оформляться,— радостно сообщил мне Георгий Николаевич.

— У меня могут возникнуть проблемы с увольнением из школы,— пояснил я.— Не может ли кто-нибудь позвонить в Музыкально-хоровое общество к ответственному секретарю Яшуку и полюбовно решить мой вопрос?

— За это не волнуйся. Я позвоню ему,— сказал Георгий Николаевич.— Если меня будет недостаточно, то сам Николай Иванович позвонит и всё уладит. Так что, подавай заявление об уходе и выходи 30 декабря на работу.

— А почему 30 декабря, а не с нового года?— удивился я.

— Нам обязательно нужно сдать первую промышленную партию электробаянов до конца года. Потому что 3 января, в первый рабочий день нового года, до 10 часов утра завод должен отправить телетайп в Министерство о выполнении годового плана. От этого — и прогрессивка, и другие премии,— объяснил мне Георгий Николаевич.— Так что, от тебя многое зависит. Ты должен обеспечить выпуск в свет новых инструментов до конца года на высоком качественном уровне. Чувствуешь, какая ответственность ложится на тебя?

Вопрос этот был скорее риторический.

30 декабря утром я пришёл в цех № 4 на своё новое рабочее место. В цехе меня встретили заместитель начальника ОТК завода Геор-

гий Николаевич Невмержицкий, заместитель главного конструктора Виталий Иванович Волошин, начальник лаборатории Леонид Иванович Федорчук и ведущий инженер-конструктор Лев Моисеевич Фукс.

Все меня поздравили с новым назначением, а потом отвели в комнату ОТК. Здесь уже стоял наготове первый комплект электронного баяна.

И работа не просто началась, она закипела. Чувствуя возложенную на мои плечи высокую ответственность, я был необычайно строг и придирчив. Фронт работы был чрезвычайно огромен. Нужно было проверить качество обычного механического баяна, затем влезть в электронное звучание и найти, что там не так. И всё это в каждом из десяти комплектов.

Примерно через час-полтора в цех пришла целая делегация: директор завода Николай Иванович Невмержицкий, главный инженер Дмитрий Васильевич Ковальчук, начальник ОТК Анатолий Милентьевич Демченко, главный конструктор Евгений Евстафьевич Лашук, парторг завода Геннадий Георгиевич Старцев.

Все очень живо интересовались, как у нас дела, как идёт приёмка электробаянов. А Николай Иванович добавил, что от нашей работы зависит выполнение годового плана завода.

Однако мы и так понимали, что находимся в центре внимания. Описывать все детали нашей трудной и напряжённой работы нет смысла. В ней было задействовано большое количество людей как с нашего завода, так и с музыкальной фабрики.

Даже в такое напряжённое время то тут, то там раздавались анекдоты. Некоторые ребята пытались подшучивать надо мной, видя моё чересчур серьёзное отношение к порученной работе.

Леонид Иванович Федорчук подошёл ко мне и сказал:

— Ты на них не обижайся. Они тебя считают нашей неотъемлемой частью, поэтому и зубоскалят на твой счёт. Но, поверь мне, это всё, любя. Главное, что мы делаем наше общее дело. Поэтому я и хочу, чтобы ты был строже и повнимательнее. Мало ли кто чего не доглядел при таком аврале, да ещё и при общей усталости. И вот здесь как раз и необходимы твои строгость, придирчивость и принципиальность. Мне очень важно, чтобы первая промышленная партия наших электробаянов была безукоризненной. Ведь это заложит определённое мерило требований на будущее.

Такая поддержка Леонида Ивановича была для меня очень важна. Ведь я воспринимал Федорчука как своего старшего друга, как своего учителя и покровителя. Его авторитет был для меня непререкаем. Я понимал, что он является тем главным стержнем, вокруг которого всё это электромузыкальное явление вертится.

Я ушёл с работы в свой первый трудовой день контролёра ОТК лишь поздно вечером. Придя домой, я наскоро поужинал и, ответив на вопрос Норы «Ну, как всё было?» лаконичным «Трудно», улёгся спать.

Утром 31 декабря всё продолжалось, как и вчера. Руководители завода разных рангов в течение дня приходили к нам в цех, интересовались ходом работ, желали успешного окончания и уходили.

А мы оставались и продолжали вкалывать. Кто-то вдруг вспомнил:

— Ребята, а ведь сегодня новогодняя ночь!

— Да... — раздались вздохи из разных концов комнаты.— Дай бог встретить её дома в кругу семьи. Если Альфред не будет выпендриваться. А то ему и это не так, и то не годится.

— Ребята,— взмолился я,— я ведь не виноват. Я же хочу, как лучше.

— Мужики,— вмешался в разговор Федорчук,— не трогайте парня. Он ещё не привык к

вашим хохмам. Ещё примет всё за чистую монету. Лучше давайте исправляйте то, что он говорит. Быстрее будет.

Быстро ли, медленно ли двигалась работа, но к 8 часам вечера мы всё закончили. Электробаяны были упакованы и отправлены на склад готовой продукции.

Виталий Иванович Волошин позвонил директору завода и доложил о сдаче первой промышленной партии электробаянов на склад. Они ещё о чём-то беседовали по телефону. А потом Волошин нам рассказал:

— Ну, во-первых, у начальника цеха в сейфе лежит для нас подарок от директора завода. А во-вторых, уже есть первый покупатель нашего электробаяна.

— Когда это он успел нарисоваться?— спросил кто-то.

Здесь мне придётся сделать маленькое отступление от плавного течения рассказа.

Оказывается, в Житомир приехал в конце декабря 1971 года с концертами известный композитор Григорий Пономаренко, который, прослышав об электробаяне, загорелся желанием его приобрести. Он каждый день морочил голову Волошину одним и тем же вопросом: «Когда выйдут первые электробаяны?» Плюс ко всему, он ходил и к житомирским властям, и в обком партии, предлагая в обмен на электробаян написать песню о Житомире. И те, и другие «проглотили наживку» Пономаренко и каждый день бомбардировали директора завода телефонными звонками с тем же вопросом «Когда?»

В конце концов, Пономаренко написал песню о Житомире. Что интересно, он написал не только музыку, но и слова песни. Поэтому местным поэтам пришлось переводить слова этой песни на украинский язык. Куплеты песни я уже не помню, а вот припев могу привести на украинском языке:

«Мій Житомир, мій Житомир –
В тихім шелесті дібров.
Мій Житомир, мій Житомир –
Моя пісня і любов».

И вот за эту песню городские власти и обком партии продали Григорию Пономаренко электробаян из первой промышленной партии.

Спустя какое-то время на проходной завода были установлены часы с боем колоколов, воспроизведённых на электробаяне. А после колоколов довольно мощно звучала в исполнении того же электробаяна «Песня о Житомире» Григория Пономаренко. Это так понравилось местным властям, что они «попросили» дирекцию завода сделать то же самое на здании горисполкома. И ещё много лет эта мелодия оглашала окрестности и радовала местных жителей и гостей города.

Но история на этом не закончилась. Спустя несколько лет мы узнали, что Григорий Пономаренко был отличным предпринимателем от музыки. Разъезжая по стране со своими концертами, он почти в каждом городе продавал эту песню. Заменялось только название города. Так, вместо «Мій Житомир», проставлялись другие слова, например, «Мой Воронеж», или «Севастополь», или «Мой Хабаровск», или «Мой Челябинск», или «Благовещенск». А далее было? всё одинаково. Вот такая история.

Однако, вернёмся в цех № 4 накануне нового 1972 года.

После сообщения Волошина о первом покупателе – Григории Пономаренко, начальник цеха отправился в свой кабинет и достал из сейфа пару бутылок чего-то горячительного. На скорую руку был подготовлен стол. Разлили содержимое бутылок по рюмкам, стаканам, мензуркам и прочим ёмкостям.

– Ребята, дорогие мои друзья и коллеги! – поднялся Леонид Иванович Федорчук. – Пер-

вым делом я хочу поздравить всех нас с наступающим Новым годом и пожелать всем здоровья, счастья и новых успехов.

– Ура-а-а! – закричали все дружно.

– Ребята, – продолжил Леонид Иванович. – Мы выпустили в жизнь наше новое детище – электронный баян «Эстрадин-8Б». Как и любой ребёнок, он родился в муках. И сейчас я хочу выпить за того человека, который во многом облегчил наши муки: муки создания, муки производства и муки выпуска нашего общего дитяти в свет. Он не производственник, он музыкант. Благодаря его таланту, его принципиальности, его старанию нам удалось сообща выиграть этот бой. Я хочу выпить за Альфреда.

– Будь здоров, дорогой! – продолжил Леонид Иванович, обращаясь ко мне. – Поздравляю тебя с «боевым» крещением!

Обычная работа контролёра ОТК цеха № 4 была для меня довольно рутинной. Я быстро освоился со всеми проверками и испытаниями электромузыкальных инструментов «Эстрадин-3М» и «Эстрадин-6». Электронные баяны появлялись в готовом виде и предъявлялись для проверки только в конце месяца. Я начал помогать другим контролёрам, научился проверять печатные платы, пайки, различные технологические сборки. Получая довольно приличную зарплату, я не мог себе позволить бездельничать на работе.

Как-то я заметил, что обычные баяны, поступающие в цех с музыкальной фабрики, бывают, мягко говоря, некачественными. Я об этом сразу же доложил по команде наверх. Разобравшись с этим вопросом, начальство вменило мне в обязанность осуществлять проверку этих баянов перед их поступлением в цех. Поэтому пару раз в месяц я приходил на склад внешней приёмки и проверял качество очередной партии баянов, прибывших с музыкальной фабрики. Бракованные баяны отправлялись после моей проверки обратно на фабрику.

Где-то в начале марта 1972 года я случайно встретился в городе со своей знакомой (ещё по работе в Доме культуры) Еленой Николаенковой. Мы поговорили о том и о сём, вспомнили о днях совместной работы. Лена начала расспрашивать меня, чем я сейчас занимаюсь, и я рассказал ей о своей нынешней работе. Она сказала мне, что работает сейчас в кабинете эстетики педагогического института. И вдруг Лена спросила меня:

— А тебе не скучно там работать? Ведь ты же творческий человек. Тебе ведь всегда нужно что-

нибудь новенькое делать. Идём работать к нам в институт. Нам как раз сейчас нужен такой творческий человек, как ты. У нас большая художественная самодеятельность. Очень много приехало учиться к нам студентов из Казахстана и Узбекистана. А ты ведь работал до армии в Казахстане. Смог бы организовать Ансамбль песни и танца из этих среднеазиатских студентов.

— А ведь ты, Ленка, права,— согласился я.— Что-то нет мне творческого раздолья в цеху. Я подумаю над твоим предложением. А ты пока прозондируй почву насчёт меня в институте.

— Хорошо, я прозондирую и позвоню тебе,— ответила Лена.— Только ты тоже долго не раздумывай.

На том и расстались.

Через несколько дней раздался звонок от Лены:

— Привет, я переговорила в институте кое с кем. В общем, с тобой хотят познакомиться поближе. Так что, приходи.

Мы договорились о времени моего прихода в институт, и я прибыл на смотрины к ректору. Он расспросил меня о прошлой и нынешней работе, о моём опыте руководства художественной самодеятельностью, о моём образовании. Примерно час продолжался наш разговор, в конце которого ректор сообщил, что он будет рад видеть меня среди сотрудников института.

На следующий же день я подошёл к заместителю начальника ОТК завода Георгию Николаевичу Невмержицкому. После взаимных приветствий я спросил его:

— Вы довольны моей работой, Георгий Николаевич?

— Да, и не только я. Все тобой довольны,— ответил он.— А чего это ты вдруг задаёшь мне такой вопрос?

— Понимаете, Георгий Николаевич, ту работу, которую я делаю сейчас, я могу делать и

дальше, но на полставки. Уверяю Вас, мной будет сделано то же самое, но за меньшую зарплату.

— Что-то я тебя не совсем понимаю,— недоуменно произнёс мой шеф.

— Да тут всё просто. Вы меня переводите на работу по совместительству на полставки. Я буду приходить тогда, когда для меня будет работа,— разяснил я.— А всё остальное время я буду работать в пединституте, куда меня пригласили художником.

Короче говоря, со мной согласились и оформили меня по совместительству на полставки. На таких условиях я проработал ещё три года.

Мой переход на работу в пединститут состоялся в марте 1972 года. Я был доволен работой, и мной были довольны. Кружки художественной самодеятельности работали отлично, потому что я подбирал хороших руководителей. Вот, например, хором у нас руководил будущий директор Житомирского музыкального училища Борис Антонович Свириденко. Ансамбль песни и танца узбекской и казахской молодёжи, созданный мной, успешно выступал на всех праздниках, внося своеобразный восточный колорит. Работал танцевальный коллектив, ставил свои спектакли СТЭМ (студенческий театр эстрадных миниатюр).

Чуть позже Лена Николаенкова со своим будущим мужем Сашей Лещёвым решили организовать вокально-инструментальный ансамбль. Пригласили в эту компанию и меня в качестве музыкального руководителя. Я согласился, и мы начали создавать серьёзный репертуар. И название мы придумали серьёзное — «Музикі» («Музыканты»). Не «Песняры», конечно, но тоже было красиво.

В состав ансамбля входили: Лена Николаенкова (бас—гитара), Саша Лещёв (соло—гитара), Славик Краснов (ритм—гитара), ударник Саша (фамилию его, к сожалению, забыл) и я (орган, фортепиано). Солистки-вокалистки периоди-

чески менялись, а вот солистом-вокалистом ансамбля постоянно был Владимир Шинкарук. На время написания данного рассказа он уже стал заслуженным артистом Украины и профессором Житомирского университета. А тогда он был для нас просто Вовка Шинкарук, очень хороший и красивый парень, отличный друг, великодушный и популярный певец, который мог с гитарой «держат» зал не один час.

Наш ВИА «Музикі» был весьма популярен в Житомире, так как репертуар был довольно разнообразен: и классика, и народные песни, и эстрадные обработки, и собственные сочинения, и произведения вокально-драматургического жанра.

Было очень много выступлений: и на сцене родного института, и на концертных площадках города и области, и в городах соседней Белоруссии. В общем, было очень интересно работать всем вместе.

Проработал я в институте на должности художественного руководителя ровно два года, до марта 1975 года.

А ещё летом 1972 года Лена Николаенкова вдруг предложила мне:

— Слушай, Алик, давай поступать в наш институт на филологический факультет.

— А мне это зачем?— удивился я.— У меня уже есть музыкальное образование.

— Ну и что?— отпарировала Лена.— Будет ещё и филологическое образование. А вдруг ты не сможешь по каким-либо причинам работать музыкантом? Тогда будешь учить детей русскому языку и литературе.

Я подумал-подумал и решил, что Лена права. Теперь я бесконечно благодарен ей за эту идею.

Короче говоря, буквально в последний день я успел подать документы в приёмную комиссию. Впереди были вступительные экзамены.

Но это уже тема другого рассказа.

СТУДЕНТ – ЗАОЧНИК

Благодаря идее Леночки Николаенковой, моей коллеги, я решил поступать на филологический факультет Житомирского педагогического института имени Ивана Франко и буквально в последний день подал документы в приёмную комиссию. И так, спустя 8 лет, я снова решил учиться.

В институте к тому времени я проработал всего месяца четыре, поэтому меня ещё здесь мало кто знал из преподавательского состава.

Вступительные экзамены я сдал неплохо – 18 баллов из 20. И это несмотря на то, что я окончил музыкальное училище, где изучал общеобразовательные предметы, в 1964 году.

Первый экзамен – сочинение я сдал на «5». Я выбрал вольную тему: «Коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым». А что ещё я мог выбрать? Описание литературных образов я как-то подзабыл, а на вольной теме всегда можно развернуться. Вот я и развернулся. Написал об участии моей бабушки в Трипольской трагедии, о повешении белыми и чудесном спасении моего дедушки, о нашей с мамой эпопее на целине, о своей работе в Гурьеве.

На экзамене по истории СССР получил «4» только за то, что не помнил каких-то тезисов последнего партийного съезда. На экзамене по немецкому языку тоже получил «4», и вполне заслуженно, потому что по-немецки последний раз я говорил на экзамене в музыкальном училище.

А вот об экзамене по русскому языку стоит рассказать особо.

Писал я всегда грамотно, и это происходило чисто автоматически. Наверно, благодаря кни-

гам, которые я прочитывал в невероятных количествах. А вот правила я, конечно, помнил уже не совсем хорошо.

Два вопроса я преодолел быстро. Третьим вопросом была тема – «Правописание прилагательных с -н и -нн». Об исключениях «стеклянный, оловянный, деревянный» и «ветренный» я помнил. Но вот правила были как-то в тумане. Я написал большой список прилагательных с -н и -нн, рассортировал их так, как я считал нужным, и пошёл отвечать.

Экзамен принимала корифей русского языка института – Аза Феодосьевна Папина. Первые мои два ответа на вопросы в билете у неё не вызвали никаких сомнений. Когда я перешёл к изложению правописания прилагательных, я почувствовал, что Аза Феодосьевна как-то оживилась. Она слушала, не прерывая. Лишь где-то в уголках её рта я заметил «джокондовскую» улыбку.

После окончания моего ответа Аза Феодосьевна сказала:

– Вы знаете, я поставлю вам «5». Но это не потому, что вы всё так хорошо знаете. А потому, что вы так всё логично изложили о правописании прилагательных, что я начала сомневаться в том, правильно ли стоставлены наши учебники?

А через четыре года Аза Феодосьевна Папина стала научным руководителем моей дипломной работы, которая писалась как диссертация с учётом на будущее. Но об этом чуточку позже.

Итак, 1 сентября 1972 года я стал студентом 1-го курса филологического факультета заочного отделения Житомирского педагогического института.

От сессии к сессии моя учёба продвигалась хорошо. Особенно меня интересовали старославянский и древнерусский языки, которым нас обучала старший преподаватель Ида Овсеевна

Федоровская. Заметив мой интерес к этим дисциплинам, она посоветовала написать студенческую научную работу на республиканский конкурс. В то время я очень серьёзно увлекался нумизматикой. Поэтому как-то сама собой сформировалась тема будущей работы — «Лексика денежных единиц Древней Руси IX—XIII веков».

Под руководством Иды Овсеевны я написал эту работу, будучи студентом 4-го курса. Ида Овсеевна — замечательный человек и мой большой друг. Она как чуткий и внимательный педагог очень помогла мне в моих исследованиях, за что я ей бесконечно признателен.

Во время написания этой работы мне удалось сделать лингвистическое открытие, что называется, «на кончике пера». А суть дела была в следующем.

Во всех словарях и справочниках было (да и сейчас ещё) написано, что слово «рубль» происходит от слова «рубить». Дескать, брали серебряный слиток, рубили его пополам и получали рубли.

Однако, углубившись в исторические и археологические исследования, я обнаружил, что в начале XIII века в Древней Руси, наряду с обычными денежными слитками, которые назывались «гривнами», появились новые слитки так называемого «двойного литья». Сначала заливали форму высококачественным серебром, а затем сверху добавляли низкопробное серебро. Между этими слоями был ясно виден шов или рубец.

Сопоставляя это данные, а также зная то, что новая реальность требует нового названия, я пришёл к выводу, что новые слитки с рубцом и были «рублями». Древнерусское слово «руб», означавшее «рубец, шов», и послужило основой для нового слова «рубль».

А рубить слитки стали позже, и эти отрубки-половинки получили название «полтина», от более позднего ещё одного названия рубля — «тин».

Моя научная работа в 1975 году была послана институтом на Республиканский конкурс студенческих научных работ 1975/76 учебного года. По итогам конкурса я был признан его победителем и награждён Дипломом Министерства высшего и среднего специального образования СССР и ЦК ЛКСМ Украины.

Когда в институте получили данный Диплом, был большой ажиотаж. Не каждый год студент Житомирского пединститута удостоивался звания победителя такого конкурса. Было устроено торжественное собрание, на котором мне и вручили Диплом победителя.

Ида Овсеевна Федоровская была рада, кажется, больше меня:

— Какой успех!— восклицала она.— Теперь тебе открыта дорога в науку. Ты уже заявил о себе. Нужно перерабатывать эту работу в дипломную. Я убеждена, что тебе разрешат защищать дипломную работу вместо сдачи государственного экзамена.

И я снова засел за работу. Но тут вскоре ко мне опять обратилась Федоровская:

— Я должна тебе кое-что разъяснить. У тебя, действительно, есть большое научное будущее. Но я не смогу помочь тебе подняться на вершину. Мы с тобой оба евреи. Поэтому научный руководитель-еврейка тебе не годится. Я поговорила с нашей Азой Феодосьевной, и она согласилась быть твоим научным руководителем. А я всегда буду помогать тебе, чем только смогу.

Таким образом, моим научным руководителем стала доцент Аза Феодосьевна Папина. Да, та самая, которая принимала у меня вступительный экзамен по русскому языку.

Аза Феодосьевна сразу сказала мне:

— Мы с Вами, Альфред, писать дипломную работу не будем. Она, фактически, у Вас уже написана. Мы будем готовить диссертацию, которая Вам понадобится для защиты в аспи-

рантуре Киевского университета. А здесь в институте при защите дипломной работы мы её обкатаем.

Целый год я под руководством Азы Феодосьевны и с помощью Иды Овсеевны доводил мою научную работу до совершенства. А через год я защищал её перед государственной комиссией.

Уже в наши дни мой давнишний друг Владимир Шинкарук, ныне профессор Житомирского университета и заслуженный артист Украины, как-то в разговоре с заведующей кафедрой славянских языков этого же университета Натальей Месяц упомянул моё имя. Она сразу вспомнила меня и сказала, что до сих пор очень хорошо помнит мою блестящую защиту дипломной работы. А ведь прошло более 30 лет.

Если тебя помнят столько лет, значит, всё было не напрасно.

Правда, некоторые чиновники от науки заявляли мне в то время: «Да Вы, вообще, кто такой, чтобы спорить с маститыми, признанными учёными, словарями и энциклопедическими справочниками?» Официальные инстанции не хотели слушать мои доводы и не воспринимали меня всерьёз.

Так и хотелось мне им ответить словами Аркадия Райкина: «Ребята, вы хорошо устроились!»

Но как приятно было чувствовать себя победителем в этом извечном споре, когда на официальных сегодняшних сайтах России я увидел, что моя точка зрения на происхождение названия русской денежной единицы «рубль» является уже главенствующей.

Как восхитительно то, что спустя 30 с лишним лет те идеи, которые я высказывал, и те гипотезы, которые я выдвигал, приобретают официальное признание! И дело уже даже и не в научном приоритете.

Но вернёмся в 1977 год. Когда я окончил институт и получил диплом учителя русского языка и литературы, передо мной встал выбор. Что делать и куда идти? Что выбрать – синицу в руке или журавля в небе?

Аза Феодосьевна настаивала на моём поступлении в аспирантуру Киевского университета. А у меня на руках 10-месячная дочь, рождённая во втором браке, и жена в декретном отпуске. Занимаюсь я интересной работой, за которую получаю нормальную зарплату.

И я выбрал синицу. «Аспирантура, – решил я, – подождёт до лучших времён. Диссертация у меня лежит дома, кушать не просит. Защищу её позже».

И я продолжал работать инженером-конструктором в лаборатории электромузыкальных инструментов завода «Электроизмеритель». И только спустя 8 лет я начал работать по своей филологической специальности – учителем русского языка и литературы в школе.

Продолжая работать на полставки контролёром-музыкантом ОТК по приёмке электромузыкальных инструментов, я приходил на завод в те дни, когда предъявлялась к сдаче новая готовая продукция или нужно было проверить на входном контроле баяны, поступившие с музыкальной фабрики.

Побеждает. Прессинг был
сильный, а силы были неравны -
двое против одного. При этом

В один из таких дней в середине февраля 1975 года заместитель главного конструктора Виталий Иванович Волошин и начальник лаборатории Леонид Иванович Федорчук буквально «взяли меня в плен», зажав в углу коридора отдела главного конструктора.

Первым нарушил молчание Виталий Иванович:

— Альфред, ты нам нужен.

— И вы мне нужны, — ответил я радостно. —

Поэтому я здесь, к вашим услугам. А что-то случилось?

Тут в разговор вмешался Леонид Иванович:

— Альфред, ты нам нужен здесь каждый день, а не пару раз в неделю. У нас к тебе есть вопросы, которые ты должен решать оперативно и регулярно, а не эпизодически от случая к случаю.

— Поэтому тебе нужно переходить к нам на работу в отдел главного конструктора,— продолжил Волошин.

– То есть, ко мне в лабораторию на должность инженера-конструктора, – уточнил Федорчук.

Прессинг был сильный, а силы были неравны — двое против одного. Пришлось сдаться на милость победителей. Но я, в принципе, не очень и сопротивлялся. Мне нравилась работа, которой занимались в лаборатории, мне нравился коллектив единомышленников во главе с Леонидом Ивановичем.

1 марта 1975 года я стал инженером-конструктором лаборатории № 23 КБ–2 ОГК завода «Электроизмеритель».

Первой моей серьёзной работой на новом поприще была подготовка к демонстрации электронного баяна «Эстрадин-8Б» на международной выставке «Связь-75» в Москве в мае 1975 года. Я повторял свой репертуар, совершенствовал мастерство, «обкатывал» выставочный образец.

16 мая мы загрузили в машину комплект электронного баяна со старыми звуковыми колонками, которые шли в серийном производстве. Новые колонки, разработанные специально для выставки, ещё не были изготовлены. Радиоткань для них пришлось сдирать с зарубежных образцов — наше снабжение не смогло достать хорошую ткань. Было решено, что их подвезут в Москву позже.

А вся наша лабораторная команда выехала в Москву поездом 19 мая. Открытие выставки было намечено на 22 мая.

А сейчас немного официальной информации об этой выставке.

Международная выставка «Системы и аппаратура связи» — «Связь—75» была организована по инициативе Министерства промышленности средств связи СССР. Оргкомитет выставки возглавил министр Э. К. Первышин.

В выставке приняли участие более 600 экспонентов из 24 стран. На территории Парка культуры и отдыха в Сокольниках на площади 26 тысяч квадратных метров был сооружён выставочный комплекс из 12 павильонов. В экспозиции выставки были представлены передовые на то время отечественные и зарубежные разработки в области радиосвязи, спутниковой связи, телевидения и радиовещания, измерительной техники, почтовой связи, радиоаппаратуры бытового назначения. В павильоне СССР демонстрировались более 3000 экспонатов.

И одним из них был наш электронный баян «Эстрадин-8Б». Когда мы привезли его 20 мая в павильон и распаковали, Дирекция выставки

забраковала внешний вид звуковых колонок и сказала, что не может выставить инструмент в таком виде на экспозицию. Тогда мы попросили Дирекцию послушать сначала звучание инструмента, а уж потом выносить свой вердикт.

Ребята выразительно посмотрели на меня и сказали:

— Сейчас от тебя зависит всё!

И я заиграл. С первыми же звуками «Эстрадина-8Б», заполнившими, казалось, весь павильон, жизненное пространство вокруг меня стало стремительно сужаться. Громадное количество народа, неизвестно откуда взявшегося, закрыло мне весь обзор. Но я продолжал играть, прекрасно понимая, что, может быть, это мой последний концерт на этой выставке.

Но, как оказалось, я глубоко ошибался. Когда затихли последние аккорды, раздались бурные аплодисменты. Взмолвленная Дирекция уже не была так категорична. Напротив, нам сказали, что электробаян, конечно же, останется в экспозиции выставки. Относительно звуковых колонок было предложено закрыть их жёлтую ткань какой-нибудь красивой драпировкой до тех пор, пока не подвезут новые современные колонки. И ребята 22 мая как раз перед открытием выставки успели привезти эти новые колонки поездом из Житомира.

На нашем стенде, кроме электронного баяна, экспонировались также электромузыкальные инструменты «Вильнюс», «Юность-73», «Эмбас» и электрогитара-орган. Последний инструмент был сделан радиолюбителем из Прибалтики, который его и демонстрировал. Наш стенд являлся частью раздела «Товары народного потребления», который располагался недалеко от выхода из павильона.

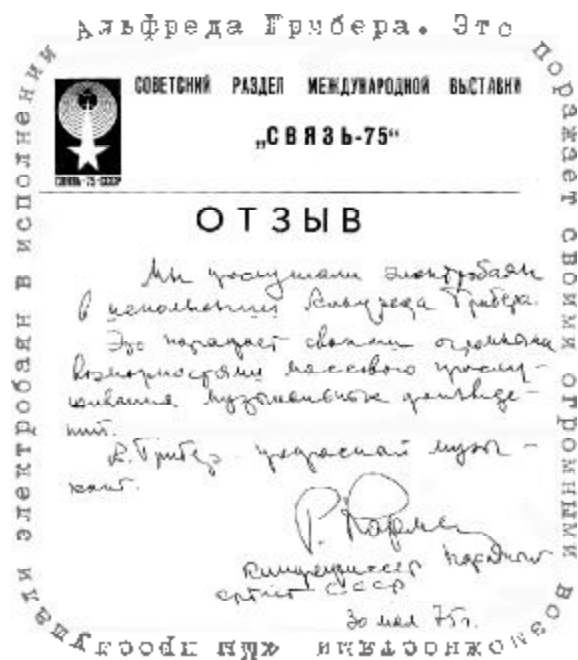
22 мая Председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин открыл Международную выставку «Связь—75». Двухнедельный марафон

начался. Скажу, что за эти две недели выставку посетило около полумиллиона человек.

Сразу после открытия выставки все наши ребята, кроме меня и Эдика Кулаженко, уехали в Житомир. Мы начали ждать первую группу посетителей, в которой находились руководители страны, министры, почётные гости и все остальные начальственные лица.

Когда эта делегация во главе с Косыгиным подошла к нашему стенду, я нажал на баянные кнопки. Движение тут же прекратилось, и все остановились, как вкопанные. На лицах застыло недоумение, которое не исчезало до окончания музыки.

Один из сопровождавших Косыгина лиц обратился ко мне с вопросом:

— Скажите, пожалуйста, а какие средства записи фонограмм использованы в инструменте? И какой объём памяти носителей информации?

— Я вынужден вас разочаровать,— ответил я.— У нас нет ни магнитофонных записей, ни фонограмм. И никакой памяти в инструменте нет. Всё, что вы сейчас слышали, играл я один вот на этом электронном баяне.

— Фантастика!— качая головой, сказала спрашивающее сопровождающее лицо. И все остальные сопровождающие лица в знак согласия кивнули головами.

— Сыграйте, пожалуйста, ещё что-нибудь,— обратился ко мне Косыгин.

— С удовольствием, Алексей Николаевич,— ответил я.— Но чтобы никто не сомневался в том, что это играю я, а не какая-то фонограмма, любой человек может заказать свою любимую мелодию или песню.

— А Вы можете сыграть песню «Рябинушку»?— спросил кто-то.

— Евгения Родыгина?— ответил я вопросом на вопрос и напел мелодию.— «Вечер тихой песнею над рекой плывёт». Эту?

И, получив утвердительный ответ, заиграл мелодию песни «Уральская рябинушка» Родыгина. Оркестровку и аранжировку песни пришлось придумывать по ходу исполнения.

Когда музыка смолкла, Косыгин поблагодарил меня и ушёл, уводя за собой сопровождающие лица.

Но, как известно, свято место пусто не бывает. Освободившееся от официальных гостей пространство тут же было заполнено многочисленными посетителями выставки, которые начали просить меня ещё сыграть на электробаяне.

Удовлетворяя желание публики, я начал свой концерт. Однако примерно через полчаса ко мне подошёл представитель Дирекции выставки и попросил прервать демонстрацию инструмента.

Оказалось, что своей игрой я создал самую настоящую «пробку» в павильоне. Посетители входили сюда, но уже очень скоро не могли продвигаться, так как на выходе из павильона движение прекратилось полностью. Все стояли и слушали музыку.

Был объявлен перерыв или антракт. После небольшого совещания на стенде было вывешено расписание моих демонстраций-концертов. Полчаса — концерт, полчаса — перерыв. Таков был график моих выступлений.

Дирекция надеялась, что таким образом удастся избежать большого скопления народа около нашего стенда. Блажен, кто верует! Пока я играл, Эдик Кулаженко отвечал на все вопросы посетителей выставки и раздавал бланки отзывов. Когда музыка шла на перерыв, люди продолжали задавать вопросы уже нам обоим, а многие просто стояли и ждали следующего концерта.

Новые посетители, увидев скопление людей, которые ждали чего-то, спрашивали (по принципу «Что дают?» или «Что выбросили?»): «А что здесь будет?» И получив объяснение, тоже оставались ждать. Так что около нашего стенда всегда было много народа.

Слух о том, что в Сокольниках показывают какое-то музыкальное чудо, вмиг облетел Москву. Многие посетители приходили целенаправленно послушать электробаян, некоторые приходили по несколько раз с переносными магнитофонами.

Отзывов наш электронный баян собрал больше всех на выставке — несколько тысяч. Я приведу только некоторые из них, да и то в сокращении.

«Мы прослушали электробаян в исполнении Альфреда Грибера. Это поражает своими огромными возможностями массового прослушива-

ния музыкальных произведений. А. Грибер — прекрасный музыкант.

Роман Кармен, кинорежиссёр,
народный артист СССР».

«Качество и мастерство исполнения на электронном баяне выше всяких похвал! Такой инструмент в руках хорошего специалиста — целый оркестр.

Крымов, подполковник».

«Возможности «Эстрадина-8Б» и, главным образом, демонстрация его исполнителем — отличные!»

«Сегодня мы впервые слышали электробаян и были восхищены! Он заменяет целый оркестр. Великолепное звучание! Благодарим за доставленное удовольствие исполнителя и всех создателей великолепного инструмента.

Инженеры Непочаток и Дубова».

«Очень интересный инструмент. Создаётся впечатление игры целого оркестра. Мастерское исполнение. Это очень интересно и здорово! Очень приятный тембр музыки.

Кирикова, экономист».

«Прослушав исполнение музыкальных номеров на электронном баяне, выражаю своё восхищение как игрой специалиста, так и возможностями инструмента. Широкий тональный диапазон, включение ударных инструментов делает установку, в целом, исключительно полезной, приятной для восприятия и эффективной для использования по назначению.

Представитель МПО «Рубин».

«В течение 25 минут очень внимательно слушал великолепный концерт, исполненный на электробаяне. Должен отметить весьма квалифицированное исполнение и подбор музыкальных инструментов. Честь и хвала разработчикам и изготовителям великолепного инструмента!

Начальник отдела МПСС».

«Отдел выставки, демонстрирующий новые электромузыкальные инструменты, вызывает восхищение. Выражаем особую благодарность тов. Гриберу А.М., демонстрирующему замечательные возможности всех представленных инструментов. Мы восхищены его прекрасным исполнением, выдержкой, тонким вкусом и очень хорошим репертуаром.

Семья Чубаровых».

«“Эстрадин” — инструмент великолепный. Прекрасно сочетание естественного голоса баяна с широкой звуковой гаммой электромузыкальных инструментов. Следует особо отметить исполнительское мастерство тов. Грибера А.М., в совершенстве освоившего тонкости инструмента. Его исполнение и звучание инструмента доставили нам истинное удовольствие.

Инженер А.Гейфман, г. Киев».

«Демонстрация электробаяна «Эстрадин—8Б» даёт возможность убедиться в его богатых тембровых возможностях и сравнительно высоких акустических качествах. Многому, естественно, способствует и высокое исполнительское мастерство демонстратора Альфреда Михайловича Грибера.

Почётный радист СССР Д.Самодуров».

«По-видимому, никого из побывавших на выставке «Связь—75» не оставил равнодушным редкий экспонат — электронный баян. Красивое и сочное звучание! Такой баян с успехом заменит большой оркестр. Это и было продемонстрировано на выставке баянистом, прекрасно владеющим инструментом. Хотелось бы чаще видеть выступление баянистов, играющих на электронном баяне по телевидению.

Старший инженер Рунов».

«Мы увидели и услышали чудо-инструмент! Это музыкальное чудо, когда один человек, в руках которого находился баян, заменил целый оркестр!!! Многие проходили и думали, что это

отличнейшие органные записи, и никто не подозревал, проходя мимо, что это исполнял один человек на баяне!!

Сотрудники химфакультета МГУ».

«Очарована звучанием электробаяна, представляемого в разделе «Электромузыкальные инструменты». Спасибо организаторам раздела за хорошую демонстрацию инструмента с прекрасным исполнением. Богатство звуков электробаяна заменяет целый оркестр.

Инженер Лыкова».

«Впервые слышим такую замечательную музыку в исполнении одного музыканта. Получили огромное удовольствие! Уходим под впечатлением игры «большого оркестра».

Сотрудники ЦРК имени Кренкеля».

«Невозможно описать то впечатление, которое оказала на меня выставка электромузыкальных инструментов. Это чудесно! Ваш баян — чудо, от которого невозможно оторваться. Какое богатство красок!

Инженер-конструктор
Московской экспериментальной
фабрики баянов А.Шляхов».

«Совсем случайно услышал звучание «Эстрадина». Это, кроме чудесного исполнения, чистый, кристальный звук. С точки зрения инженера-электроакустика могу сказать: прекрасно звучат низы — сочные и неназойливые.

Инженер Саамов».

«Никогда ничего подобного не слышал! Это чудо-инструмент!

Конструктор Волков».

«Мы удивлены и поражены разнообразностью звучания и тембров электронного баяна.

Студенты Фёдорова и Трояновский».

«Мелодии, исполненные на «Эстрадине», игру которого мне посчастливилось услышать, — настоящее чудо. Электронный баян — безуслов-

но, оригинальная творческая находка специалистов.

Инженер рижского завода ВЭФ
А.Тимерман.

«Первая встреча с электронным баяном вызывает удивление и восхищение. Стоишь, как зачарованный...

Старший преподаватель
2-го Московского
мединститута Г.Фенерли».

Это только некоторые из тех отзывов, которые мы с Эдиком Кулаженко не отдали в Дирекцию выставки и смогли сохранить у себя.

Ко мне обратились представители Всесоюзной фирмы звукозаписи «Мелодия» с предложением записать в исполнении на электронном баяне грампластинку. Забегая вперёд, скажу, что эта запись была осуществлена в конце 1975 года, а грампластинка «Звучит “Эстрадин”» вышла в свет в начале 1976 года.

После закрытия выставки «Связь—75» состоялось награждение лучших экспонатов, экспонентов и демонстраторов. Я как демонстратор получил ценный подарок — транзисторный приёмник и Почётный Диплом Оргкомитета и Дирекции советского раздела Выставки в ранге золотой медали за подписью министра Э.Первышина. Завод «Электроизмеритель» как экспонент был награждён Почётным Дипломом Торгово—промышленной Палаты СССР и Дирекции Выставки в ранге золотой медали.

Это было первое международное признание нашего электромузыкального инструмента — электронного баяна «Эстрадин-8Б». Первое, но не последнее.

Следом за электробаяном международное признание получили и другие наши электромузыкальные инструменты на Лейпцигской (ГДР) и Загребской (Югославия) международных ярмарках в 1978 и 1980 годах.

Но это мне в тогдашнем июне 1975 года ещё не было ведомо.

Сразу после торжественного закрытия выставки и награждения победителей мы с Эдиком вернулись к более прозаичным делам. Нужно было собрать и упаковать комплект электробаяна, погрузить его на машину, которая уже пришла из Житомира, закончить все формальности в Дирекции выставки, попрощаться и уехать на вокзал за билетами.

Эдик решил уехать домой сразу же на следующий день, в субботу. Мне пришлось задержаться ещё на день, поэтому я купил билет на поезд на воскресенье.

Когда поезд въехал на территорию житомирского вокзала и остановился, я вслед за другими пассажирами стал медленно пробираться к выходу из вагона.

И вдруг услышал мужской голос из тамбура:

— О, сколько цветов! Это, случайно, не мне? Может быть, вы все меня встречаете? Да, кому-то здесь повезло!

Не придав этим восклицаниям значения, я продолжал уверенно двигаться по вагону к тамбуру. Но как только я пересёк его границу, сразу раздались крики «ура!» Повернувшись направо, я увидел среди букетов дорогие лица моих друзей из нашей лаборатории: Лёни Федорчука, Льва Фукса, Миши Мандрыгина, Вали Комиссарчук, Вити Месниченко, Юры Бжестовского, Игоря Иваницкого и Эдика Кулаженко.

Сойдя по ступенькам вниз, я тут же попал в объятия встречающих. Меня передавали из рук в руки, обнимали, целовали, тискали. Я только успел крикнуть Эдику:

— Это ты всё подстроил?

— Бог с тобой, Алик!— крикнул он мне в ответ.— Я только сказал, что ты сегодня приезжаешь. Это всё Иваныч придумал!

Ребята забрали у меня чемодан и сумку, завалили меня цветами, и мы все вместе двинулись в привокзальный ресторан праздновать победу. Празднование затянулось на несколько часов.

На следующий день прямо с утра Федорчук, Эдик и я были вызваны в кабинет директора завода. Николай Иванович радостно поприветствовал всех нас и поздравил с большой победой на международной выставке. Затем он сообщил, что через час мы должны быть в техкабинете, где состоится наш отчет о работе в Москве перед заводским активом и службами, принимавшими участие в подготовке электробаяна к выставке.

В 10 часов утра зал заводского техкабинета был заполнен до отказа. Наша пресс-конференция прошла празднично. Всех интересовали любые подробности нашего пребывания на выставке. Я продемонстрировал присутствующим в техкабинете свой Почётный Диплом и ценный подарок. Было объявлено, что Почётный Диплом, которым награждён завод, в скором времени прибывает в Житомир.

Нас поздравляли, жали руки, высказывали слова благодарности. Чествование затянулось до обеда.

На следующий день был издан приказ директора завода о награждении денежными премиями лиц, обеспечивших достойное представление электронного баяна на Международной выставке «Связь—75».

А вскоре Почётный Диплом Торгово-промышленной Палаты СССР и Дирекции Международной выставки «Связь—75» украсил стенд наград завода «Электроизмеритель».

ЭЛЕКТРОБАЯН ЗВУЧИТ НА ГРАМПЛАСТИНКЕ

После одного из моих концертов-демонстраций электронного баяна «Эстрадин-8Б» на Международной выставке «Связь-75» ко мне подошёл один из слушателей:

— Здравствуйте! Я главный инженер Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия».

— Добрый день!— поздоровался я.

— Вы знаете, я здесь на выставке провожу уже не один день,— продолжил мой собеседник.— И каждый раз с большим удовольствием слушаю ваши концерты.

— Спасибо большое!— поблагодарил я за комплимент.

— Это вам спасибо! Ваш инструмент — просто чудо! А вы — прекрасный музыкант! Я уже рассказал руководству нашей фирмы о том, какие чарующие звуки я здесь слышал. Так что очень скоро ждите гостей из фирмы «Мелодия».

— Буду очень рад показать своим гостям электронный баян.

— А почему бы вам не записать весь ваш репертуар на грампластинку?— вдруг прозвучал вопрос.

— Вы это серьёзно?— удивился я.

— Вполне. У вас очень необычный инструмент, интересный репертуар. Люди с удовольствием будут слушать такую пластинку. Мы как-то записывали Ансамбль электромузыкальных инструментов под управлением Мещерина. Так Ваш электробаян звучит, как весь этот Ансамбль. Особенно вот это произведение — «На колхозной птицеферме».

— На самом деле эта пьеса называется «Петушиная полька». А написал её эстонский композитор Геннадий Подэльский,— вставил я своё

разъяснение.— Я поэтому и выучил это произведение, чтобы можно было сравнить звучание Ансамбля и электробаяна.

— И мне кажется, что ваше исполнение более интересно, потому что вы вставляете в эту пьесу звуки обычного баяна, чего нет в Ансамбле Мещерина. То же самое я могу сказать и о фокстроте «Цветущий май», где тоже у вас звучит добавка простого баяна.

— Вы заметили такие тонкости, которые не все слышат,— похвалил я собеседника.

— Я ведь работаю на фирме звукозаписи. Мне приходилось слышать много интересных исполнителей. Но вы и ваш электробаян покорили меня. Поэтому я и предлагаю вам записаться у нас на грампластинку.

— Понимаете, я здесь на выставке выступаю не как частное лицо, а представляю житомирский завод «Электроизмеритель», на котором разработан и внедрён в производство электронный баян,— заметил я.— Поэтому вопрос о записи его на грампластинку нужно решать с руководством нашего завода. Я вам дам телефоны начальника лаборатории электромузыкальных инструментов и директора завода. С ними вы сможете обо всём поговорить.

— Хорошо, я согласен,— проговорил мой собеседник.— А вам я оставляю свою визитную карточку. Так, на всякий случай.

Я рассказал Эдику Кулаженко о своём разговоре с главным инженером фирмы «Мелодия», и мы решили, что нужно срочно позвонить на завод. В следующий свой перерыв я отправился в Дирекцию выставки, чтобы позвонить в Житомир Лёне Федорчуку.

Вот здесь мне придётся сделать небольшую вставку о наших отношениях с Федорчуком. Очень скоро после нашего знакомства в 1969 году мы, несмотря на разницу в возрасте, стали друзьями. Причём, друзьями настоящими. Наш

тандем, начиная с первой встречи, был настолько гармоничным, что мы понимали друг друга не то что с полуслова, а с полувзгляда. Мне imponировали Лёнины душевность, мягкость, интеллигентность, даже некоторая застенчивость, скромность, постоянное желание сделать что-нибудь приятное и неспособность обидеть.

В неофициальных ситуациях мы всегда называли друг друга по имени: я его — «Лёня» или «Лёничка», а он меня — «Алик» или «Аличек». После того, как Лёня стал моим начальником в марте 1975 года, ничего не изменилось. Но если он был в чём-нибудь неправ, по моему мнению, или я на него за что-то сердился, то начинал называть его по имени-отчеству и обращался к нему на «вы». Это ему страшно не нравилось. Он даже считал, что я специально это делаю, чтобы отдалить его от себя. Лёня всегда, при любой ситуации первым подходил ко мне и говорил:

— Ну, всё, Аличек, хватит. Я уже больше так не могу. Прости меня, если я виноват. И прекрати мне «выкать». А то я тебя сейчас побью.

Мы шутливо «мирились», и всё продолжалось, как обычно.

Вот такой у меня друг — Лёничка Федорчук! Я считаю его своим «братом по жизни».

Итак, я пошёл звонить Лёне в Житомир. Девочки в секретариате Дирекции выставки мне явно симпатизировали, потому что сразу откликнулись на мою просьбу.

— Лёня, привет!— радостным голосом поздоровался я, услышав в телефонной трубке знакомый голос друга.— Это я, Алик.

— Аличек, родной мой, привет!— обрадовался Лёня.— Ну, как вы там с Эдикомживаете? Как проходит выставка?

— У нас всё отлично. Даём концерты по 8 штук в день, собираем отзывы, беседуем со слушателями, даём интервью прессе, радио и те-

левидению. Интерес к нашему электробаяну огромный. Можно сказать, купаемся в лучах славы.

— Как приятно это слышать, дорогой,— произнёс Лёня.

— Но я тебе звоню не для того, чтобы похвастаться. Тут есть одно серьёзное предложение от Всесоюзной фирмы грамзаписи «Мелодия». Мне предложили записать весь мой репертуар на грампластинку. Что ты на это скажешь?

— Алик, так это же победа!— закричал Лёня.— Ты представляешь, у тебя будет собственная авторская пластинка. Такие пластинки имеют только знаменитые музыканты. Теперь и ты станешь у нас известным на всю страну, а, может быть, даже за границей. Глядишь, ещё и перестанешь с нами, простыми смертными, здороваться.

— Лёня, прекрати свои шуточки. Я ж с тобой серьёзно разговариваю,— начал я урезонивать своего друга.

— Извини, дружище. Я уже серьёзен, как никогда. Просто я очень рад за тебя.

— Лёня, но ты ведь понимаешь, что я не могу принимать такие решения. Поэтому я дал твой телефон и телефон Николая Ивановича. Руководство фирмы «Мелодия» с вами свяжется, а вы уже там всё решайте.

— Да, это мы всё сообща решим. Главное, что выпуск грампластинки с записью звучания электробаяна поднимет престиж как самого инструмента, так и нашего завода. Кроме того, такая грампластинка сможет послужить дополнительной рекламой для других наших разработок.

Мы с Лёней попрощались, и я вернулся на наш стенд, где и рассказал Эдику о разговоре с Федорчуком.

Где-то за пару дней до закрытия выставки к нашему стенду вновь подошёл главный инженер фирмы «Мелодия» и радостно сообщил:

— Всё, наши с вашими обо всём договорились. Запись назначена на осень этого года. Ваш завод закупает весь тираж новой грампластинки. Так что, Альфред, встретимся осенью у нас на фирме «Мелодия» на улице Станкевича.

Вернувшись после окончания выставки в Житомир, я начал серьёзную подготовку к записи грампластинки. Первым делом нужно было отобрать репертуар. Из всех произведений на электронном баяне, которые накопились у меня за эти годы, я отбирал для записи на грампластинку такие, в которых можно было показать все возможности инструмента. После долгих размышлений список был составлен:

И. С. Бах. «Органная токката ре-минор».

Л. Делиб. «Пиццикато» из балета «Сильвия».

Н. Петти. «Колёса» из кинофильма «Бум».

Р. Колинсон. «Фантазия».

Г. Миллер. «Чаттануга-чуча» из кинофильма «Серенада Солнечной долины».

А. Попп. «Манчестер и Ливерпуль». Широко известная мелодия из прогноза погоды в программе «Время» по ТВ.

Р. Луна. «Жаворонок». Популярная мелодия из передачи ТВ «В мире животных».

«Русские напевы. Фантазия на темы русских народных песен».

«Попурри на темы современных зарубежных вальсов».

«Фантазия на темы песен В. Шаинского к мультфильмам».

«Фантазия на темы песен М. Таривердиева к кинофильму «Семнадцать мгновений весны».

Переложение, обработку и аранжировку данных произведений для электронного баяна я сделал самостоятельно. Затем все ноты данных произведений я переписал и отправил на фирму «Мелодия» для того, чтобы звукорежиссёры смогли составить свой план записи каждого произведения.

Нам было отведено для записи две рабочие смены, то есть два рабочих дня.

На запись грампластинок в Москву поехала целая команда во главе с Федорчуком. В назначенный день утром мы приехали на улицу Станкевича, где располагалась Всесоюзная фирма грамзаписи «Мелодия». Нашему взору предстало старинное здание англиканской церкви святого Андрея, так называемая «кирха».

Именно здесь и располагались студии звукозаписи с уникальной акустикой. Именно здесь записывались все ведущие советские музыканты. Именно здесь записывал знаменитый аранжировщик Рей Конифф свою знаменитую грампластинку «Рей Конифф в Москве». Именно в этой студии мне суждено было записывать свою авторскую пластинку «Звучит "Эстрадин"».

Когда были установлены и электронный баян, и микрофоны, и ещё какая-то аппаратура, всех удалили из студии. Мне объяснили, как будет проходить запись, что можно делать и чего нельзя во время записи. Я остался один в огромном зале. Передо мной были только стены.

Меня попросили сыграть для пробы пару произведений, чтобы настроить аппаратуру для записи. Я начал играть, но скоро почувствовал какой-то дискомфорт, как будто мне чего-то не хватает.

Это заметил звукорежиссёр. Он прервал запись и попросил меня успокоиться и собраться. Мы снова стали записывать, и опять сбой.

— Что с Вами случилось? Вы себя хорошо чувствуете?— спросил меня звукорежиссёр.— Мне кажется, что Вас что-то беспокоит.

— Вы правы,— ответил я.— Мне очень некомфортно. Я никогда не записывался в студиях грамзаписи. Я привык играть для публики, для слушателей, а здесь передо мной голые стены. Мне очень трудно играть для стен. Мне нужны люди, для которых я буду играть.

После короткого совещания в студии прямо передо мной на приличном расстоянии расставили стулья и усадили на них моих друзей и работников студии, не занятых в записи. Их предупредили, что в студии во время записи не должно быть абсолютно никакого постороннего звука. Поэтому дышать им можно было только вдали от микрофонов.

И дело сразу пошло на лад. Мои зрители очень внимательно смотрели на меня, старательно слушали мою игру и даже молча «переживали».

За первую смену мы записали пять произведений. После записи каждого произведения осуществлялось её прослушивание, потом принималось решение о качестве записи. Некоторые вещи приходилось записывать дважды и даже трижды из-за технических срывов и сбоях.

Зато на следующий день работа пошла уже проторенной дорогой. За рабочую смену мы записали, прослушали, а, при необходимости, снова записали и прослушали ещё шесть произведений. Такой напряжённой и нервной работы, как за эти два дня, у меня ещё никогда не было.

Домой мы возвращались победителями. У всех было прекрасное настроение. Шутка ли, мы записали пластинку! И не просто пластинку, а стереофонический диск-гигант. Меня, как основного виновника торжества, все поздравляли, обнимали, целовали. Было такое ощущение, что я опять вернулся с международной выставки.

А потом я получил гонорар за запись. Фирма «Мелодия» прислала мне, кажется, 143 рубля. Да разве в количестве денежных знаков было счастье? Я, обыкновенный житомирский музыкант, удостоился чести записать свою авторскую пластинку. Вот это было истинное счастье! Плюс ко всему, фирма обязалась подарить мне 50 авторских экземпляров пластинки.

В январе 1976 года меня вызвали в Москву на фирму «Мелодия», чтобы прослушать и утвердить мои записи перед сдачей их в производство. Я приехал на фирму и прогуливался по коридору административного корпуса в ожидании начала прослушивания записей.

По этому же коридору рядом со мной прохаживался ещё один молодой человек в дублёнке. Приглядевшись повнимательнее, я узнал в нём популярного певца Льва Лещенко. Слово за слово, мы разговорились, познакомились и выяснили, что оба ждём прослушивания своих записей.

Я рассказал Льву об электронном баяне и о будущей пластинке. Сказал, что записал 11 произведений. И тут он мне сообщает, что тоже записал для своей будущей пластинки ровно 11 песен. Мы улыбнулись такому совпадению. Я поинтересовался, какие песни мы услышим на новой пластинке. Лещенко перечислил мне их: «Я вас люблю, столица» Аедоницкого и Визбора, «Алёшенька» Мартынова и Дементьева, «За того парня» Фрадкина и Рождественского и «Белая берёза» Шаинского и Дербенёва.

А потом мы случайно выяснили, что родились тоже в один месяц — в феврале. Только Лев родился 1 февраля 1942 года, а я — 11 февраля 1946 года. Оба, так сказать, Водолеи.

Вскоре нас позвали, каждого в свою студию, на прослушивание, и больше с тех пор мы не встречались.

Стереофоническая грампластинка-гигант «Звучит "Эстрадин"» была изготовлена, кажется, в марте или в начале апреля 1976 года. Меня опять вызвали в Москву на фирму «Мелодия», где вручили мои авторские экземпляры в количестве 50 пластинок. А весь тираж этих грампластинок был переправлен на завод «Электроизмеритель».

Вот так и закончилась эпопея с записью моей авторской грампластинки.

Впоследствии эту пластинку вручали в качестве подарка особо важным и почётным гостям завода или города. А потом в каждый электробаян, выпускаемый на заводе, вкладывалась такая пластинка в качестве звуковой иллюстрации к инструменту.

А для меня началась пора раздачи автографов, пора признания, пора почёта.

Но самой дорогой для меня является та пластинка, на которой мои друзья по работе оставили свои пожелания и автографы:

«Нашему общему любимцу».

«Гриберу—эстрадину от всей души».

«Взлетевши высоко, друзей не забывай. С верхнего мануала больнее падать».

«Гений — это человек, который знает, что у него талант, но, тем не менее, он продолжает работать в лаборатории № 23».

И лаконичное от Лёни Федорчука: «Целесообразно продолжать!»

И продолжение последовало. После выхода в свет в 1984 году нового шедевра — электронного баяна «Орион» («Эстрадин-084») был записан магнитоальбом «Звучит новый электронный баян «Орион». В моих переложениях, обработках, аранжировках и исполнении были записаны: «Фрагмент 1-й части симфонии № 40» В. Моцарта, «Токката» П. Мориа, «Органная токката ре-минор» И. Баха, «Рок-н-ролл», «Неудачное свидание» А. Цфасмана, «Землянка» К. Листова, «Я не могу иначе» А. Пахмутовой, «Миллионы алых роз» Р. Паулса, «Песня из кинофильма «Солдат Иван Бровкин» А. Лепина, «Вчера» Д. Леннона и П. Маккартни, «Розовая вишня и белый цветок яблони» Ж. Ларю, «Крыша дома твоего» Ю. Антонова, украинская народная песня «Ой, дівчина, шумить гай», «Песня о Житомире» Г. Пономаренко.

У меня в архиве до сих пор хранятся несколько пластинок «Звучит "Эстрадин"», которые напоминают мне о том чудном времени, когда мы были все вместе. Жаль только, что уже нет проигрывателя, на котором их можно прослушать.

Но и тут подспела помощь от члена нашего электромузыкального братства Игоря Иваницкого, который два года тому назад поместил на сайте «Журнал Житомира» следующий комментарий к моему рассказу «Моё детство в Житомире. Наша улица и её достопримечательности»:

«Уважаемый Админ. Если глубокоуважаемый автор статьи не станет возражать, прошу Вас добавить к материалу следующую ссылку: <http://krokradio.zt.ua/audio/estradin.rar>. Альфред Грибер исполняет популярные мелодии на электронном баяне «Эстрадин-8Б», «Мелодия», 1976 год».

Я не возражал. Наоборот. Я записал несколько СД-дисков, которые раздал своим нынешним друзьям.

На всякий случай, для тех, кто захочет послушать первый электронный баян «Эстрадин-8Б», я продублирую эту ссылку:

<http://krokradio.zt.ua/audio/estradin.rar>.

Слушайте и получайте удовольствие!

«АЛЬФРЕДУ ОТ АЛЛЫ...»

В сентябре 1977 года в Житомир с концертами неожиданно приехала молодая, но уже популярная певица Алла Пугачёва. Достать билеты на её концерт было просто невозможно. Аншлаг был полнейший.

И тут меня вызывает к себе директор завода Невмержицкий:

— Альфред, у меня к тебе есть личная просьба. Но это только между нами, хорошо?

— Конечно, Николай Иванович. Я вас слушаю.

— Я хочу пригласить к нам в гости известную певицу Аллу Пугачёву. Подготовь, пожалуйста, несколько её песен на электронном баяне. Ей будет приятно.

— Хорошо, Николай Иванович, я всё сделаю,— заверил я директора.— А когда состоится встреча с Пугачёвой?

— Встреча назначена на послезавтра на вечер в нашем пионерском лагере на Богунии. Но это секрет. Об этом знает ограниченное число лиц. Проверь электробаян, настрой его, чтобы показать нашей гостье, на что мы способны. Я уже дал соответствующие распоряжения. Тебе во всём помогут.

Многие песни в исполнении Аллы Пугачёвой были у меня, что называется, на слуху. Я начал быстро аранжировать их для исполнения на электробаяне.

В назначенный вечер я уже был в пионерском лагере в полной готовности. В огромной столовой стоял длинный празднично накрытый стол. Как раз напротив стола у стены был установлен весь комплекс электронного баяна. Вдоль боковой стены была устроена выставка

— А хочешь, я тебя познакомлю с исполнителем, который играет на этой пластинке?— улыбаясь, произнёс Николай Иванович.

— Да, очень хочу,— восторженно сказала наша гостья.— А как это можно устроить?

— Всё очень просто. Он сидит за нашим столом. Познакомься, вот это и есть наш Альфред Грибер.

Я встал со стула и, повернувшись лицом к Пугачёвой, кивнул ей головой.

— Альфред, дорогой, сыграй нашей гостье что-нибудь необычное,— попросил Николай Иванович, улыбаясь и слегка подмигивая мне.

Я вышел из-за стола, подошёл к электробаяну, надел ремни, быстро проверил все регуляторы и переключатели и посмотрел на сидящих за столом. Все замерли в ожидании.

Я медленно взял первые три аккорда, а затем продолжил уже в нужном темпе мелодию припева песни Мажукова «Очень хорошо!», которую пела на своих выступлениях Алла Пугачёва.

Я надеялся, что моё выступление понравится известной певице, но то, что произошло дальше, превзошло все мои ожидания. Алла вскочила со своего места, выбежала на середину зала и начала с восторгом танцевать, прыгать... Я не ожидал от неё такой реакции и был приятно поражён.

Когда музыка закончилась, Алла подбежала ко мне:

— Альфред, большое вам спасибо!— захавшись от танца, произнесла она.— Вы не представляете, какое удовольствие вы мне доставили! Я даже не могла предположить, что мои песни ещё кто-нибудь играет, кроме меня.

— Если позволите, я сыграю ещё одну Вашу песню,— предложил я.

— А какую?— спросила Алла.

— А вот эту,— проговорил я и заиграл знаменитое «Арлекино» Димитрова.

всех выпускаемых и разрабатываемых электромузыкальных инструментов, в том числе новый двухмануальный электроорган «Эстрадин-9». Заправлял организацией этого торжества бессменный начальник пионерского лагеря Григорий Янушпольский.

Примерно часов в 10 вечера прибыли машины с гостями. Из машины директора завода вышли Николай Иванович, Алла Пугачёва и ещё две девушки. Эти девушки, как потом оказалось, были вокалистками в ансамбле «Ритм», который сопровождал выступления Пугачёвой. Из второй машины вышли председатель профкома завода Георгий Николаевич Невмержицкий и директор Житомирской областной филармонии Анатолий Васильевич Город.

Николай Иванович на правах хозяина пригласил всех в столовую. Он и Алла сели во главе праздничного стола. Все остальные разместились по его обеим сторонам.

Первый тост директор завода провозгласил за Аллу и её талант замечательной певицы. Мы его дружно поддержали и приступили к трапезе.

Николай Иванович поначалу расспрашивал Аллу о том, как прошёл концерт, как ей понравился Житомир. А затем он начал рассказывать о наших электромузыкальных инструментах, обращая внимание гостей на выставку у стены. И вдруг Николай Иванович сказал, повернувшись к Пугачёвой:

— Алла, а ты знаешь, что в прошлом году на Всесоюзной фирме грамзаписи «Мелодия» вышла грампластинка стерео-гигант «Звучит "Эстрадин"», где записаны различные произведения, исполненные на электробаяне нашим музыкантом Альфредом Грибером?

— Ты удивишься, но я эту пластинку слышала. Кто-то из моих знакомых где-то достал её и принёс мне,— оживилась Алла.— Хорошие записи. И исполнение отличное.

И снова вспыхнуло веселье. Теперь к танцу певицы прибавилось её пение. Такого эмоционального «Арлекино» ни один зритель никогда не видел и не слышал. Такой эксклюзив в исполнении Аллы Пугачёвой видели только 7 человек, присутствовавшие на этом вечере.

После этого шоу мы вернулись к столу, и Алла предложила выпить за меня и мой талант. Все подняли свои рюмки и бокалы. Но Алла продолжила:

— Я хочу выпить с Альфредом на «брудершафт».

Она подошла ко мне, мы переплели наши руки с бокалами вина, выпили и поцеловались.

— Теперь мы с тобой на «ты». Не забудь это,— тихо сказала Алла.

— Не забуду, Алла,— пообещал я.

Николай Иванович подошёл к нам и протянул мне непонятно откуда взявшуюся мою пластинку:

— Подари нашей гостье на память свою пластинку.

Я взял пластинку и подал её Алле:

— Это тебе от меня!

— Спасибо большое! А где это видно, что от тебя. Могу я получить твой автограф?— спросила, улыбаясь, Алла.

— Конечно,— сказал я и начал искать по карманам ручку. Увидев протянутую мне Николаем Ивановичем ручку, я взял её и написал на обложке пластинки:

«Алле Пугачёвой от автора и исполнителя на добрую память». И расписался.

— Спасибо тебе ещё раз, Альфред! Вот теперь видно, что это твой подарок.

В продолжение вечера Николай Иванович попросил слова:

— Дорогие друзья! За нашим столом находится ещё одна знаменитость — лауреат Всеук-

раинского конкурса эстрадных вокалистов Георгий Николаевич Невмержицкий.

Все зааплодировали.

— Жора,— обратился директор к председателю профкома,— спой мою любимую, пожалуйста.

Георгий Николаевич, явно смущённый таким поворотом событий, подошёл ко мне и тихо сказал:

— Пошли, сыграешь мне «Черемшину» в до-миноре.

Мы отправились к электробаяну. Я сел и заиграл вступление. Когда Георгий Николаевич начал петь, его красивый баритон заполнил весь зал. Было видно, что всем понравилось его пение. За первой песней последовала вторая. А потом оживились и две девушки-вокалистки. Они присоединились к Георгию Николаевичу, и новоиспечённое трио радовало всех популярными песнями.

Однако Николай Иванович не унимался. Лукаво улыбаясь и глядя Георгию Николаевичу прямо в глаза, он вдруг сказал:

— Друзья, вы ещё не знаете, что наш Георгий Николаевич — великолепный танцор. Давайте попросим его станцевать нам украинский «Гопак». Альфред, играй!

Я заиграл мелодию «Гопака», и все начали хлопать в ладоши. Георгий Николаевич снял пиджак и пустился в пляс. Он так залихватски плясал, что все заразились его энергией и присоединились к нему.

После танца все усталые, но довольные возвратились к столу, на котором появились уже горячие блюда. Слегка перекусив, я включил электроорган «Эстрадин-9» и начал наигрывать популярные мелодии.

Алла подошла ко мне и долго стояла, наблюдая и слушая мою игру. Потом обернулась к Николаю Ивановичу и спросила:

— Коля, а где ты отыскал такое чудо?

— Алла, ты о чём? Этот новый инструмент сделан у нас на заводе,— ответил директор.

— Да я не об инструменте, а об Альфреде. Он так же классно играет на органе, как и на баяне. Он же настоящий вундеркинд.

— Ты ещё скажи — тридцатилетний вундеркинд,— поправил я Аллу.

— А что, тебе 30 лет?— поинтересовалась она.

— Ну, если точнее, то уже 31 с половиной.

— Так ты, оказывается, на целых три года старше меня,— удивилась Алла.— Кто бы мог подумать? А выглядишь совершенным мальчиком.

— Если бы я был женщиной,— отпарировал я,— то поблагодарил бы тебя за комплимент. А сейчас я объявляю «белый танец». Дамы приглашают кавалеров.

Я вернулся к электробаяну и заиграл мелодию песни Тухманова «Белый вальс». Алла пригласила на танец Николая Ивановича, одна из девушек — Георгия Николаевича, а другая — директора филармонии Анатолия Васильевича. Затем я исполнил танго, а за ним — фокстрот, потом опять «по заявкам зрителей» — «Белый вальс».

Веселье наше закончилось где-то под утро. Расставаясь, Алла сказала мне:

— Вечером я приглашаю тебя на свой концерт в вашем театре. Придёшь?

— Но я не один, у меня есть жена,— ответил я.

— Значит, придёшь с женой,— уверенно заключила Алла. И, повернувшись к директору филармонии, произнесла:

— Анатолий Васильевич, Альфред с женой — вечером мои гости на концерте. Позаботьтесь об этом, пожалуйста.

— Конечно, Аллочка, что за вопрос,— пообещал Город.— Ваши гости — это наши гости.

Так закончилась эта удивительная ночь. А вечером мы с моей женой Машей, сами того не ожидая, присутствовали в городском театре на концерте Аллы Пугачёвой.

Прошло примерно полгода. 1-го или 2-го марта 1978 года меня вызвал к себе директор завода. Когда я зашёл в его кабинет, он встал из-за стола и пошёл мне навстречу. Мы поздоровались, и Николай Иванович пригласил меня присесть. Затем он сказал:

— Альфред, у меня опять к тебе личная просьба. Когда Алла Пугачёва была у нас в гостях в пионерском лагере, ей понравился наш авторитм «Эстрадин-11». Я тогда пообещал ей подарить его, когда будет налажен серийный выпуск. Сам понимаешь, обещания надо выполнять, тем более, такой женщине, как Алле. Вот именно сейчас как раз подходящий случай выполнить своё обещание. На пороге 8 марта, и Алле будет приятно получить от нас такой подарок. Я не могу поручить такую деликатную миссию никому, кроме тебя. Ты лично знаком с Аллой, поэтому тебе будет легко выполнить это моё поручение. Вот все её телефоны в Москве. У Аллы во вторник 7 марта вечером праздничный концерт в Доме культуры издательства «Правда». Поезжай и вручи ей авторитм «Эстрадин-11». Все соответствующие распоряжения я уже отдал. Оформляй командировку в министерство и отправляйся в путь.

Для тех, кто не в курсе, я хотел бы объяснить, что такое авторитм. Это автоматический ударный электронный музыкальный инструмент, который содержит имитаторы большого и малого барабанов, бас-тома и альт-тома, хетта, щётки по барабану, чокло и маракасов. В него заложены 16 готовых ритмов: румба, самба, мамбо, ча-ча-ча, джаз-рок, босанова, бит, фокстрот-1, фокстрот-2, танго, свинг, бегин,

марш, слоу-рок, баллада, вальс. Имеется также кнопочный секвенсор для создания собственного ритмического рисунка для большого барабана, малого барабана и щёток по барабану. И готовые ритмы, и собственные ритмические рисунки можно воспроизводить вместе и по отдельности в любых пропорциях. Можно также регулировать общую громкость, темп, баланс между тоновыми и шумовыми генераторами. Таким образом, данный инструмент может вполне заменить собой ударную ритм-группу ансамбля или небольшого оркестра.

Итак, получив задание, я быстро оформился, взял со склада «Эстрадин-11», сел в поезд и поехал в Москву. Здесь я сразу позвонил Алле, и мы договорились, что к определённому часу я подойду к Дому культуры издательства «Правда». Меня там будут ожидать её сотрудники, которые и проведут внутрь здания.

Во вторник 7 марта вечером я прибыл по указанному адресу и был, как сказано у Пушкина, доставлен к Пугачёвой. Мы поздоровались, обменялись новостями, и Алла удалась готовиться к концерту. Я устроился на сцене за кулисами, где и прослушал весь концерт Пугачёвой.

После концерта Алла подошла ко мне и сказала:

— Извини, мне нужно немного отдохнуть после выступления. Ты пока пообщайся с моими музыкантами. Я им уже рассказывала о тебе. Так что у вас будут темы для разговоров. А потом я вернусь, и мы с тобой пойдём на маленький сабантуйчик, который устраивает в мою честь директор Дома культуры.

Время за разговорами с руководителем ансамбля «Ритм» Александром Авиловым, уже знакомыми мне девушками-вокалистками и музыкантами ансамбля пролетело быстро. Спусти где-то полчаса или чуть-чуть больше к нам присоединилась и Алла.

Я поздравил её с праздником 8 марта, передал привет от Николая Ивановича и вручил подарок — авторитм «Эстрадин-11». Алла была несказанно обрадована тем, что Николай Иванович не забыл её и выполнил своё обещание.

И тут вдруг мне в голову пришла одна мысль, и я спросил Аллу:

— У тебя есть моя пластинка с автографом?

— Конечно, есть, — ответила Алла. — Ведь ты сам мне её подарил, помнишь?

— Я-то помню. А вот у меня твоей пластинки с автографом нет. И я считаю, что это несправедливо.

— Так мы эту несправедливость мигом исправим, — заявила Алла и обратилась к своим музыкантам:

— Ребята, найдите, пожалуйста, срочно мою новую пластинку.

Через несколько минут пластинка была уже в руках Аллы.

— Ну, что тебе написать? — спросила Алла.

— Напиши, например, так, — раздумывая на ходу, протянул я. — «Альфреду Гриберу от Аллы Пугачёвой».

— Фу, как официально,— отвергла Алла моё предложение.— Давай попроще.

И, склонившись над обложкой пластинки, она написала:

«Альфреду от Аллы, с пожеланиями успеха».

— А вот здесь моя специальная подпись для друзей,— добавила Алла и расписалась, нарисовав рядом с автографом сердечко с каплюшкой из него капелькой.

Пластинку эту с автографом Аллы я храню уже много лет как воспоминание о наших встречах.

А потом мы с ней пошли в кабинет директора Дома культуры, где в честь Аллы был накрыт стол. Алла представила меня своим другом, известным музыкантом. За столом нас было всего человек шесть. Выпили за Аллу, потом за женский праздник. И тут вдруг Алла разоткровенничалась:

— Все говорят, что я известная певица. А вот совсем недавно, зимой, я вдруг заболела. Мы с дочкой дома одни-одинёшеньки, я лежу больная, с насморком, с температурой. Хлеба и молока некому было пойти купить. И никто не позвонил и не пришёл. Вот вам и известная, всеми любимая певица.

— А что, сама не могла позвонить друзьям в Москве, чтобы пришли и помогли?— спросил я.— Или позвонила бы нам с Николаем Ивановичем. Мы бы сразу приехали и навели у тебя порядок.

— В следующий раз я так и сделаю,— пообещала Алла.

Как-то в конце 1978 года мы пересеклись в министерстве с нашим директором завода. Николай Иванович обрадовался неожиданной встрече:

— Слушай, сегодня вечером у Аллы концерт,— и он назвал, уже не помню сейчас, какой-то зал.— Она меня пригласила. А ты по-

едешь со мной. И никаких возражений. Алла будет рада тебя увидеть.

Я, в общем-то, не очень возражал. И вечером Невмержицкий повёз меня куда-то на такси. Мы приехали в какое-то концертное заведение и зашли через служебный вход за кулисы. Нас сначала не пропускали, но кто-то из пугачёвской команды нас узнал.

Пройдя немного по коридору за сценой, мы увидели идущую навстречу нам Аллу в своём сценическом балахоне. Она заулыбалась и произнесла нараспев:

— Мальчики, житомиряне...! Как я рада вас видеть! Целоваться не будем, я уже в гриме. Идите, устраивайтесь! Увидимся после концерта.

А после концерта «бойцы вспоминали минувшие дни».

Вот и сейчас, глядя сквозь призму времени на современную Примадонну, я с тёплой улыбкой вспоминаю ту молодую женщину, которая написала мне на своей пластинке:

«Альфреду от Аллы...».

ВЕСЕННЯЯ ЛЕЙПЦИГСКАЯ ЯРМАРКА 1978 ГОДА

В рассказе о встречах с Аллой Пугачёвой я упомянул о том, что в марте 1978 года по поручению директора завода Николая Ивановича Невмержицкого привёз Алле в подарок разработанный нами авторитм «Эстрадин-11». Для того рассказа некоторые детали этой поездки были не очень существенны, поэтому я опустил их.

А всё дело в том, что 12 марта в ГДР открывалась Лейпцигская ярмарка. А в павильоне СССР в экспозиции Украинской ССР в разделе «Музыкальные инструменты» должен был экспонироваться наш новый электромузыкальный инструмент – двухмануальный электроорган «Эстрадин-9». Стендистом-демонстратором раздела был назначен я.

В первых числах марта я приехал в Москву для оформления моего назначения в Торгово-Промышленной палате СССР. Выезд в Лейпциг был назначен на 8 марта.

Поэтому, вручив 7 марта Алле Пугачёвой подарок, я 8 марта сел на поезд и отбыл в ГДР.

В Лейпциге всех участников советской делегации поселили в международном отеле «Астория» в центре города. А затем мы сразу поехали на территорию ярмарки.

Не лишним будет заметить, что в то время я неплохо знал немецкий язык. У меня, вообще, есть способность к языкам, а тут я всего восемь месяцев назад окончил пединститут, где также изучал немецкий язык. Так что объясниться по-немецки и прочитать что-нибудь не очень сложное на немецком языке я мог.

В павильоне СССР была отведена большая часть экспозиции Украины, которая в свою

очередь была разбита на разделы, соответствующие той или иной отрасли. В разделе «Музыкальные инструменты» уже были размещены украинские народные инструменты, фортепиано, баяны и аккордеоны, выпускаемые разными предприятиями Украинской ССР.

Для электрооргана «Эстрадин-9» был выделен отдельный стенд. Это было сделано руководством экспозиции с учётом того, что новый инструмент будет пользоваться повышенным вниманием. В этом они не ошиблись. Подготовка всей экспозиции, в целом, и моего раздела, в частности, заняло пару напряжённых дней.

12 марта 1978 года Лейпцигская ярмарка была торжественно открыта. Мы ожидали прибытия государственной делегации ГДР во главе с Генеральным секретарём ЦК Социалистической единой партии Германии Эрихом Хонекером и Председателем Совета министров ГДР Вилли Штофом. Из-за ограниченности времени делегация проходила по павильону СССР, почти не задерживаясь у стендов. Все объяснения члены делегации получали, что называется, по ходу следования.

Когда главы делегации оказались в моём поле видения, я начал потихоньку играть, создавая музыкальный фон происходящему. По мере приближения важных гостей к моему стенду музыка усиливалась.

И тут случилось совершенно неожиданное для организаторов выставки. Хонекер и следовавший рядом с ним Штоф остановились и начали внимательно слушать звучание электрооргана.

Когда я закончил играть, мои слушатели не ушли, как ожидалось. Хонекер попросил меня сыграть мелодию песни «Подмосковные вечера», что я и сделал, к всеобщему удовольствию. И Хонекер, и Штоф, а за ними и сопровождающие их лица пытались подпевать электрооргану.

Создалась такая идиллическая картина единения народов и культур. Все улыбались и пели.

Когда мелодия смолкла, Хонекер сделал несколько шагов по направлению ко мне и протянул правую руку, произнося слова благодарности. Я встал из-за электрооргана, подошёл к нему и пожал протянутую руку. Следом за Хонекером мне протянул руку Штоф. Мы также обменялись рукопожатием и словами благодарности. И тут все сопровождающие лица стали подходить ко мне и пожимать мне руку, произнося «Данкэ шёён!». Я пожимал их руки и говорил «Биттэ шёён!». Постепенно делегация скрылась за поворотом.

Мои коллеги по выставке сразу начали давать мне советы, как лучше сохранить на моей руке отпечатки ладоней важных персон ГДР. Одни советовали больше не мыть руки вообще, другие предлагали надеть на руку целлофановый пакет, третьи предлагали альтернативу в виде перчатки. Я смеялся и радовался вместе с ними.

Потом к моему стенду вернулись представители Дирекции нашего павильона и руководители украинской экспозиции и начали поздравлять меня. Они уверяли, что такого ещё не было, чтобы правительственная делегация ГДР стояла у какого-либо стенда столь продолжительное время, проявляя неподдельный интерес к экспонату. Так что в день открытия ярмарки судьба выбрала меня «героем дня».

И это не было случайностью, потому что, кроме обычных посетителей, наш раздел посещали в среднем 25 делегаций в день. И все, без исключения, надолго «застревали» около моего электрооргана. Бывало, что народу около стенда собиралось столько, что подойти к нему было просто невозможно. «Эстрадин-9» пользовался большой популярностью и всегда был в центре внимания.

В украинской экспозиции принимали участие Дома моделей из Киева и Львова. Они привезли с собой целую коллекцию костюмов и манекенщиц. Первые показы мод прошли под музыкальное сопровождение магнитофонных записей. Почему-то это не очень понравилось Дирекции советского павильона и руководству украинской экспозиции.

Они обратились ко мне с просьбой организовать сопровождение показа мод живой музыкой электрооргана. Я согласился и подготовил целый ряд музыкальных произведений, подходящих к показу мод. Я даже придумал целую музыкальную композицию, в которую вплелись украинские и русские народные мелодии. Мне пришлось также немного поработать с манекенщицами, чтобы стилизовать их движения под народные мотивы.

Показ мод сразу преобразился и приобрёл некую театральность. И уже позже, через несколько дней, когда наши манекенщицы принимали участие в международном шоу «Мода-78», это помогло советской делегации не ударить в грязь лицом. Манекенщицы из других стран, в отличие от наших, очень профессионально передвигались под музыку. Можно сказать, даже шикарно передвигались. Поэтому наши девушки могли быть не хуже только за счёт театральности показа. И это нам всем вместе удалось.

Но зато у меня стало работы ровно в два раза больше. Сначала какая-то делегация подходила к моему стенду, и я давал свой концерт минут на 20. Потом делегацию уводили к другим стендам. В это время ко мне подбегали несколько человек из обслуживающего персонала нашего павильона. Мы хватали электроорган, усилитель и колонки, быстро перетаскивали всё это через служебный ход в зал, где де-

монстрировались моды. Пока делегация добиралась сюда, проходя все стенды экспозиции, я успевал всё подключить. Как только делегация рассаживалась, я начинал играть музыкальную композицию показа мод.

После завершения показа мод всё повторялось в обратном порядке. Мы быстро перетаскивали мой инструмент и сопутствующие устройства на своё место на стенде. А затем, с приходом новой делегации, весь цикл повторялся. Вот так весело, с музыкой, танцами, рокировками и игрищами проходил каждый день.

Ещё мне приходилось неоднократно выступать на разнообразных встречах и приёмах.

Посол СССР Пётр Андреевич Абрахимов и торговый представитель СССР в ГДР, посетив советский павильон и экспозицию УССР, прослушали мой концерт с большим интересом. А затем они пригласили меня в Берлин дать концерты для работников Посольства СССР и Торгового Представительства СССР. В Лейпциг из Берлина был прислан за мной и инструментом специальный автобус. Перед концертами гид показал мне все достопримечательности Берлина. Мои концерты в советском посольстве, а также в торговом представительстве, которое было расположено почти рядом с Бранденбургскими воротами, прошли с большим успехом.

А на обратном пути, уже вечером, мы подъехали к зданию военной школы в Карлхорсте, где в 1945 году был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии во Второй мировой войне. Здание охраняли советские солдаты. Мои сопровождающие из посольства куда-то сходили и привели советского офицера, который открыл нам дверь и запустил в зал, где и происходило это заключительное действие войны.

А на другой день последовало аналогичное приглашение от Общества дружбы СССР – ГДР. Там мне после концерта подарили огромное

количество сувениров, которые многие годы находились у меня в житомирской квартире.

А вечером мы гуляли по городу или шли в кино. У меня появился приятель из Запорожья – Михаил, который представлял какие-то металлоизделия. Он хорошо знал немецкий язык, и мы с ним совершенно спокойно бродили по городу.

Как-то в один из вечеров мой новый приятель говорит мне:

– Я привёз с собой воблу. Грех будет, если она здесь пропадёт. Пошли, ударим по пиву с воблой.

Мы зашли с ним в небольшой ресторанчик в центре города. Официант посадил нас за столик к двум дамам, мило попивающим лёгкое вино. Мы поздоровались, познакомились, разговорились, заказали себе пиво. И вдруг мой приятель спрашивает наших соседок по столу:

– А хотите мы вас угостим нашей русской рыбой?

– Какой рыбой?– поинтересовались дамы.

– Воблой,– отвечает Михаил.

– Что такое «вобла»?– переспросили женщины.

– А мы вам сейчас её покажем,– говорит Миша и достаёт из пакета газету с завернутой в неё воблой приличного размера.

Дамы, широко раскрыв от удивления глаза, с большим интересом разглядывали рыбу.

– Альфред,– обратился ко мне Михаил,– попроси у официанта ножик.

Я подозвал официанта и попросил:

– Принесите нам, пожалуйста, нож!

– Зачем?– удивился официант.

– Нам нужно разрезать рыбу, чтобы угостить ею наших дам,– ответил я.

– Какую рыбу?– спросил непонимающий официант.

— Вот эту,— сказал я и показал пальцем на рыбу, лежащую на газете около Михаила.

Лицо у официанта вытянулось так, как будто он увидел у нас на столе не рыбу, а, по меньшей мере, какое-то чудовище.

Пожимая плечами, он удалился, но вскоре вернулся, держа в руках кухонный нож. Не знаю, что он там сказал на кухне про этих сумасшедших русских, но нож оказался в руках моего приятеля.

Он начал медленно разрезать воблу на кусочки, превращая этот процесс в некое завораживающее действие. За другими столами стали приподниматься любопытные посетители, чтобы рассмотреть происходящее за нашим столиком.

Миша разрезал рыбу, почистил её и протянул каждой даме по кусочку.

— Только эту рыбу нужно есть с пивом,— добавил Михаил.— Официант, два пива, пожалуйста, нашим дамам.

Официант принёс ещё два пива, и священный обряд начался. Миша обучал дам, как нужно пить пиво, закусывая воблой. Дамы сначала осторожно пробовали воблу, а потом, видно, сочетание её с пивом им пришлось по вкусу. Мы пили и блаженствовали. Была полнейшая идиллия.

И вдруг этот наш мирный пир нарушил голос парня с соседнего столика:

— Что это чехи там делают?

Ему пытались объяснить сидящие с ним за столом, что, дескать, они пьют пиво с какой-то непонятной сухой рыбой. Но парень, как видно, перебрал лишнего, и его «потянуло на подвиги». А тут как раз оказались рядом какие-то, как ему показалось, чехи, которые что-то там делают, непонятное его разуму.

Он встал и начал продвигаться к нашему столику. Его пытались удержать соседи, но тщет-

но. Тогда ему наперерез ринулся официант и что-то быстро стал ему говорить на ухо. Парень слушал его, опустив голову, а потом, повернувшись к нам, спросил:

— Вы чехи или русские?

— Мы русские,— ответили мы с Михаилом почти одновременно.

— А-а-а,— протянул парень и уселся на своё место.

Как оказалось впоследствии, с русскими здесь предпочитали не связываться, чтобы избежать лишних неприятностей с властями и советскими военными, служившими в Германии.

Ну, а какая поездка за границу может обойтись без походов по магазинам. Уж на что я не большой любитель таких мероприятий, но тоже несколько раз посещал всякие лавки, магазинчики и большие универмаги.

Как-то раз я шёл по улице и увидел в витрине небольшого обувного магазинчика красивые ботинки на весенне-осенний сезон. Я зашёл в магазин, где меня встретили пожилой мужчина и молодая женщина.

— Добрый день!— поздоровался я.

— Добрый день!— ответили мне продавцы.

— Я бы хотел купить вот такие ботинки,— сказал я, указывая на понравившиеся мне ботинки в витрине.

— Какой номер господин предпочитает?— спросил мужчина.

— Я ношу обувь примерно 41-го размера,— ответил я, показывая на свои ботинки.

— Но у нас в Германии другие размеры,— сказал продавец.— Давайте я сниму мерку с вашей ноги.

Он принёс какие-то трафаретки, напоминающие стельки, и стал прикладывать их по порядку к моей стопе. Очень скоро был найден

мой размер, и женщина принесла ботинки. Я померял их, и мне показалось, что они немного тесноваты. Женщина принесла мне вторую пару ботинок, но и в них мне не было удобно. Я сообщил об этом продавцам.

— Не волнуйтесь,— успокоил меня продавец,— сейчас Клара сходит на склад и найдёт другую пару.

Клара ушла, а мы остались ждать. Прошло несколько томительных для меня минут. Но вот вернулась Клара, и я примерил уже третью пару ботинок.

— Мне кажется, что эти ботинки слегка великоваты мне,— сказал я.

— Я очень сожалею,— извиняющимся тоном ответил мне продавец,— но у нас сейчас нет других размеров.

Я уже был не рад, что затеял эти примерки, и мне хотелось поскорее покинуть магазин с его вежливыми хозяевами. Для человека, который в советских магазинах почти всегда получал «идеальное» обслуживание, такое обидное отношение продавцов было чрезмерным испытанием моих чувств и нервов.

Я стал завязывать свои ботинки, намереваясь попрощаться и уйти, как вдруг продавец воскликнул:

— А почему бы вам не примерить, например, вот это ботинки?— и указал рукой на витрину, где стояли другие башмаки. Такого сервиса я уже вынести не мог.

— Давайте я зайду к вам в другой день. Сегодня мне уже надо спешить. Да и у вас я отобрал слишком много времени.

— Что вы, что вы,— заулыбались продавцы.— Мы всегда рады видеть вас в нашем магазине. На днях мы получим новую партию ботинок. Так что, милости просим к нам.

Я попрощался и вышел на улицу. И только здесь я облегчённо вздохнул. «Вот это сервис!» —

подумал я.— «Неужели и у нас в магазинах когда-нибудь так будет?» Вопрос так и остался риторическим.

У нас в Союзе просто ходили по магазинам, чтобы посмотреть, что, где, чего дают или «выбросили». Получить ответ от продавца считалось большой удачей. А здесь не успеешь переступить порог лавки или магазина, как к тебе устремляется продавец, а то и два. Раз человек зашёл в магазин, значит, он что-то пришёл покупать — вот логика здешних торговцев.

Знающие люди сообщили мне, что Германия славится женским нижним бельём. «Всё,— решил я,— пойду куплю жене подарки». Решить-то я решил, а размеры ведь я здешние не знал.

Пришёл я в большой многоэтажный универмаг, нашёл отдел женской одежды. Осмотрелся по сторонам, подыскивая «жертву». И тут я увидел женщину, которая и фигурой, и комплекцией, и, самое главное, объёмом груди соответствовала размерам моей Маши. Я подошёл к ней, поздоровался, извинился и всё это объяснил ей. Она улыбнулась и согласилась мне помочь.

Первым делом мы выбрали очень красивый ажурный бюстгальтер, потом нежную комбинацию и лёгкую кофточку. Я поблагодарил мою помощницу и поцеловал ей на прощанье руку. «Всё-таки мир не без добрых женщин, готовых помочь мужчине в трудную минуту»,— подумал я, оплачивая свои покупки.

В воскресенье 19 марта состоялось торжественное закрытие весенней Лейпцигской ярмарки 1978 года.

А в предпоследний день своего пребывания в Лейпциге я отправился в универмаг за ковром. Вернуться из-за границы без ковра — это было немыслимо для советского человека. Я перебрал несколько десятков образцов, пока не остановился на каком-то жёлтом ковре, разме-

ром 2X3 метра, с красивым орнаментом. С чувством «выполненного долга» я торжественно внёс его на плече в международный отель «Астория».

А на следующий день поезд Лейпциг – Москва увозил меня из ГДР.

Я покидал Германию с двояким чувством. С одной стороны, мне импонировали красота, чистота, порядок и ухоженность немецких городов, аккуратность, вежливость и пунктуальность немцев. Но, с другой стороны, глядя на пожилого или старого немца, я не мог отрешиться от мысли, что этот человек мог быть во время последней войны на Восточном фронте, мог прийти захватчиком на советскую землю, мог быть причастным к уничтожению 6 миллионов евреев. И это чувство не покидало меня все две недели пребывания на немецкой земле.

Я бы не смог жить в Германии, но приехать сюда один раз стоило хотя бы для того, чтобы достойно представить электронный орган «Эстрадин-9» города Житомира в экспозиции Украины в павильоне Советского Союза на осенней Лейпцигской ярмарке 1978 года.

ОСЕННЯЯ ЗАГРЕБСКАЯ ЯРМАРКА 1980 ГОДА

1980-й год ознаменовался для меня новой заграничной командировкой. На этот раз судьба распределила меня в Югославию. В сентябре на Загребской ярмарке в павильоне СССР была запланирована экспозиция Украины, аналогичная той, какая была в Лейпциге два года тому назад.

Наш завод опять должен был представить электроорган «Эстрадин-9» и его личного демонстратора Альфреда Грибера.

В августе всю украинскую делегацию, отбывающую в столицу Хорватии – Загреб, собрали на несколько дней в Киеве для знакомства, оформления документов, консультаций и чтения лекций на идеологические темы. Югославия – это не ГДР, объясняли нам, это почти капиталистическая страна. Поэтому каждый из нас должен быть идеологически подкован. Единственно ценное, что было на этих встречах, так это то, что мы все перезнакомились и сдружились перед будущей поездкой.

В Загреб я ехал через Москву, где оформлялся в Торгово-Промышленной Палате СССР.

Сама поездка на поезде была незабываемым событием. Сначала мы восхищались сказочной природой Карпат: изумительными горными лугами, разноцветьем трав, пасущимися отарами овец, нарядными домами, разрисованными цветами и голубками, аккуратными крестьянскими дворами, синими-пресиними склонами гор. Потом полдня мы провели в столице Венгрии – Будапеште, гуляли по улицам и площадям города. А затем на следующий день ехали вдоль озера Балатон и любовались прекрасными пейзажами.

В Загреб я приехал ближе к вечеру. На вокзале меня встретил представитель украинской делегации:

— Мы сейчас поедem в студенческий городок. Там для нашей делегации освободили целый дом. Так что будем жить большой дружной семьёй. Кстати, Вам ребята уже забили место в одной из квартир. Вечером Вас ждёт дружеская встреча.

И, действительно, не успел я добраться до своей комнаты, как вернулись из советского павильона ребята, с которыми я подружился ещё в Киеве. Мы быстро соорудили ужин и очень хорошо посидели, отметив начало совместной работы. А потом я предложил:

— Ребята, а давайте и дальше жить таким мужским братством. У каждого есть с собой продукты: копчёная колбаса, консервы, тушёнка и даже кое-что горячительное. Объединим это всё и будем питаться вместе. Сбросимся и образуем общий финансовый фонд для закупки хлеба, молочных продуктов, овощей, фруктов и ещё что нужно будет. Это нам позволит сохранить наши командировочные деньги для приобретения всяких дефицитных вещей для родных и близких.

— А что, Альфред дело говорит,— раздался голоса моих новых друзей.— И как это мы сами до этого не додумались? Вот что значит — умная еврейская голова. Всё, завтра идём вместе на рынок и в местный гастроном.

— А я предлагаю,— раздался чей-то голос,— назначить так называемого «дежурного по столовой», который будет, скажем, за полчаса перед обедом готовить общую трапезу. Он приготовит чай, нарежет колбасу, откроет банки с консервами или тушёнкой, приготовит овощи, помоем фрукты. А мы в обеденный перерыв сможем сразу приняться за еду. И быстро, и удобно.

— И кто же будет таким «дежурным»?— спросил кто-то.

— Да все мы по очереди,— ответил я.— Составим график на ближайшую неделю, а там посмотрим.

Мы собрали у всех продукты и сложили в большой холодильник. Потом подняли рюмки за успех «нашего предприятия».

А на следующий день я вместе со всеми поехал на территорию ярмарки в павильон СССР обустроить экспозицию Украины. Имея уже опыт работы на ярмарке в Лейпциге, все разделы экспозиции распределили по намеченной схеме. Мой раздел «Музыкальные инструменты» принял примерно тот же вид, что и в Лейпциге.

Для электрооргана была выделена отдельная эстрада. Показа мод на этот раз, к моему счастью, не было. Поэтому у меня было время походить и по павильонам других стран, и познакомиться с аналогичными разделами и музыкальными инструментами.

Сама ярмарка протекала относительно спокойно. И делегации, и обычные посетители, и мои концерты шли своим чередом.

По утрам очередной «дежурный по столовой» ходил в магазин покупать хлеб и молочные продукты, а через день под вечер мы всей компанией ходили на рынок за покупками.

Здесь рынок работал не так, как у нас на Украине. Когда в Житомире заканчивалась торговля, например, на центральном рынке, то на прилавках ничего не оставалось. Здесь же, в Загребе, на рынке круглосуточно лежали разнообразные овощи и фрукты на прилавках. Поздно вечером и ночью их накрывали каким-нибудь лёгким материалом.

Когда мы появлялись на рынке после трудового дня, ещё можно было купить достаточно много даров природы. Некоторые торговцы

нам даже снижали цены, потому что мы брали сразу много всего. А может просто они хотели побыстрее уйти домой. Не знаю. Но возвращались мы к себе в студенческий городок нагруженные как следует.

Объясняться с местными жителями было сравнительно легко. Сербохорватский язык, относящийся к славянской группе языков, оказался похожим одновременно и на русский, и на украинский, и на болгарский языки. Ну вот, например, «спасибо» по-сербохорватски «hvala», «пожалуйста» — «molim», «добрый день» — «dobro dan», «доброе утро» — «dobro jutro», «привет» — «zdravo».

Поэтому, более-менее, с местным населением объясниться мы могли. Тем более что многие люди в Хорватии говорили по-русски, так как в школах при Иосифе Броз Тито в обязательном порядке изучали русский язык. В Хорватии применялся латинский письменный шрифт. Однако это не являлось препятствием для чтения вывесок, названий магазинов, товаров, трамвайных маршрутов и даже титров кинофильмов.

Кстати, о кинофильмах. Такого разнообразного репертуара в кинотеатрах я не встречал даже в ГДР. Самые свежие современные фильмы лучших студий Америки и Европы предлагались вниманию зрителей. Я впервые увидел исторические фильмы еврейской тематики. Особенно на меня произвёл большое впечатление американский фильм «Бен Гур».

Что же касается эротических фильмов, то те фильмы «для взрослых», на которые в СССР не пускали детей до 16 лет, в Югославии могли считаться эротическими только для детей ясельного возраста, ну, в крайнем случае, младшей садиковой группы. Причём, к эротическим фильмам в Югославии совершенно не относили порнографические фильмы, которых здесь также было в избытке.

Если я уже затронул тему эротики, то мне было совершенно удивительно видеть в книжных магазинах изобилие различной эротической литературы. Она совершенно спокойно соседствовала рядом с обычными политическими, экономическими, научными, художественными и даже детскими изданиями. А уж сколько всяких юмористических журналов на эротические темы я видел в киосках и магазинах, просто и не перечислить. И что интересно, никакого ажиотажа вокруг этого я не замечал ни среди взрослых, ни среди молодёжи.

По всему городу были раскиданы киоски, типа наших «Союзпечать». Правда там, кроме газет и журналов на любую тему и с любыми картинками, можно было купить жвачку, сигареты, презервативы, сувениры и другие разнообразные товары ширпотреба на все случаи жизни.

Теперь о транспорте. Систему городского транспорта Загреба составляли, в основном, трамваи. Для меня было неожиданным следующее обстоятельство. Я заходил в трамвай и покупал билет. Вдруг во время поездки мне захотелось выйти и прогуляться по городу или магазинам. Я выходил из трамвая, но сохранял свой билет. После прогулки я вновь садился в трамвай того же направления и ехал по ранее купленному билету в другом трамвае. И такое правило действовало в течение полутора часов без ограничения количества поездок. Можно было купить также дневной проездной на все виды транспорта, который был действителен до раннего утра следующего дня.

А у нас в Житомире, если уже вышел из автобуса, трамвая или троллейбуса, твой разовый билет уже для следующих поездок был недействительным. Хоть в одном направлении, хоть в разных. А о дневном проездном билете, да ещё и на все виды транспорта, мы на Украине вообще никогда не слышали.

В студенческом городке, где нас поселили, жизнь не утихала ни днём, ни ночью. Каждый вечер на специально оборудованных площадках выступали молодёжные ансамбли, под музыку которых можно было танцевать. Население нашего «советского» дома дружно вываливалось на улицу, чтобы повеселиться. Югославы принимали нас довольно радушно. По крайней мере, никаких инцидентов с местной молодёжью у нас никогда не было.

В общем, все дни, проведённые мной в Загребе, были чрезвычайно насыщены: работа в советском павильоне на ярмарке, походы на рынок и в магазины, посещение кинотеатров, вечера с концертами и танцами.

ОПЕРЕДИВШИЕ СВОЁ ВРЕМЯ

1-го марта 1980 года наша лаборатория электромузыкальных инструментов была преобразована в научно-исследовательский отдел товаров народного потребления (НИО–17) Специального конструкторско-технологического бюро (СКТБ) производственного объединения (ПО) «Электроизмеритель». Наш отдел теперь состоял из нескольких лабораторий и секторов. Увеличился штат отдела.

Появились новые электромузыкальные инструменты – электронный аккордеон «Эстрадин-8А», электронный баян «Эстрадин-182», электронный музыкальный синтезатор «Эстрадин-230», электронный орган «Солярис» («Эстрадин-314»).

Для тех читателей, кому эти названия ничего не говорят, я приведу некоторые характеристики данных инструментов.

Электронный аккордеон «Эстрадин-8А» и электронный баян «Эстрадин-182» разрабатывались как унифицированные инструменты. У них было по два небольших электронных блока и две педали. Было три канала образования тембров – оркестровые микстуры, аккомпанемент и синтез-регистры. Из звуковых эффектов присутствовали: частотное вибрато, послезвучие, перкуссия, повтор, «вау»-эффект, звуки ритмического сопровождения (барабан, щётки).

Электронный музыкальный синтезатор «Эстрадин-230» был предназначен для создания различных звуков в широком диапазоне частот. Это был мелодический (монофонический) инструмент с неограниченными тембровыми возможностями. Он мог воспроизводить любые звуки и шумы.

Электронный орган «Солярис» («Эстрадин-314») представлял собой компактный инструмент с клавиатурой в 4 полные октавы, обладал чистым звучанием и позволял добиваться как очень мягких, так и очень звонких тембров. Из звуковых эффектов присутствовали глissандо на две октавы вниз, фильтр для регулировки всех составляющих звука, частотное вибрато, тембровое вибрато, послезвучание, бриллианс для повышения общей яркости звучания на всех регистрах, подстройка диапазона в полтора тона. Мы осторожно назвали этот инструмент электроорганом. Но по сути, это был первый советский полифонический синтезатор, который, очень экономичными, я бы сказал, даже скучными средствами позволял достичь эффектов звучания синтезатора. Это сразу заметили эксплуатирующие «Солярис» музыканты, которые назвали его «волшебным инструментом». Кроме того, в советское время, это был самый недорогой полифонический электромузыкальный инструмент, доступный даже школьникам.

Моя работа в НИО-17 была разноплановой. Как музыкант я участвовал в разработке всех музыкальных параметров, характеристик и эффектов наших инструментов, в настройке их звучания, в проверке их работоспособности, а затем в демонстрации их работы на показательных выступлениях: концертах, выставках, ярмарках, конференциях, торжественных мероприятиях.

Как филолог я разрабатывал всевозможную текстовую документацию на электромузыкальные инструменты: технические задания, технические условия, руководства по эксплуатации, руководства по ремонту. Это требовало от меня не только литературного мастерства, но и знания всех нормативных документов – ГОСТов, ОСТов, всяческих инструкций и положений.

Как инженер-конструктор я выполнял различные технические задания, связанные с разработ-

кой, настройкой, проверкой и внедрением в жизнь наших электромузыкальных инструментов.

И если бы меня тогда спросили, что берёт надо мной верх, то я бы ответил так:

– Раньше, безусловно, музыкант. А теперь две профессии – музыкант и инженер-конструктор – стали для меня одинаково важными.

Со мной в одной комнате работал Яша Тененбаум, который был, по моему мнению, асом цифровых схем. Мы с ним работали вместе ещё над авторитмом «Эстрадин-11». Я тогда разрабатывал музыкальные ритмы в 16 различных вариантах, а Яша их успешно воплощал в цифровые схемы. Мне нравилось с ним работать, потому что он был очень серьёзным, ответственным, думающим и, самое главное, талантливым человеком и инженером. А ещё Яша был хорошим товарищем все те годы, что мы провели вместе с ним в лаборатории.

Когда в нашем отделе началась разработка нового электронного баяна высшей категории «Орион» («Эстрадин-084»), одной из задач, которая встала перед нами с Яшей, была система аккомпанемента. Планировалось, что в тракте аккомпанемента будут звучать басы (бас-гитара, контрабас, баян), аккорды (ритм-гитара, пиано, баян), арпеджио (пиано) и ударные (большой барабан, малый барабан, бас-том, альт-том, тарелка, хет).

Все эти звуки должны были звучать в 16 запрограммированных ритмических рисунках (марш, диксиленд, босанова, танго, латин, афро, блюз, диско, рок 1–4, вальс 1–2, слоу-рок, свинг).

Предусматривались следующие режимы работы тракта аккомпанемента:

– исполнительский (басы, аккорды, большой барабан, хет);

– полуавтоматический (басы, аккорды, автоматическое воспроизведение ритмов ударными);

— автоматический (автоматическое воспроизведение ритмов ударными, басами, аккордами и арпеджио).

Просматривая патенты, я выяснил, что автоматический режим аккомпанемента разрабатывался в разных интерпретациях и в СССР, и за рубежом. Он применялся, как правило, в электроорганах. Основной недостаток подобных систем состоял в том, что басовый аккомпанемент, который во многом определяет музыкальную ценность ритмического рисунка, был очень беден и, в значительной степени, не зависел от исполнителя.

Я понял, что такие алгоритмы ни в коей мере не могли устраивать исполнителя, поскольку не давали возможности для его творчества.

В результате проведённых исследований и анализа музыкальной литературы мной был разработан алгоритм формирования басового аккомпанемента в зависимости от взятого аккорда и его обращения. Причём, каждому обращению аккорда должен был соответствовать другой басовый аккомпанемент.

Такой алгоритм, применённый, в частности, в электронном баяне, позволил бы получить рисунок басового аккомпанемента, ничем не отличающегося от игры бас-гитариста.

Яша Тененбаум с успехом претворил мои идеи в цифровые схемы. Реальные испытания на электронном баяне показали эффективность такого аккомпанемента.

К чему я это всё вам рассказал, утомив всякими техническими и музыкальными терминами?

А дело в том, что в 1981 году в Москве на ВДНХ должна была проходить IV Всесоюзная научно-техническая конференция по электромузыкальным инструментам. Я о ней уже упоминал в рассказе о моих встречах с Л. С. Терменом.

И вот мы с Яшей начали готовить доклад на эту конференцию по теме: «Автоматическая система формирования звуковых ритмических посылок с басовым и аккордовым аккомпанементом».

Теперь всё стало на место?

Интересен сам момент нашего с Яшей выступления на конференции. Когда нас пригласили на сцену, мы развесили свои схемы. Затем я встал за трибуну к микрофону, а Яша с указкой расположился около схем.

Я не спеша прочёл наш доклад, по ходу которого Яша указкой водил по схемам, наглядно демонстрируя таблицы и структурные схемы цифрового автомата.

Когда я закончил читать доклад, в зале не раздалось ни звука. Повисла тягучая тишина. Не было даже вежливых хлопков, какие обычно бывают после неинтересной лекции. Мы с Яшей стояли и чего-то ждали.

Прервал напряжённое молчание председатель конференции:

— Товарищи, может, у кого-нибудь имеются вопросы к докладчикам?

И тут из зала послышался чей-то голос:

— А нельзя попросить докладчиков прочитать свой доклад ещё раз? И, если можно, в чуть замедленном темпе? Мне кажется, что или мы чего-то недопонимаем, или ребята несколько опередили наше время. А может быть, и то, и другое вместе.

Председатель повернулся к нам и спросил:

— Вы можете выполнить эту просьбу?

Мы с Яшей переглянулись и ответили почти вместе:

— Конечно.

Я прочёл наш доклад ещё раз с чувством, толком и расстановкой, а Яша старательно иллюстрировал мои слова таблицами и схемами.

На это раз по окончании доклада раздались аплодисменты и последовали уточняющие вопросы.

И я, и Яша, и наш доклад в этот день стали общим «сюрпризом» IV Всесоюзной конференции по электромузыкальным инструментам.

Наши с Яшей идеи и задумки были воплощены в новом электронном баяне «Орион» («Эстрадин-084»).

Если представить себе звучание оркестра, то можно довольно чётко выделить в нём аккомпанирующую группу. Контрабас или бас-гитара ведёт басовую партию, ритм-гитара или рояль поддерживает ритм аккордами, рояль также может исполнять ритмические арпеджированные пассажи, ударная группа — большой ба-

рабан, малый барабан, бас-том, альт-том, тарелки, хет (двойные тарелки, управляемые педалью) — задаёт ритм музыкальному исполнению.

Представили эту звуковую картину? Так вот, это всё один к одному звучало, когда музыкант нажимал на кнопки аккордов в левой клавиатуре баяна «Орион».

Это была самая лучшая, самая совершенная система авторитма из всех, что тогда существовали в мире.

Глядя из нынешнего далёка в те восьмидесятые года прошлого века, можно без ложной скромности констатировать, что, на самом деле, мы с Яшей Тененбаумом тогда в чём-то опередили своё время.

СТРАСТИ ВОКРУГ «ОРИОНА»

Декабрь 1983 года. В нашем НИО-17 – радостное событие. У нас «родился» новый электромузыкальный инструмент – электронный баян высшей категории «Орион» («Эстрадин-084»).

Как и всем детям, родившимся под знаком Козерога, ему всегда был гарантирован успех в жизни.

У «Ориона» был элегантный внешний вид. Красивый пятирядный баян был специально разработан на Житомирской музыкальной фабрике. Электронный блок, педаль и два мощных громкоговорителя были оформлены в едином стиле, строгом и торжественном. К «Ориону» также прилагались микрофон и микрофонная стойка.

Следуя уже нашей установившейся традиции, сам, обычный пятирядный, баян сохранил своё звучание.

На правой клавиатуре электронным путём воссоздавались звуки традиционных музыкальных инструментов. Струнная группа включала в свой состав звучание скрипок и виолончелей. Духовая группа воспроизводила звучание различных деревянных и медных инструментов. Группа пиано включала в свой состав звучание фортепиано, рояля, хонки-тонк (слегка расстроенный рояль) и клавесина. Были здесь и три вида органов.

Все эти звуки можно было дополнительно видоизменять, обрабатывать и преобразовывать. Для этого существовали специальные регулировки характеристик звуков. Можно было также осуществлять тембровое преобразование звуков, использование эффектов «флэнжер» и частотного вибрато. Такие многочис-

ленные манипуляции создавали некое синтезаторное звучание.

На левой клавиатуре, выполняющей функцию аккомпанемента, было три режима работы. В исполнительском режиме при нажатии на кнопки басов раздавались звуки бас-гитары или контрабаса. К ним можно было добавить звук большого барабана. При нажатии на кнопки аккордов звучали ритм-гитара или фортепиано, к которым можно было добавить звуки хай-хета (педальной тарелки). Такой же режим работы существовал и в предыдущих наших моделях такого типа. В полуавтоматическом режиме работы добавлялось автоматическое воспроизведение ритмов ударной группой – большой барабан, малый барабан, бас-том, альт-том, тарелка, хай-хет. Было запрограммировано 16 популярных музыкальных ритмов. О том, как работал аккомпанемент в автоматическом режиме, я подробно описал в рассказе «Опередившие своё время».

Играть на электробаяне «Орион» было для меня истинным наслаждением. Он наделял музыканта безграничными возможностями. Уж на что я, достаточно поднаторевший в игре на различных электромузыкальных инструментах советского и зарубежного производства, и то не переставал восхищаться этим музыкальным чудом.

Играя на «Орионе», я ощущал себя одновременно и композитором, создающим эту музыку, и дирижёром оркестра, интерпретирующим детище композитора, и слушателем, жадно впитывающим прелестные звуки и ритмы. В полном смысле этого слова, «Орион» был настоящим оркестром. Причём, не одним оркестром, а многими: эстрадным, джазовым, русским народным, украинским народным, свадебным.

Прекрасно понимая, что новый электробаян будет пользоваться повышенным спросом у публики, я начал готовить концертную программу.

Первая официальная презентация электронного баяна «Орион» («Эстрадин-084») была назначена на пятницу 10 февраля 1984 года в клубе ПО «Электроизмеритель». Мы хотели совместить показ нового инструмента с важной для нас датой — 20-й годовщиной Дня электромузыки, праздника, посвящённого созданию первого электромузыкального инструмента на нашем заводе 12 февраля 1964 года.

А у меня, к тому же, 11 февраля намечался ещё один праздник — мой 38-й день рождения. Поэтому праздничного настроения было хоть отбавляй.

Вечером 9 февраля мы с ребятами проверяли готовность № 1 к завтрашнему торжеству. Я репетировал свою программу, отработывая ещё и ещё раз концертные номера.

Вдруг ко мне подошёл Лёня Федорчук и положил руку на баян, давая знак прекратить музыку. Когда стало тихо, Лёня сказал, обращаясь ко всем нам:

— Ребята, всё отменяется. Завтра ничего не будет. Мне только что позвонил парторг завода и сообщил, что умер Андропов. Поэтому все мероприятия откладываются на более поздний срок.

Для тех, кто не помнит, могу сообщить, что Юрий Владимирович Андропов был в то время Генеральным секретарём ЦК КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Так сказать, первым человеком страны. И даже больше, учитывая его 15-летнюю службу в должности Председателя КГБ СССР.

Пришлось нам и официальную презентацию нового электробаяна, и официальное празднование 20-летия Дня электромузыки переносить

на конец месяца. Правда, в недрах нашего отдела в пятницу 10 февраля, втихая и досрочно, мы все вместе отпраздновали и День электромузыки, и мой день рождения.

Официальная презентация электробаяна «Орион» в клубе нашего объединения в конце февраля прошла очень успешно при большом скоплении публики и прессы.

А летом 1984 года на ВДНХ Украинской ССР в Киеве проходила выставка достижений Житомирской области. Совершенно естественно, что на этой выставке были представлены и электронный баян «Орион» («Эстрадин-084»), и его демонстратор — инженер-конструктор ПО «Электроизмеритель» Альфред Грибер.

В течение почти месяца я давал ежедневные концерты на центральной выставке столицы Украины. Мой труд не пропал даром, потому что вскоре я был награждён дипломом и медалью ВДНХ Украинской ССР.

Какой-то корреспондент написал в газете, что когда звучит новый электронный баян, то стены зала как бы раздвигаются, освобождая место для чудесной музыки.

Мой «сиамский близнец» по имени Лёня Федорчук всегда был рядом со мной. Мы с ним побывали на многочисленных республиканских и всесоюзных ярмарках, выставках, конференциях и разнообразных показах и презентациях. Казалось, что Лёню уже трудно было чем-то удивить, особенно в электромузыке, где он был корифеем. И вдруг, когда мы были в Москве на Всесоюзной оптовой ярмарке товаров народного потребления, он неожиданно сказал мне:

— Когда ты играл сегодня на «Орионе», я вдруг увидел то же самое, что и тот корреспондент, написавший в газете, что когда ты игра-

ешь, то стены раздвигаются. Я увидел, как стены Дворца спорта раздвинулись, крыша улетела, а на слушателей, окруживших тебя, ложилась зелень мая. И сразу запахло сиренью.

Зная поэтически эмоциональный характер моего друга, я спросил его:

— А ты не преувеличиваешь, дружище?

— Ты что, думаешь, что у меня «крыша поехала»? Нет, конечно!— воскликнул Лёня.— Я до сих пор чувствую, как по спине пробегают мурашки, и вижу это чудо зелени внутри Дворца спорта.

— Лёня, а ты, случайно, не влюблён, друг мой?— лукаво улыбнувшись, спросил я.— Уж больно у тебя сегодня романтическое настроение.

— А что, очень заметно?— смутился Лёня.

— Ещё как заметно. Давай, колись, кто она?

— Я познакомился с ней в Луцке, в прошлом году на ярмарке спорттоваров. Её зовут Светлана. Она живёт в Сумах и руководит отделом областного объединения «Спорттовары»,— начал колотиться Лёня. — Ты понимаешь, Алик, влюбился я, как мальчишка. Целый год я ждал встречи с ней. И вот сейчас она здесь, на этой ярмарке. Она была среди твоих слушателей и сказала мне, что просто потрясена нашим электробаяном и твоей игрой.

— Всё ясно,— подытожил я,— веди меня к ней. Будем знакомиться.

Мы познакомились со Светой и быстро подружились. Я ей очень много рассказывал о Лёне, о его талантах, о его работе, о друзьях. Оказывается, Света совсем не знала, что, по сути дела, Лёня и был тем человеком, который зачинал производство отечественных электромузыкальных инструментов ровно 20 лет назад.

Короче говоря, я ей открыл глаза на Лёню. И как после всего этого, скажите мне, она смогла устоять перед его обаянием? Да никак! И

сказал поэт: «Пора пришла, она влюбилась».

Я с радостью наблюдал за романтическими отношениями между Лёней и Светой. Ровно через год, летом 1985 года Света приехала в Житомир, и наши влюблённые поженились.

А потом Лёня уволился и уехал в Иркутск. Друг его детства, Коля Платицын, работал там генеральным директором ПО «Радиян». Я был с ним знаком, потому что Лёня время от времени приводил его к нам в лабораторию послушать новые электромузыкальные инструменты. Вот и летом 1984 года Николай Иванович был у нас в гостях и услышал «Орион». Он был настолько потрясён этим чудом, что решил во что бы то ни стало приобрести такой инструмент для своего объединения.

Так вот, Коля Платицын, узнав Лёнину историю любви, пригласил его к себе в объединение на работу заведующим лабораторией ОКБ с предоставлением квартиры молодой семейной паре.

Вот так летом 1985 года Лёня уехал из Житомира в Иркутск. Можно легко представить моё состояние в то время. Я прощался со своим лучшим другом, можно сказать, братом по жизни, «сиамским близнецом», с которым мы прошли бок о бок 16 лет. Я уже не надеялся, что мы когда-нибудь встретимся снова.

И тут вдруг приходит письмо от генерального директора Иркутского ПО «Радиян», в котором он просит наше объединение продать его объединению электробаян «Орион» из установочной серии. А также в письме содержалась просьба командировать в Иркутск инженера-конструктора Альфреда Грибера для демонстрации инструмента работникам объединения «Радиян».

В сентябре в Иркутск был отправлен комплект электронного баяна «Орион». А 27 октября, в воскресенье, рано утром, я вылетел из Киева в Иркутск. Полёт должен был продол-

жаться 10 часов, но из-за промежуточных посадок он продлился ещё на один час.

В Иркутск я прилетел, когда на улице уже начало темнеть. Я пытался разглядеть Лёню среди встречающих наш рейс. Каково же было моё удивление, когда рядом с ним я увидел и фигуру генерального директора Николая Ивановича Платицына.

— Привет, Аличек, дорогой мой!— обнимая и целуя меня, произнёс Лёня.— Как я рад снова видеть тебя!

— Привет, Лёничка, родной!— обнимая и целуя друга, приговаривал я.— Я уже и не надеялся свидеться с тобой.

— Скажи спасибо Николаю Ивановичу. Это он организовал тебе командировку к нам.

— Здравствуйте, Николай Иванович!— выпустив из своих объятий Лёню, повернулся я к генеральному директору и протянул ему руку.— Спасибо Вам за эту встречу!

— Здравствуйте, Альфред! Добро пожаловать в Иркутск!— сказал Николай Иванович, пожимая мою руку.— Мы Вас уже полтора часа ждём. Ну, слава Богу, Вы прилетели. Прошу в мою машину!

Мы двинулись к выходу из здания аэропорта. Николай Иванович подвёл нас к своему гендиректорскому лимузину и пригласил садиться. Сам Платицын сел рядом с водителем, а мы с Лёней устроились на заднем сидении.

Николай Иванович повернулся к нам и сказал:

— Сейчас вы оба едете отдыхать, потому что завтра, Альфред, у Вас будет напряжённый день.

— Николай Иванович, Вы могли бы отвезти меня в какую-нибудь гостиницу?— спросил я Платицына.

— В какую гостиницу?— восторженно спросил Лёня.— Ни в какую гостиницу ты не поедешь. Будешь жить у меня.

Я покорно поднял руки вверх. Мне было радостно, что мы с Лёней проведём вместе все дни моего пребывания здесь.

Мы ехали по вечернему Иркутску и разговаривали. Вскоре машина остановилась около какого-то дома.

— Это наше семейное общежитие. Вот здесь мы и живём со Светой,— сказал Лёня.

— Ребята, сегодня отдыхайте,— сказал Платицын,— а завтра милости просим на завод.

Мы попрощались с Николаем Ивановичем, и машина уехала. Войдя в подъезд дома, Лёня открыл ключом двери одной из квартир на первом этаже и пригласил меня войти. Навстречу нам уже шла Света. Мы с ней обнялись и расцеловались.

— Мальчики, раздевайтесь, мойте руки и к столу,— сказала Света.— Мы с Сашкой уже вас ждали.

— Света, понимаешь, самолёт опоздал на целый час,— начал объяснять Лёня жене.— Мы с Колей ждали его часа полтора.

Я зашёл в комнату и поздоровался с Сашей — сыном Светы. А потом мы все вместе сидели за столом, выпивали за встречу, ужинали, и я рассказывал все новости о наших ребятах, об отделе, заводе и городе.

Утром 28 октября, в понедельник, мы втроём — Лёня, Света и я — отправились на завод, который находился в двух кварталах от дома. Первое, что я увидел, пройдя через проходную завода, была громадная, почти в рост человека, красочная афиша следующего содержания:

«В конференц-зале завода 28 октября в 16.30 состоится встреча с конструкторами-разработчиками электронных музыкальных инструментов. Рассказ об электронной музыке — увлекательной области применения электроники. Демонстрация нового электронного баяна «Орион». «Человек-оркестр» — инженер-конструктор, лауреат Рес-

публиканских конкурсов исполнителей, композитор и аранжировщик Альфред Грибер. В программе: интерпретации классической, джазовой и лёгкой музыки. Приглашаются все желающие».

— Твоя работа?— спросил я Лёню, указывая на афишу.

— Нет, это всё Коля. Я только написал текст,— улыбнулся он.— Ну что ж, пошли ко мне в лабораторию, проверим инструмент.

Как только мы зашли в помещение лаборатории, Лёня представил мне всех своих сотрудников и сотрудниц. А потом мы с ним начали готовить весь комплекс электробаяна к работе. Все с интересом наблюдали за нами.

Но вот всё было подключено, я сел на стул, поставил себе на колени баян, надел ремни, проверил все переключатели, поставил ногу на педаль и ... вдруг тихо, постепенно усиливаясь, полилась мелодия «Токкаты» Поля Мориа, которой я всегда начинал свои выступления. Впечатление было такое, будто звучала запись оркестра Поля Мориа.

Звуки постепенно заполнили помещение. Люди, окружающие нас с Лёней, стояли в оцепенении. Было видно, что они находятся в состоянии шока.

В дверь стали заглядывать любопытные, привлечённые звуками музыки. Постепенно они просачивались в лабораторию и недоуменно застывали.

Лёня стоял передо мной и улыбался. Но я вдруг заметил, что у него подозрительно блестят глаза.

Когда музыка смолкла, мои слушатели продолжали стоять без движения.

— Ну как, вам понравилось?— спросил Лёня, поворачивая голову то налево, то направо.

— А как это...? А что это...? А откуда это...?— послышались неуверенные голоса.

— Вот это и есть тот самый электронный баян, о котором я вам рассказывал,— пояснил

Лёня, пытаясь незаметно протереть уголки глаз.— А это тот самый Альфред Грибер, который всё это исполняет.

— А можно ещё что-нибудь?— раздался женский голосок.

— Можно,— сказал я и заиграл «Органную токкату» Баха. Звуки органа разносились по лаборатории и через открытую дверь вырывались в коридор, где стояли те, кто не смог пробиться внутрь.

Когда затих ре-минорный последний аккорд, Лёня сказал:

— Всё, товарищи, расходимся. Нам нужно работать. Приходите на концерт в половине пятого в конференц-зал.

Несмотря, публика стала расходиться. Когда в лаборатории остались только сотрудники, Лёня попросил меня спокойно перепроверить весь инструмент, чтобы быть готовыми к показу.

Потом нам помогли перенести все составные части электробаяна в довольно большой конференц-зал завода. Там мы с Лёней всё подключили, проверили, выключили и пошли обедать.

Когда мы в 4 часа дня вернулись в конференц-зал, чтобы подготовиться к показу, там уже не было ни одного свободного места. Продолжающие прибывать люди заполняли собой все проходы. Только первый ряд сиротливо зиял пустыми местами.

В половине пятого в конференц-зал зашли руководители завода во главе с генеральным директором и заняли весь первый ряд. Мы с Лёней поднялись на сцену и получили свою долю аплодисментов.

Когда наступила тишина, Лёня начал свой рассказ об электромузыке вообще и о нашей электромузыкальной команде «Электроизмерителя» в частности. Наш годами проверенный тандем вновь заработал.

Мои концертные номера перемежались с рассказами и пояснениями Федорчука. Я знал скром-

ность своего друга, поэтому мне тоже пришлось кое-что объяснить публике:

— Если бы Леонид Иванович Федорчук не начал в 1964 году эпопею советских электромузыкальных инструментов, наша встреча с вами здесь сегодня бы не состоялась.

Успех выступления, длившегося около трёх часов, был ошеломляющим. После того, как мой концерт закончился, Николай Иванович Платицын поднялся на сцену и вручил мне Почётную грамоту под бурные аплодисменты присутствовавших в зале.

Во вторник 29 октября мне устроили экскурсионную поездку по Иркутску и его окрестностям. Николай Иванович прислал в моё распоряжение легковую машину с шофёром, а Лёня Федорчук попросил двух своих сотрудниц показать мне все достопримечательности города. День пролетел незаметно.

В среду 30 октября я почти весь день провёл у Лёни в лаборатории. Приходили какие-то музыканты, и я им рассказывал о возможностях «Ориона», а также показывал некоторые приёмы игры на нём. А потом мы погрузили «Орион» в заводской автобус, который прислал Николай Иванович, и перевезли его в актовый зал того семейного общежития, где жили Лёня, Света и Сашка.

Очень скоро актовый зал начал заполняться сотрудниками ОКБ объединения «Радиян». Их было человек 80 или больше. Сюда же стали стягиваться и жильцы семейного общежития.

И вот в такой почти неофициальной обстановке мы с Лёней оторвались, что называется, от души по полной программе. Я играл всё подряд и даже больше. Мы перепели все песни, которые помнили, и даже те, которые забыли. Это был удивительный вечер!

А в четверг 31 октября у нас состоялись выездные гастроли с экскурсией. Накануне Николай Иванович предупредил нас с Лёней, что мы все вместе поедem на озеро Байкал. Там было

запланировано наше выступление в каком-то подшефном Доме отдыха.

Утром мы снова загрузили электробаян в заводской автобус и отправились в увлекательное путешествие. Николай Иванович выступал в роли экскурсовода. Мы побывали в самых заповедных местах, я привязывал разноцветные ленточки к ветке дерева, на котором уже висели сотни таких ленточек, я черпал кружкой прозрачную воду из Байкала и тут же выпивал её, мы бродили по берегу озера и любовались его красотами. Незабываемое путешествие с потрясающими впечатлениями!

Потом мы приехали в подшефный Дом отдыха, где нас накормили прекрасным обедом. После небольшого отдыха мы начали готовиться к выступлению. Большой зрительный зал заполнился отдыхающими и работниками Дома отдыха. Как я понимаю, Николай Иванович заранее сделал нам рекламу.

И тут мы с Лёней, как и вчера вечером, разошлись не на шутку. Наше выступление длилось четыре часа без перерыва. Это был наш с Лёней рекорд. В Иркутск мы вернулись поздно вечером.

В пятницу 1 ноября по многочисленным просьбам работников завода мы устроили прощальный концерт прямо в помещении заводоуправления, в каком-то огромном холле с отходящими от него широкими коридорами. Народу было тьма. Прямо из цехов приходили в белых халатах люди, работающие во вторую смену. Те, кто уже закончили работу, не уходили домой. Все ждали встречи с чудом, встречи с прекрасной музыкой и прекрасным электромузыкальным инструментом, уже покорившим многие сердца.

На этом прощальном концерте не было сцены и зрительного зала. Слушатели были вокруг нас. Мы опять рассказывали и отвечали на вопросы. Я играл сначала свою программу, а потом всё, что просили слушатели.

А в субботу 2 ноября Николай Иванович и Лёня отвезли меня в аэропорт. Моя командировка закончилась. Неделя, проведённая у друзей в Иркутске, стала уже историей.

Прощаясь со своим другом Лёней Федорчуком, я надеялся, что госпожа Судьба ещё све-

дёт нас вместе на жизненном пути. И мы опять будем вспоминать всех наших друзей, которые были рядом все те годы, когда мы были вместе. И мы снова послушаем записи электронного баяна «Орион», вокруг которого кипели и чувства, и страсти.

МОЙ ДЕНЬ ЭЛЕКТРОМУЗЫКИ

В начале всех начал Бог создал наш Мир. Во всяком случае, так написано в Библии.

В начале XX века нашей эры молодой учёный и музыкант Лев Термен создал первый в мире электромузыкальный инструмент, которому впоследствии дали имя «терменвокс».

В начале 60-х годов XX века в Житомире на заводе «Электроизмеритель» был создан первый в СССР промышленный электромузыкальный инструмент «Эстрадин» (эстрадный инструмент).

А всё началось с того, что студент-первокурсник Одесского электротехнического института связи Лёня Федорчук услышал на студенческом балу, посвящённом встрече 1957 года, музыку, которая потрясла его своим фантастическим звучанием. Это играл какой-то зарубежный электроорган. Он влюбился в эти звуки раз и навсегда. И тогда само собой созрело решение посвятить свою жизнь созданию электромузыкальных инструментов.

Судьба свела Лёню с Виталием Ивановичем Волошиным, который, приняв его в свой конструкторский отдел Житомирского завода «Электроизмеритель», дал ему возможность начать экспериментировать с электромузыкой.

Первый электромузыкальный инструмент, созданный Федорчуком и Волошиным, представлял собой хаотическое нагромождение радиоэлементов, соединённых между собой на письменном столе. Клавиатурой были контакты реле, которые замыкались пальцами на печатную плату.

12 февраля 1964 года впервые данная конструкция была продемонстрирована комиссии во

главе с главным инженером завода А. Г. Назарчуком. В стенах лаборатории зазвучала электронная гамма — музыкальные звуки, рождённые электроникой. С этой поры ежегодно 12 февраля на заводе отмечался День электромузыки.

Я подключился к деятельности лаборатории в апреле 1969 года, когда начались работы по созданию электронного баяна «Эстрадин-8Б». С этого времени уже ни одно празднование Дня электромузыки не обходилось без моего участия. Да что там празднования! Для меня все последующие годы превратились в сплошной День электромузыки.

Я, как и Лёня Федорчук, влюбился в электронные звучания, открывая в них всё новые и новые горизонты для своего творчества. Каждый новый «Эстрадин», рождённый в совместных муках, расширял мой кругозор и заставлял искать новые краски и оттенки для музыкальной палитры. У каждого «Эстрадина» был свой неповторимый характер, свои привычки, свои предпочтения, свои любимые игры. И к каждому нужно было найти свой подход, свою тактику, свои решения.

А когда наши питомцы вдруг начинали капризничать, мне приходилось выслушивать их жалобы и претензии. Потому что приборы из-за ограниченности их параметров не всегда могли показать, что беспокоило тот или иной «Эстрадин». А мне, как музыканту, при тщательном и внимательном слуховом контроле, обследуя каждую кнопку, каждый переключатель, каждый регистр, каждый эффект инструмента, удавалось услышать, в каком его «оргane» находится неполадка.

Я настолько сроднился с электромузыкальными инструментами, что, подписывая свою грампластинку с записью электробаяна, ставил следующую подпись: «Грибер-Эстрадин». Лёня Федорчук на это новшество реагировал так:

— А что, это абсолютно оправданно. У тебя другого имени и быть не может. Никто не может сыграть на Эстрадине так, как ты. Я ведь слушал многих. Кто только не пытался играть. В твоей жизни сейчас такая полоса, что ты можешь быть только Эстрадином.

Иногда какой-нибудь скептик говорил нам:

— Почему-то ваши электробаяны пользуются спросом у свадебных музыкантов. Профессионалы же предпочитают играть на тульских заказных баянах.

Лёня Федорчук в таких случаях шутливо замечал:

— Да и в жизни так: один пьёт коньяк, другой — водку, а третий предпочитает самогон.

Я обычно реагировал на такие замечания следующими словами:

— Электронный баян «Эстрадин-8Б» пользуется спросом у разных музыкантов, в том числе, и у профессионалов. Что же касается тульских заказных баянов, то они не являются электронными. Поэтому сфера их применения не может быть сопоставима с электронным баяном.

Или вдруг раздавалось такое мнение:

— Мне кажется, что для вашего электробаяна не хватает музыканта с именем, то есть знаменитого баяниста, такого, как Паницкий, Бесфамильнов. При этом я нисколько не умаляю достоинств Альфреда Грибера.

— А Вам это и не удастся, — тут же парировал Лёня. — Потому что наш Альфред — экстра-музыкант. Он необыкновенный талантище и совершеннейший ас в Эстрадах. Я им восхищаюсь и не знаю других музыкантов, которые могли бы составить ему хоть малейшую конкуренцию. И я Вам объясню, почему я так думаю. Мы пересекались со многими баянистами того класса, о котором Вы говорите. И поняли одно: никакой суперпрофессионал, выходя на сцену, не станет рекламировать инструмент. Он будет рекламировать только себя, а об инструменте постарается вообще не говорить. Главное, чтобы всё сверкало...

Поскольку в таком разговоре речь шла и обо мне, я тоже считал целесообразным внести кое-какую ясность:

— Такие знаменитые баянисты, как Паницкий или Бесфамильнов, занимаются своей личной концертной деятельностью. К тому же, они не играют на электронном баяне. У них своя жизнь. Да и не всякий классический баянист может легко переучиться игре на электробаяне, который нужно любить и чувствовать, как самого себя.

Иногда я слышал обращённые ко мне неожиданные суждения:

— У Вас есть талант, и не только музыкальный. Вас уважают партийные власти. Вам удастся также ладить с отделом культуры.

Я реагировал на это с улыбкой:

— Это не мне удастся ладить с отделом культуры, а им со мной. Просто у них нет другого выхода. Я, пожалуй, единственный музыкант, который представляет с честью электромузы-

кальные инструменты Житомирского завода «Электроизмеритель» и в нашей стране, и за рубежом. К тому же многие властители любят похвастаться достижениями города и области перед своими гостями, а также послушать хорошую музыку. Поэтому они приходят сами и приводят своих гостей на мои выступления. Но чем я горжусь, так это тем, что я никогда не пресмыкаюсь перед «сильными мира сего». И чувствуя это, они уважают меня.

— Вам, Альфред, вообще везёт в жизни,— продолжал тот или иной собеседник.— Вот вы уже два раза побывали за границей. А я знаю многих музыкантов высокого класса, которые работают в государственных оркестрах СССР, но так и не смогли выехать за границу, даже в социалистические страны. И знаете, почему? Потому что им это не позволяла пятая графа. Короче говоря, все евреи плохие. Но, оказывается, есть и хорошие евреи, такие, как вы.

— Я выезжал за границу не потому, что я был, как вы выразились, «хорошим» евреем,— объяснял я своему оппоненту.— Это происходило в силу того, что демонстрировать наши электромузыкальные инструменты, как это делаю я, никто не может. И не потому, что я гениальный музыкант, а другие — нет. Просто так это случилось. Так распорядилась судьба, так легла карта. И даже тогда, когда более ретивые чиновники пытались воспрепятствовать моему выезду за границу, у них ничего не получалось.

— Что вы имеете в виду?— тут же последовал вопрос.

— Со мной произошёл такой случай перед поездкой в Югославию в 1980 году. Я в своей анкете не упомянул о том, что женат вторым браком. И в Торгово-Промышленной Палате СССР один чиновник мне заявил, что он не может выпустить меня за границу за такое сокрытие важных данных. Я сказал ему: «Хоро-

шо, я не поеду. А кто будет защищать престиж СССР вместо меня? Вы?» И, выйдя из его кабинета, я пошёл звонить в Министерство приборостроения. Уже через полчаса я был вызван обратно в кабинет, где меня «отлучили» от заграницы. Хозяин кабинета вежливо попросил меня написать добавление к моей анкете, в котором мне следовало указать данные о своём первом браке. И всё. Через час я уже брал билет на поезд в Загреб. Так что моё еврейство здесь совершенно ни при чём.

Я был уверен, что профессионализм и творческая самоотдача делу, которому ты служишь, приводят человека к желаемому результату. Для меня таким результатом было признание моих успехов как профессионального электромузыканта и подающего надежды инженера-конструктора. Поэтому мне и сегодня приятно читать строки моего друга Лёни Федорчука:

«Ведь ты был у нас не просто Грибером-Эстрадином. Я до сих пор вспоминаю, как ты помогал Яше Тененбауму составить схему ударного состава для электробаяна «Орион». Никто из нас этого бы сделать не смог, несмотря на качества Тененбаума, Фукса и мои. Ты не только составил рисунки ритмов и участвующих инструментов, но, насколько я помню, ты даже прорисовал для Яши все части ударника в микросхемах. Ведь это была работа квалифицированного электромузыканта и настоящего конструктора. И ударная часть совместно с басом и аккордами была лучшей из всех наших инструментов! На этот момент ты уже был конструктором-профессионалом. А это, знаешь ли, мало кому удаётся. Тебе удалось, потому что ты не только классный музыкант, но и умнейший инженер».

Приятные слова, ничего не скажешь! Тем более от друга, который никогда не кривил душой. Лёня и сейчас вспоминает:

«Так нас жизнь вела, брат. Мы с тобой всегда друг друга понимали лучше других. Сколько было в нашей жизни концертов — по всей стране, ты же не мог здесь, в своей книге, рассказать о всех — тысячи и тысячи! Получалось, — а я это чувствовал на 100 % — что ты всё время озвучивал то, что творилось в моей душе. Это тоже надо было чувствовать. Но я в этом никогда не сомневался. И ты, думаю, тоже.

Мне так хорошо от этой мысли, что судьба так нас свела и я мог длительное время совершенно справедливо восторгаться тобой, слушая тебя. Я был от этого счастлив тогда и счастлив сейчас, потому что у меня было соприкосновение с тобою. А это — незабываемо.

Я на тебя всегда смотрел и чувствовал тебя, как некое своё отражение. Понимаешь, так у нас генетически как-то произошло. Вроде это два человека, а чувствуется, как сиамские близнецы».

И я ощущал нас «сиамскими близнецами». Бывало, достаточно только взгляда, чтобы понять друг друга. Кажется, это называется таким понятием, как «родство душ».

Последней нашей общей любовью был, несомненно, электронный баян «Орион». Я вообще ощущал его, как продолжение себя. Всё лучшее, всё самое интересное на то время мы старались воплотить в этом инструменте. И я думаю, что у нас это получилось. Под словами «у нас» я имею в виду весь наш дружный творческий коллектив единомышленников НИО-17. Каждый вложил в «Орион» кусочек своей души. И он уже тогда был круче и интереснее всего того, что делалось в мире.

Лёня Федорчук писал мне недавно:

«Эх, как ты играл тогда! Я вспоминаю, как ты делаешь сольное вступление на правой клавиатуре. А потом при нажатии кнопки аккорда или баса на левой клавиатуре вдруг всё взрыва-

ется ритмом — и каким! Я помню, как слушатели в недоумении — «Откуда это взялось?» — начинают взорами искать другого музыканта, ударника. И не находят. Полный балдёж!

А у тебя ещё кнопка ритма под подбородком, которой ты всегда можешь сделать ритмическую паузу. А затем проиграть, солируя, мелодию и снова запустить ритм. Красота, да и только! На то время это была абсолютная фантастика!

Ты воспринимался, на мой взгляд, волшебником. Представь себе, что ты «Ориона» не слышал вообще. И вдруг какой-то парнишка вот так, не отходя от стула, берёт и играет тебе «Токкату» Поля Мориа с полным оркестровым звучанием.

Ты в это состояние «вползал» постепенно, через тернии, привыкал к нему постепенно, сам над этим думал и трудился. А если вот так сразу это услышать — ведь ошалеть можно.

Я это вынынчивал 20 лет и то ошалевал до мурашек в спине. Фантастика живём!»

А какие планы были у нас в то время! Кроме «Ориона» был создан целый ряд перспективных инструментов — электроорган «Солярис» («Эстрадин-314»), новый синтезатор «Альтаир» («Эстрадин-231»). Разрабатывались новые проекты усилительной техники, реверберации. Яша Тененбаум трудился над программным — компьютерным проектированием электромузыкальных инструментов. Было взято правильное направление!

Но всем этим планам не суждено было исполниться. В 1985 году Лёня Федорчук уехал в Иркутск, и наш отдел осиротел, в полном смысле этого слова.

Лёня был не просто нашим начальником. Он был тем стержнем, который держал всю нашу конструкцию. Он был тем цементирующим началом, который скреплял всё НИО-17. Он был

генератором идей, вдохновителем всех начинаний, чутким собеседником, умным руководителем, гениальным инженером и конструктором, весёлым и жизнерадостным человеком, верным и преданным другом и товарищем.

После отъезда Лёни всем стало понятно, что без него уже ничего не будет. И люди, которых Лёня собирал вокруг себя годами, постепенно стали расходиться по другим местам.

Но каждый год 12 февраля мы все звоним друг другу и поздравляем с нашим общим профессиональным праздником — Днём электромузыки. Перефразируя классика, мы все можем сказать, что это «Праздник, который всегда с нами!»

Вот и в этом году 12 февраля Лёня Федорчук послал по интернету всем нашим такое поздравление в День электромузыки:

«Дорогие мои друзья! От всего сердца поздравляю вас с нашим праздником — Днём электромузыки! Много лет мы были верны избранной нами профессии. Мы жили этим, работали, вместе грустили и радовались. Эти связь и дружба наша долгая останутся с нами навсегда. Мы честно работали и сделали всё, что смогли. Счастья, здоровья и успехов вам, мои сподвижники!»

Я подписываюсь под каждым словом в этом поздравлении. Хочу только добавить, что если мы создали то, что можно было сделать на строгом дефиците материалов и комплектующих, то всем нам за это полагаются только почёт и уважение. Потому что памятников при жизни нам всё равно никто не поставит.

Но зато мы с Лёней Федорчуком нашей общей книгой воздвигнем памятник тому времени и всему нашему электромузыкальному братству!

Спонсор издания книги Иваницкий Игорь Николаевич, главный редактор и совладелец «КРОК Радио» (Житомир—102,2 МГц), ученик автора книги «Собачья жизнь».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Леонид Федорчук	
СОБАЧЬЯ ЖИЗНЬ-2	3
Некое подобие предисловия	5
Засилье сперматозавров в Житомире	20
Ёжик в тумане (1964-2010)	26
Шапка на тесёмках (1973)	34
Колбасная история (1982)	38
Днепр-11 (1960)	43
«У вас с яйцами всё в порядке?»	50
21 июня 1962 года	53
Веня Марчук	61
Made in Levkov (1962-1963)	72
«Его Электроизмерительское Величество»	86
Поэзия моих ночных тревог	104
Релаксации	115
Хороший мальчик Сёма	124
Под прессом	143
Женя Лашук и Люда Седова (1964-1980-2006)	155
Житомирский «менталитет»	169
Камо грядеши, Житомир	181
Альфред Грибер и наши приключения	193

Альфред Грибер	
ЭСТРАДИНЫ МОЕЙ ЖИЗНИ	203
Дом культуры или заводской клуб	204
Прикосновение к электромузыке	211
Вполне оправданные переходы	219
Рождение первого электробаяна	227
Триумфальное шествие	230
Одесские мелодии	238
Мои встречи с Л.С. Терменом	243
«Боевое» крещение	254
Худрук пединститута	264
Студент-заочник	268
Международное признание	274
Электробаян звучит на грампластинке	287
«Альфреду от Аллы»	297
Весенняя Лейпцигская ярмарка 1978 г	308
Осенняя Загребская ярмарка 1980 г	319
Опередившие своё время	325
Страсти вокруг «Ориона»	332
Мой День электромузыки	346

Літературно-художнє видання

Леонід ФЕДОРЧУК

Вибір життя - 2

Альфред ГРІБЕР

ЕСТРАДИНА МОГО ЖИТТЯ

Проза

Редактор *Н. Н. Москалевська*
Коректор *Н. Н. Дьякова*
Комп'ютерна верстка
та оформлення *О. Л. Федорчук*

Формат 70х90/32. Папір офсетний.
Гарнітура NewtonC.
Усл. друк. арк. 0,00. Обл.-вид. арк. 0,00.
Тираж 300 прим. Зам. 000.

Віддруковано з готових оригінал-макетів
у видавництві «Рута».
10008 Житомир, вул. М. Бердичівська, 18.